

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2024

Том 24
Выпуск 2

Александр Жаров

Метафора как фактор
эволюционной изменчивости
научных теорий

Дмитрий Балашов

Эффективен ли
эффективный альтруизм?

Алексей Никандров

Антиномия классов и народа
в советской теории
социалистического государства:
концепт
«всенародное государство»

Александр Белоусов

Артур Понсонби
и отмена пропаганды

Артур Понсонби

Ложь в военное время

Богдан Лесив

Правовой реализм против
юридического формализма:
вердикт судьи О. Холмса

Андрей Макаров

Ольга Голубенко

Программы
комфортной городской среды
в России: институты,
регулирование, финансирование

Вячеслав Васечко

Идейное наследие Д.А. Дриля:
становление русской уголовно-
антропологической школы

Российская Академия Наук

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 24

Выпуск 2

Екатеринбург – 2024

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Цинянь АНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, главный научный сотрудник ИНИОН РАН (Москва, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЬЯНОВ**, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук, доц.; **Арmando СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания), д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИПОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (спец.: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); КиберЛенинку; базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI); международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS.

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 г. В 1999–2018 гг. выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 г. журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте <https://www.ural-press.ru>).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

Статьи распространяются на основе публичной лицензии Creative Commons

Russian Academy of Sciences

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 24

Issue 2

Yekaterinburg 2024

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquín H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **Qinian AN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOVA** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal has been included into the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of science should be published (specialties: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). It is indexed and referenced in the Russian Science Citation Index (RSCI); CyberLeninka; RSCI database on the Web of Science platform; EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS.

Founder and Publisher

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The journal has been published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal has been published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency "Ural-Press" (contacts of the nearest offices are to be found on the website <https://www.ural-press.ru>).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 5, 2019.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

The articles are distributed under a Creative Commons public license

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ФИЛОСОФИЯ

- Жаров А.М.* Метафора как фактор
эволюционной изменчивости научных теорий 7
- Балашов Д.В.* Эффективен ли эффективный альтруизм? 26

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Никандров А.В.* Антиномия классов и народа
в советской теории социалистического государства:
концепт «всенародное государство» 47
- Белоусов А.Б.* Артур Понсонби и отмена пропаганды 71
- Понсонби А.* Ложь в военное время: истории зверств,
фейковые фотографии, преступный кайзер,
исключительная ответственность Германии за войну
(перевод А.Б. Белоусова) 88

ПРАВО

- Лесив Б.В.* Правовой реализм против юридического формализма:
вердикт судьи О. Холмса 107
- Макаров А.В., Голубенко О.И.*
Программы комфортной городской среды в России:
институты, регулирование, финансирование 140
- Васечко В.Ю.* Идейное наследие Д.А. Дриля:
становление русской уголовно-антропологической школы 161
- Книжная полка** 186

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

<i>A. Zharov.</i> Metaphor as a Factor of Evolutionary Variability of Scientific Theories	7
<i>D. Balashov.</i> Is Effective Altruism Effective?	26

POLITICAL SCIENCE

<i>A. Nikandrov.</i> Antinomy of Classes and People in the Soviet Socialist State Theory: The Concept of “All People’s State”	47
<i>A. Belousov.</i> Arthur Ponsonby and the Abolition of Propaganda.....	71
<i>A. Ponsonby.</i> Falsehood in War-time: Atrocity Stories, Faked Photographs, The Criminal Kaiser, and Germany’s Sole Responsibility for the War (translated by Alexander Belousov)	88

LAW

<i>B. Lesiv.</i> Legal Realism vs Legal Formalism: Justice Holmes’ Judgment	107
<i>A. Makarov, O. Golubenko.</i> Programs for Comfortable Urban Environment in Russia: Institutions, Regulation, and Finance	140
<i>V. Vasechko.</i> The Ideological Legacy of Dmitry Dril: The Formation of the Russian Anthropological School of Criminal Law	161
Shared Shelf	186

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Жаров А.М. Метафора как фактор эволюционной изменчивости научных теорий // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 7-25. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_7

УДК 165

DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_7

Метафора как фактор эволюционной изменчивости научных теорий

Александр Михайлович Жаров

Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»
Институт философии РАН
г. Москва, Россия
E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

*Поступила в редакцию 19.02.2024, поступила после рецензирования 06.05.2024,
принята к публикации 29.05.2024*

Статья посвящена анализу философских проблем, связанных с изучением процесса вербализации нового знания. Особое внимание уделяется выявлению места и роли метафоры в языковом оформлении этого знания. Характеризуется своеобразие метафорической речи в различных сферах творчества (наука, поэзия, мифология). Анализ особенностей метафорического языка науки проводится преимущественно на материале истории развития физического знания. Автор стремится разработать собственную обобщающую концепцию метафоры на основе теории отечественного философа А.Л. Никифорова о структуре человеческого познания, состоящей из трех

© Жаров А.М., 2024

контекстов (материальный, культурный, личностный), с элементами которых ученый сопоставляет новое явление. В этой связи сущностью метафоры выступает игра сходств и различий личного опыта ученого и новых данных. Окончательно новое знание оформляется с закреплением за новым явлением интерпретирующей его метафоры. Сначала формулируется так называемая коренная метафора, выражающая главный аспект нового знания. Затем вокруг нее разрастается сеть уточняющих вспомогательных метафор, сцепляющихся в результате все большего соприкосновения разных аспектов личного опыта ученого с различными аспектами нового явления, оформляемого в новое знание. В данном случае метафора выступает, по мнению Ст. Тулмина, составным элементом концептуальной популяции. Содержание последней не получило достаточной разработки в учении британского философа, и автор статьи восполняет данный пробел. С его точки зрения, именно метафора является базовым элементом такой популяции, а значит, становится основной мерой эволюционной изменчивости научных теорий. К тому же, как полагает автор, метафорическое определение базового элемента концептуальной популяции Ст. Тулмина дает возможность разрешить конфликт между разными подходами в описании научного прогресса. Концентрация не на описании его природы, а на мере изменчивости научного знания позволит объединить конфликтующие стороны.

Ключевые слова: научное познание, новое знание, научная теория, научный прогресс, вербализация, метафора, эволюционная эпистемология, семантика

Благодарности: Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10171 «Трансдисциплинарные концептуализации научного прогресса: проблемно-ориентированный, семантический и эпистемический подходы. К 100-летию со дня рождения Томаса Куна и Имре Лакатоса».

Metaphor as a Factor of Evolutionary Variability of Scientific Theories

Alexander M. Zharov

Inter-regional Non-Governmental Organization
“Russian Society for History and Philosophy of Science”
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

Received 19.02.2024, revised 06.05.2024, accepted 29.05.2024

Abstract. The article analyzes philosophical problems related to the study of the verbalization of new knowledge. Special attention is given to identifying the place and role of metaphor in the linguistic expression of this knowledge. The originality of metaphorical speech in various fields of creativity (science, poetry, and mythology) is characterized. The analysis of the features of the metaphorical language of science is conducted mainly through the history of development of physical knowledge. The author aims to develop his own generalizing concept of metaphor based on Russian philosopher Alexander Niki-forov’s theory about the structure of human cognition, consisting of three contexts (material, cultural, and personal) with the elements of which a scientist compares a new phe-

nomenon. In this regard, the essence of the metaphor lies in the interplay of similarities and differences between the scientist's personal experience and new data. Ultimately, new knowledge is formed with the establishment of a metaphor that interprets the new phenomenon. Initially, a so-called root metaphor is formulated, expressing the main aspect of the new knowledge. Subsequently, a network of clarifying auxiliary metaphors develops around it, interlocking due to the increasing interaction of various aspects of the scientist's personal experience with different aspects of a new phenomenon being framed into new knowledge. In this case, the metaphor acts as an integral element of the conceptual populations, according to Stephen Toulmin. The content of these populations has not sufficient elaborated in the British philosopher's teaching, and the author of the article addresses this gap. From his perspective, it is the metaphor that can act as a basic element of such populations, thereby becoming the primary measure of evolutionary variability of scientific theories. In addition, the author believes that the metaphorical definition of Toulmin's basic element of conceptual populations can resolve conflicts between different approaches to describing scientific progress. Focusing on the description of its nature rather than on the extent of variability of scientific knowledge will allow the conflicting parties to unite.

Keywords: scientific cognition, new knowledge, scientific theory, scientific progress, verbalization, metaphor, evolutionary epistemology, semantics

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 22-78-10171 "Transdisciplinary Conceptualizations of Scientific Progress: Problem-oriented, Semantic and Epistemic Approaches. To the 100th Anniversary of the Birth of Thomas Kuhn and Imre Lakatos".

For citation: Zharov A.M. Metaphor as a Factor of Evolutionary Variability of Scientific Theories, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 7-25. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_7

Введение

Проблема определения сущности научного прогресса не теряет своей актуальности. Что именно в научном знании изменяется, развивается и прогрессирует? А. Берд объединил разные точки зрения по этому вопросу в три основных подхода: семантический, функционально-интерналистский и кумулятивный (Bird 2007). С нашей точки зрения, конфронтацию между ними возможно преодолеть путем смещения вопроса с *что* меняется на *как* меняется. Уход от попыток описать сущность научного прогресса в сторону формального описания его динамики поможет как сохранить особенности каждого подхода, так и объединить их (ведь все они сосредотачиваются на изменении как таковом, различаются лишь его критерии) в движении к одной цели. Цель же заключается в определении меры изменчивости научного знания элементарной составляющей теории.

В эволюционной эпистемологии на эту роль уже предложено научное понятие как таковое. В своей монографии «Человеческое понимание» Ст. Тулмин применительно к научному прогрессу активно использует метафору популяции. Он утверждает, что наука, ее дисциплины и теории состоят из концептуальных популяций (популяций понятий), которые не связаны между собой логической необходимостью. Каждый элемент популяции

обладает самостоятельностью, возможностью изменения своих функций или перехода в другую популяцию (Тулмин 1984: 140). Именно понятие является элементарной составляющей теории и мерой эволюционного научного прогресса, которая призвана объединить три разновидности подхода к описанию научной динамики.

Но, собственно говоря, в этих предложениях изложено практически все содержание идеи Ст. Тулмина. Он воспринимает концептуальные популяции как нечто само собой разумеющееся: постулирует их наличие и далее использует как полностью понятный термин. Однако очевидно, что данного объема информации недостаточно, сразу возникает множество вопросов. Какова структура этих популяций? Что их объединяет? Каким образом научное понятие оказывается «кирпичиком», из которого строится теория? Что это за понятие?

С нашей точки зрения, научное понятие имеет, прежде всего, метафорическую природу. Именно метафора способна принять на себя эту роль. В этой связи цель настоящего исследования состоит в разработке концепции метафоры как составного элемента концептуальной популяции Ст. Тулмина, что поможет объединить разные подходы.

Ренессанс метафоры

Революционные изменения в структуре и динамике современного научного знания вызвали повышенный интерес к анализу языка науки. Эти новые семантические тенденции в развитии методологии в какой-то мере отражают своеобразный феномен – ренессанс метафоры. К такому выводу приходит Р. Хонек, анализируя возрождение интереса к метафоре в сфере методологии современного научного познания (Honeck 1980: 38).

Ренессанс метафоры особенно впечатляет на фоне традиционного отношения к ней. До недавнего времени она не фигурировала в сфере семантики научного языка, метафорический язык науки просто не замечали. Представители точных наук часто выражали свое пренебрежительное отношение к псевдонаучным тезисам репликой «это метафорично», что равнозначно выражению «это ненаучно». Присутствие метафор в языке науки воспринималось как явное проявление псевдонаучной методологической рефлексии. Казалось, метафора годится только для декоративной роли и в лучшем случае эстетического познания, но никак не научного, грозя последнему только затуманиванием смысла (Лагута 2003).

Мнение, что метафоризация языка науки противоречит нормам научной традиции, как правило, порождает пренебрежительное и даже подозрительное отношение к познавательному содержанию метафоры. Разумеется, в подобной атмосфере претензии метафоры на интеллектуальную ценность иллюзорны. Это обстоятельство и объясняет в некотором плане внезапность открытия феномена метафоричности языка науки и когнитивной ценности метафоры. Никого не удивляют рассуждения о плодотворности метафоры в гуманитарной сфере. Например, А.Н. Фатенков обнаруживает в различиях интерпретаций метафор разные экзистенциальные установки,

восходящие к средневековым спорам номиналистов и реалистов (Фатенков 2005). Но многие все еще с подозрением относятся к размышлениям о познавательной роли метафоры в науке и философии.

Однако уже никто не отрицает наличия в научных текстах огромного числа метафор. Более того, это воспринимается не как помеха, а, наоборот, как своеобразный способ познания, способствующий большему пониманию: «...планетарная модель атома, предложенная физиком Эрнестом Резерфордом в 1911 г.; черная дыра для обозначения области пространства-времени с огромным притяжением; первичный бульон – теория о возникновении жизни на Земле в ходе постепенной химической эволюции молекул, содержащих углерод; геном человека как книга, а генофонд как библиотека – отсюда читать геном, то есть расшифровывать систему кодирования наследственной информации живых организмов, и другие метафоры» (Чаплин 2018: 347-348)

Такое изменение отношения стало возможным в результате краха неопозитивистского проекта избавления научного языка от всех метафорических конструкций. Выяснилось, что данное стремление выполнимо только в рамках узкой области с применением довольно примитивного языка. Это подтверждает Л. Витгенштейн: «В стремлении к идеальному языку мы оказываемся на скользкой поверхности льда, где нет никакого трения и условия в известном смысле слова идеальны, но именно поэтому мы не можем двигаться. Мы хотим ходить: тогда нам необходимо трение. Назад на грубую почву!» (Витгенштейн 2018: 80). С ограничением метафорического процесса наука сужает свои познавательно-эвристические возможности.

Т. Коэн в начале 1980-х гг. писал, что наконец-то наступили хорошие времена для партнерства науки и метафоры, но при этом не следует забывать, что не так давно из-за стараний позитивизма в методологии науки господствовало пренебрежительное отношение (Cohen 1981: 1).

Интерес к метафоре в науке мотивируется не эстетико-эмотивными и орнаментально-риторическими соображениями, а, прежде всего, когнитивными. Ученого подводит к этому внутренняя логика развития знания: его метафоротворчество составляет неотъемлемую часть научного процесса. Научные метафоры – это своеобразные визитные карточки революционных эпизодов в развитии науки, и по метафорическим «узлам» языка науки возможна реставрация мутаций научной мысли. Как видно, решение проблемы метафоры представляет интерес как в плане понимания особенностей развития современного познания, так и в контексте задач истории науки. Данная проблематика разрабатывается в основном в трех направлениях – семантическом, прагматическом (социокультурологическом) и психологическом. Выделим некоторые концепции, разработанные зарубежными учеными в рамках указанных подходов.

Начнем с рассмотрения аргументов сторонников семантического анализа – П. Рикера, У. Эко, Н. Гудмена и др. С их точки зрения, метафора – неотъемлемое свойство языка, позволяющее репрезентировать всякую новую личностную информацию посредством модификаций семантического пространства (поля) языка. Анализ проблемы немислим вне исследования

вербальной деятельности, явлений семантического сдвига. Любая метафора представляет собой продукт семантической комбинаторики внутри языковой матрицы: метафора есть «коллапс значения» (П. Рикер), «семантическая аномалия» (Ш. Лэппин), «миграция или диффузия понятий с целью захвата новой семантической территории» (Н. Гудмен) и т.д. Семантический подход ориентирует внимание исследователя строго на изучение процессов в области семантики научных терминов. В метафоризации отражаются определенные семантические отклонения от общепринятых норм языка науки.

Наиболее последовательным противником семантической интерпретации проблемы метафоры выступает представитель прагматического подхода Д. Дэвидсон. Не соглашаясь с известным положением М. Блэка, согласно которому «правила нашего языка определяют, что некоторые выражения должны считаться метафорами», он утверждает, что метафора рождается исключительно в сфере реальной практики языкового употребления (Davidson 1981). Другими словами, ее смысл определяется социокультурными нормами лингвистической коммуникации. Точку зрения Д. Дэвидсона с теми или иными оговорками поддерживают И. Левенберг (Loewenberg 1981), Р. Мур (Moore 1982) и др. Не всякая семантическая ошибка, заявляют сторонники прагматического подхода, приобретает с необходимостью статус метафоры. Термин выступает в качестве метафоры лишь в контексте, за пределами которого он как продукт семантического отклонения представляет практически все (ошибку, бессмыслицу и т.п.), но только не метафору. Отсюда следует, что метафоричность языка тесно связана с намерением (интенцией) субъекта в реальной практике языковой деятельности.

На наш взгляд, исследование проблемы метафоры достигло бы более существенных успехов, если бы рамки анализа не ограничивались так жестко областью либо семантики, либо прагматики. Примечательны в этом отношении «дуалистические» воззрения некоторых ученых (Н. Гудмен, У. Эко, М. Блэк). Семантико-прагматический характер их методологической позиции в решении ряда вопросов косвенно отражает признание достоинств обоих подходов.

Психология метафоры, в отличие от семантики и прагматики, не имеет четко очерченной области. По этой причине представители психологического подхода (Э. Ортони, Р. Вербрюгге, Г. Поллио и др.) находятся в особом положении. Чаще всего их концепции представляют собой попытки проецирования проблем семантической и прагматической интерпретации метафоры на психологическую плоскость. В сфере современных психолингвистических (психосемантических) исследований экспериментальными приемами психологии успешно разрабатываются важные аспекты семантики и прагматики метафоры. Можно с уверенностью сказать, что психолингвистическое изучение метафоры содействует расширению горизонта метафорики.

Анализируя актуальные проблемы метафорики, исследователи отмечают, что любая достаточно удовлетворительная теория должна, прежде всего, четко определить свое отношение к следующим вопросам: что такое

метафора, как мы узнаем ее (проблема критерия); каким образом осуществляется понимание метафоры (проблема интерпретации); какую роль выполняет та или иная метафора (проблема функционального статуса и классификации).

Решение вопроса, каким образом устанавливается метафоричность метафоры, во многом определяется рамками методологического подхода. Так, например, с семантической точки зрения индикатором выступает явление семантической аномалии: выражение метафорично, если противоречит общепринятым нормам семантики терминов. Семантический подход поднимает проблему критериев детских, машинных метафор и метафор шизофреников. Не так легко сформулировать универсальный критерий. Его разработка находится в центре внимания представителей как прагматического, так и психологического подходов.

Прагматический подход в отличие от семантического утверждает в эксплицитной форме несостоятельность самой попытки построения универсального критерия. Поскольку метафоры отличаются функционально от языка к языку и от культуры к культуре, должны, соответственно, отличаться и критерии идентификации. По мнению М. Блэка, метафору продуцирует преднамеренное нарушение правил языковой игры. Конкретные формы языковой деятельности (миф, поэзия, наука) регулируются как общими нормами языка, так и своими специфическими правилами. В конкретных языковых системах по-разному реализуются метафорические возможности языка, поэтому метафору порождает не языковая деятельность вообще, а конкретные формы языковой игры «не по правилам».

С проблемой узнавания метафоры тесно связана и проблема интерпретации (понимания). Это довольно сложный психолингвистический процесс. Неудивительно, что данная проблема в основном решается в сфере психологии. Понимание метафоры, подчеркивает Э. Ортони, есть процесс элиминаций эмоционально-интеллектуального напряжения. Она всегда вызывает специфический «метафорический шок», поскольку приглашает человека в мир неожиданностей и загадок (согласно теории Аристотеля, всякая метафора – загадка, а Дж. Вико рассматривал метафору в качестве своеобразного мифа в миниатюре). В этой связи исследователь проецирует проблему постижения сути метафоры на плоскость психологического анализа процесса элиминации напряжения (Ortony 1980: 73-78).

Пытаясь добиться ясности, некоторые авторы обращают пристальное внимание на функциональное содержание метафоры. Они не без основания полагают, что рассмотрение основных функций может послужить эвристическим ключом для понимания метафоры и наметить пути успешной классификации метафорических выражений. Связь процедуры понимания с типизацией проявляется даже в том, что до акта интерпретации метафоры мы должны выяснить, в какой области языковой деятельности она «прописана». М. Гизелин, анализируя в контексте метафорического манифеста проблемы дисгармонии между наукой и искусством в современной западной культуре, с сожалением подчеркивает: «Никого не удивляет то обстоятельство, что соловей поэта и соловей ученого (орнитолога) обитают в разных

мирах» (Ghiselin 1976: 493). Однако в каком-то смысле «соловьи» поэта и ученого обязаны обитать в разных языковых пространствах и, естественно, «петь» разные песни. Бессмысленно интерпретировать метафору, если предварительно не установлена ее «языковая прописка» (языковая среда обитания).

Структурные особенности метафоры

В построении своей концепции метафоры мы будем отталкиваться от идей А.Л. Никифорова, который в своих онтологических конструкциях (Никифоров 2010; Никифоров 2015), представлениях о сущности познания (Никифоров 1991), учении о соотношении смысловой структуры слова и его референта (Никифоров 2011; Никифоров 2012) обычно выделял близкие друг другу структуры. В целом любое познание, по мнению философа, проходит через встраивание явления в три контекста. Первый можно обозначить как материальный – обозначение места явления в физическом пространстве и времени. Второй является культурным или социальным – явление занимает свое положение и обретает смысл относительно уже объективно существующих в интерсубъективной среде культурных элементов – значение слов, символы, правила и т.д. На заключительном этапе человек сопоставляет каждое явление с личным опытом, дает уникальную интерпретацию тех образов и понятий, которые наполняют его сознание.

За средой внутреннего мира субъекта А.Л. Никифоров закрепил понятие «индивидуальный смысловой контекст», что определяется как система «взаимосвязанных смысловых единиц, содержание которых зависит от их места в контексте, в связи с остальными единицами и непосредственно с индивидуальным Я, которое оценочно относится к каждой единице и определяет степень ее значения. Само множество смысловых единиц составляет язык, чувственных впечатлений, наглядных и абстрактных образов, формируя системы знаний, верований, морально-этических норм и т.д. Интерпретация явлений внешнего мира происходит путем встраивания их в этот контекст, через соотнесение с уже имеющимися смысловыми единицами» (Жаров 2024: 43).

Понятие смысловых единиц, составляющих индивидуальный смысловой контекст, мы намерены использовать в попытке прояснить учение Ст. Тулмина о концептуальном элементе, составляющем концептуальную популяцию. Он представил лишь набросок идеи популяционной формы научного знания, который нуждается в дальнейшей разработке. Дать определение элемента концептуальной популяции мы намерены через отождествление с элементом индивидуального смыслового контекста А.Л. Никифорова. Однако все равно непонятно, каким образом элементы индивидуального смыслового контекста соединяются в концептуальные популяции. Российский философ дает нам лишь небольшую подсказку – связь между элементами метафорическая, опирается на сравнение и определение элементов друг через друга. Все новые данные в своем пути к пониманию субъектом познания проходят через этапы метафорического сравнения, определе-

ния – через уже существующие смысловые элементы знания. Таким образом, связь концептуальной популяции и индивидуального смыслового контекста является метафорической: они выступают метафорами друг друга. Процесс переплавки новых эмпирических данных в научное знание мы намерены показать через определение природы элементов концептуальной популяции как метафорической. Данный познавательный акт будет проведен с опорой на различные теории метафоры.

Приведенную выше мысль хорошо выразил Х. Ортега-и-Гассет: «Когда ученый открывает дотоле неизвестное явление, то есть когда он создает новое понятие, он должен его назвать. Поскольку совершенно новое слово ничего не говорило бы носителям языка, он вынужден пользоваться существующим лексиконом, в котором за каждым словом уже закреплено значение. Чтобы быть понятным, ученый выбирает такое слово, значение которого способно навести на новое понятие. Термин приобретает новое значение через посредство и при помощи старого, которое за ним сохраняется. Это и есть метафора» (Ортега-и-Гассет 1990: 68-69). Иными словами, любое новое явление в познании проходит через сравнение с уже существующими контекстами. Результатом этого процесса мы видим именно метафору.

Таким образом, суть метафоры определяется своеобразием искусства сравнения и особенностями сравниваемых объектов (прежде всего, параметрами нового знания). В реальной познавательной ситуации сфера вовлечения объектов в поле сравнения ограничивается рядом факторов – ресурсом культуры, контекстом науки, личностными параметрами. Поэтому вероятность возникновения удачных ассоциаций, аналогий зависит от уровня развития науки и, как подчеркивает Е.З. Мирская, от уровня отчета исследователя. Последний обусловлен глубиной и разнообразием личностного знания, полем воображения, парадоксальной комбинацией качеств (Микулинский, Ярошевский 1969: 292-294). Комбинации качеств исследователя («мозаичность» интересов личности) действительно играют существенную роль в построении матрицы сходств, ассоциаций, аналогий. Между характером, степенью «мозаичности» интересов и своеобразием генерируемой процедурой сравнения метафоры существует тесная связь.

При анализе сущности метафоры необходимо учитывать различия и сходства в актах сравнения. На их диалектику обращал внимание еще Аристотель. Удачное завершение поиска сходства в мире несходных явлений – весьма трудная задача (достаточно вспомнить, что свойства и отношения объектов неисчерпаемы). Исследователь оказывается в очень сложной ситуации – выявить сходство между, казалось бы, совершенно разными явлениями. Проблема состоит в том, что он не знает, что с чем сравнить и на что обращать внимание – на сходство или различие. Важно найти точную «меру» акцента на разных этапах решения проблемы. Стратегия предпочтения сходства или различия задается, видимо, спецификой проблемы и намерением думающего. Возможность такой стратегии заключена в самой сущности сравнения, допускающей как сближение сходного и несходного, так и отдаление. В пространстве воображения исследователя формируется

в зависимости от своеобразия проблемы и его намерения либо матрица сходства, либо матрица различия. Не исключается и ситуация, когда изображение формирует матрицу игры сходства и различия.

Процесс метафоризации нового знания актуализирует поиск сходства. Его обнаружение является главным условием вербализации нового в науке, ибо по каналу сходства поступает вербализованная информация, необходимая для осмысления сущности новизны. Отсутствие акцента на различии носит условный характер. Различие временно отодвигается на второй план, но постоянно присутствует «около» или виртуально в метафоре, выполняет роль «суфлера» в игре сходства и различия. Полное игнорирование или ошибочное восприятие «подсказок» различия существенно влияет на конечный результат процедуры сравнения и на плодотворность метафоры. Сходство и различие взаимосвязаны и в чистом виде возможны только в абстракции. В реальных актах сравнения одно непременно предполагает другое. Причем эта связь меняется по статусу доминантности сходства или различия в зависимости от характера установки на процесс сравнения: если задана установка на формирование матрицы различий, то в этом случае поиск корректируется «закулисными подсказками» сходства.

Соотношением сходства и различия объясняется не только структурное своеобразие метафор, но и особенности становления и функционирования различных типов метафор – научных, поэтических, мифологических. Так, например, метафора «человек-машина» имеет различную степень нагруженности мерой сходства и различия. В науке ее смысл определяется при неременном соблюдении дистанции по отношению и к сходству, и к различию. Научная метафора избегает условности различия, чтобы предохранить себя от «патологии» буквализма, и в то же время она не доводит сходство до полного тождества, чтобы не свести «очарование» новизны и заключенную в метафоре загадочную интенцию автора до абсурда. Акцентом на сходстве или различии можно объяснить и моменты становления научной метафоры: в атмосфере выявленных сходств рождается метафора, в игре сходства и различия реализуются ее эвристические возможности, и на фоне различия происходит постепенное вырождение в нейтральное понятие. В поэтической метафоре «человек-машина» сходство условно (формально), а различие имеет тотальный характер. Такая расстановка акцентов постоянна, поэтому метафора сохраняет свой метафорический смысл на протяжении всей истории поэзии. Вырождение поэтической метафоры в нейтральное понятие противоречит «логике» поэзии. Это же присуще и мифологической метафоре: ее отличие от поэтической и научной заключается в том, что различие и сходство условны. Именно момент проецирования себя на иное и отождествление своего с иным характеризует своеобразие мифологической (и детской) метафоры. Различие здесь неуместно, противоречит логике мифологического метафоротворчества.

Научная метафора основана на сходстве нового (личностной информации) с иным, но оно осознается на фоне несходства нового и иного. Новое допускает лишь точку соприкосновения с иным объектом (момент сходства). Чем больше подобных сцеплений, чем большее число точек со-

прикосновения с иным, тем выше вероятность адекватной вербализации метафорой сущности нового. Каждой точке сцепления соответствует определенная метафора (то есть метафора фиксирует момент сходства принципиально несходных явлений), а совокупность таких точек передается системой метафор.

Рассмотрим в качестве примера процесс формирования метафорического языка квантовой хромодинамики. В настоящее время в становлении понятийного аппарата теории сильных взаимодействий принимает непосредственное участие весьма странное «семейство терминов» – квант, поле, аромат, заряд, очарование, цвет, мешок, спектр и т.д. Данное поле сравнения создает особую матрицу сходств, где возможны сцепления объектов в «метафорических кентавров»: очарованный аромат, цветной заряд, квант цветного поля, голубой или бесцветный кварк, цветовой поток через поверхность мешка, голое очарование и др. Все это происходит в науке, которую вряд ли можно назвать прото- или псевдонаучной либо уличить в пристрастии к лингвистическому декорированию понятийного аппарата. По нашему мнению, метафорический характер становления языка квантовой хромодинамики служит достаточно убедительным подтверждением правомерности положения, что метафоричность порождается внутренней логикой развития научного знания. Процесс метафоризации во многом зависит от искусства сравнения и сцепления объектов, поиска и построения матрицы сходств как необходимого условия метафорического языка, расстановки акцентов в игре сходств и различий.

Сравнение нового с фрагментами личностного знания, составляющего неотъемлемую часть общечеловеческого ресурса культуры, позволяет построить матрицу сходств в пространстве воображения личности. Метафорический язык – конечный пункт вербализации ассоциативных комбинаций и сцеплений нового с другими объектами по сходству признаков. В бесконечном лабиринте сцеплений, отмечал Л.Н. Толстой в письме Н.Н. Страхову, состоит сущность искусства, и перед исследователем стоит принципиальная задача выявления законов, которые служат основанием этих сцеплений¹. Следует подчеркнуть, что в лабиринтах сцеплений рождается не только объект искусства, но и новое в науке. Сцепление нового с элементами общепринятого знания создает условия для осмысления его сущности путем метафоризации терминов обычного языка. Сближение по сходству инвербализованной новой информации с фрагментами вербализованной системы общечеловеческого знания и сцепление нового с данными фрагментами знаменуют в семантическом отношении момент рождения метафоры. Основное назначение сцепления в том и заключается, что оно позволяет заимствовать «имена» других объектов, с которыми сцеплено новое, для вербализации своей сущности. В процессе такой косвенной номинации (а метафора выполняет и номинативную функцию) происходит вербализация нового.

¹ Толстой Л.Н. 1955. О литературе. Статьи, письма, дневники. Москва : Гослитиздат. С. 155-156.

Метафорический язык науки

Такой сложный процесс, как становление принципиально нового знания, разумеется, не ограничивается продуцированием одной метафоры. Процедура вербализации нового в науке предполагает разработку совершенно нового языкового каркаса. Поиск полезных метафор и построение мозаичного по своему содержанию метафорического языка являются необходимым условием возможности постепенного осуществления программы адекватной вербализации сущности нового. Процесс поиска метафоры выступает лишь начальной фазой метафоризации языка науки. Становление нового – сложный, многоаспектный процесс, и наиболее важным его параметром является метафоричность. Другими словами, новое формируется в процессе метафоризации языка.

Безусловно, одна метафора не в состоянии удовлетворительно вербализовать новое. Правила языка исключают подобную возможность: в рамках определенной понятийной системы (теории или конкретной науки) каждый термин имеет вполне определенное значение, и в контексте правил данной системы двусмысленности запрещены. Метафора привносит в понятийный аппарат науки явно выраженный элемент двусмысленности, поскольку она по своему статусу представляет собой нечто неопределенное, двусмысленное. Чтобы устранить неопределенность, необходимо построить мозаичную систему метафор, в которой будет наблюдаться «суперпозиция метафорических смыслов». Каким образом это происходит?

Формирование нового знания начинается с конкретной метафоры, которую можно обозначить как коренную. Следует отметить, что в интерпретации данного понятия обнаруживаются существенные расхождения. Так, М. Урбан придерживается мнения, что коренная (фундаментальная) метафора является частью основополагающего речевого процесса и выражает фундаментальные аспекты личностного опыта (Urban 1939: 651-652). М. Мюллер употребляет данное понятие применительно к анализу спонтанных черт личности. В рамках его концепции «метафора – болезнь языка», а понятие «коренная метафора» характеризует наиболее существенные моменты вербальной болезни (Shibles 1971a: 127). М. Блэк придает указанному понятию смысл, первоначально сформулированный Ст. Пеппером: коренная метафора представляет собой систематизированный репертуар идей, значение которых ученый описывает пространством аналогий (Black 1962: 241). Коренная метафора при такой интерпретации приобретает статус архетипа, она как бы «вычерпывает» из сферы личностного опыта репертуар основных идей (архетипов).

Процесс поиска метафоры означает в этом случае процесс вербализации главного признака новизны. Другими словами, процедура вербализации предваряется поиском коренной метафоры, которая адекватно «схватывает» существенный признак новизны. С момента ее продуцирования разворачивается построение метафорического языка. Успех данного процесса зависит непосредственно от особенностей коренной метафоры, которая должна отвечать определенным требованиям.

Коренная метафора должна выражать наиболее важный аспект новизны. Можно сказать, что это является необходимым условием вербализации, но отнюдь не единственным. Коренная метафора, втягивая в процесс вербализации нового знания другие термины, активизирует их метафорические смыслы. Очевидно, Р. Роммтейт имел в виду именно это обстоятельство, подчеркивая важность следующей ситуации: «Когда слово входит в особые случаи передачи сообщения, активизируется определенное словесное значение» (Леонтьев, Сахарный 1972: 63). Эта способность коренной метафоры активизировать определенные значения слов и вовлекать их в процесс метафоризации приобретает особый эвристический смысл при осмыслении новой информации.

Многозначность (избыточность) метафоры является в некотором отношении необходимым условием правильной интерпретации ее значения. М. Блэк, например, представляет метафору в виде системы ассоциативных значений, и понимание смысла сводится к процедуре элиминации ложных смыслов. М. Джонсон и Р. Малгади также говорят о метафоре как о матрице возможных значений, в рамках которой осуществляется процесс интерпретации (Johnson, Malgady 1980: 268). Во всех подобных определениях имплицитно присутствует мысль о семантической избыточности метафоры как условия ее интерпретации. Причем авторы прямо или косвенно признают, что понимание метафоры возможно только в метафорическом контексте. Понятия «метафорический процесс», «метафорическое мышление», «метафорический язык» большинство исследователей употребляют как в аспекте проблематики вербализации личностной (новой) информации, так и понимания метафоры. В метафорическом контексте уточняется смысл коренной метафоры, это, в свою очередь, способствует адекватному пониманию сущности нового знания. Указанную особенность метафорического контекста (логику метафорического мышления) подчеркивают многие авторы. Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут, что «мы сможем пользоваться метафорическим языком для исследования сущности метафор и понимания метафорической природы нашей умственной деятельности» (Lakoff, Johnson 1980: 7). У. Шиблс также отмечает, что в контексте проблематики понимания любая метафора непременно должна быть представлена всевозможными метафорическими процессами (Shibles 1971b: 16). По словам М. Блэка, нечто новое «мы можем объяснить посредством метафоры... А для понимания метафоры необходимо знание общепринятого контекста, составляющего основу метафорического процесса» (Black 1962: 237-238). М. Хестер полагает, что «язык относительно смысла метафоры определяется по отношению к языку в метафорическом контексте» (Hester 1967: 196). Во всех приведенных высказываниях отчетливо проступает мысль, что ключ к сущности метафоры находится в тайниках метафорического языка. Интерпретация нового знания и понимание коренной метафоры предусматривают, как следует из вышеизложенного, построение метафорического языка. Таким образом, необходимость разработки метафорического каркаса отвечает запросам удовлетворительной интерпретации как нового знания, так и смысла коренной метафоры.

М. Джонсон и Р. Малгади считают, что условием существования метафоры является популяция: любой относительно устойчивой популяции индивидов соответствует определенная популяция метафор, и правильное понимание очередной новой метафоры возможно лишь в контексте данной популяции метафор (Johnson, Malgady 1980: 263). Дж. Эди также обращает внимание на то, что осмысление новой информации вынуждает исследователя выстраивать специальную метафорическую систему: создавая метафору за метафорой, ученый движется от известного вглубь неизвестного нового знания (Edie 1976: 166).

В свете изложенного становится ясно, что метафорический язык представляет собой необходимое средство объективации личностной информации (нового знания), выступает в качестве условия и средства постижения индивидуального опыта. Осмысление сущности нового предусматривает, по словам Р. Карнапа, разработку специального языка: «Если кто-либо хочет говорить на своем языке о новом виде объектов, он должен ввести систему новых способов речи, подчиненную новым правилам: мы назовем эту процедуру построением языкового каркаса для рассматриваемых новых объектов... Принятие новых объектов выражается в языке введением языкового каркаса – новых форм выражений, которые должны употребляться в соответствии с новой группой правил» (Карнап 1959: 300, 309). Построение нового языкового каркаса с особой системой правил, как следует из сказанного, составляет важное условие в плане понимания сущности нового знания. Другими словами, создание метафорического языкового каркаса необходимо с точки зрения задач адекватной интерпретации принципиально новой информации. Создание метафорического каркаса (мозаичной системы метафор) предполагает «большую плотность аналогий», которую извлекает из нового знания ученый в процессе проецирования параметров новизны на плоскость личностного знания. Чем больше признаков он выявляет в новом знании, тем больше метафор может разработать для детальной нюансировки метафорической картины нового.

Спектр признаков нового знания зависит от «разрешающей способности» творческих параметров ученого (воображение, ассоциативное мышление, матрица профессиональных и непрофессиональных интересов и т.д.). При разработке метафорического каркаса указанные аспекты личности приобретают, на наш взгляд, особое значение. Если на стадии генезиса новой идеи (контекст открытия) ведущее место принадлежит матрице профессиональных знаний ученого, то на стадии вербализации (контекст обоснования) доминирующую роль играет эвристическое взаимодействие профессиональных и непрофессиональных интересов. Именно это обуславливает возможность создания языкового каркаса, необходимого для осмысления нового.

Построение метафорического каркаса осуществляется в процессе нюансировки коренной метафоры вспомогательными метафорами. Принцип нюансировки выполняет при этом весьма полезную роль в разработке адекватной метафорической картины нового знания. И.М. Дьяконов указывает, что «чем больше метафор, выделяющих главные признаки явления, тем

это явление выступает четче и понятнее» (Дьяконов 1977: 20-21). Ценная мысль содержится и в замечании В.Ф. Одоевского: «От того, чем подробнее мы хотим изложить какое-либо понятие, тем более мы должны употреблять слов или неопределенных знаков»². Здесь важно отметить, что мыслитель в основном имеет в виду метафорический язык и утверждает, что «человек употребляет метафору, когда для новых мыслей и чувств у него недостает выражений»³. Сказано предельно лаконично и ясно.

С ситуациями, когда необходимо, создавая метафору за метафорой, нюансировать вербальную картину с целью объективации личностной информации, сталкиваются ученые, поэты, переводчики. Метафорическая нюансировка личностного видения позволяет удовлетворительно решать задачи точного, адекватного выражения информации. Довольно образно ситуацию, связанную с проблемой объективирования личностной информации, выразил И. Андрич в своей философской работе «Знаки вдоль дороги». В сфере коммуникативной вербальной деятельности, отмечает он, нередко возникают нездоровые явления, которые сопровождаются инфляцией слова. «И тогда начинается нагромождение слов, точно болезненный рост клеток в организме при некоторых болезнях. Неуверенный в том, что он хочет сказать, человек чувствует, что слова девальвированы, чтобы то из них, которое ему представляется слабым, подпереть двумя новыми словами, столь же слабыми, как и то, первое, или даже еще слабее, чем оно» (Андрич 1983: 404). Болезнь инфляции, девальвации слов поражает и науку в точках ее роста, что преодолевается учеными лишь в процессе построения метафорического каркаса.

Метафоры нового языкового каркаса дополняют друг друга, уточняют общую картину нового знания, вступают в сложные взаимоотношения, и благодаря этой соотнесенности метафорических индикаторов важнейших признаков нового явления создается целостная метафорическая картина. Метафорическая сетка формирует «видимый ландшафт» (Дж. Сантаяна) и обеспечивает своеобразную визуализацию нового знания: оно как бы просматривается и приобретает тем самым статус общепринятого, дальнейшее обоснование протекает уже в сфере деятельности научного сообщества. Другими словами, новое знание, характеризующееся в начальной фазе своего становления как нечто личностное, по мере метафорической репрезентации его сущности приобретает статус общепринятого знания. В дальнейшем метафорическая картина подвергается уточнению в контексте процедур обоснования (выполняя в этом смысле роль «полуфабриката», который передается научному сообществу автором открытия). В этом вопросе прав М. Блэк: «Возможно, что любая наука начинается с метафоры и завершается алгеброй; и вполне возможно, что без метафоры наука никогда не достигла бы никакой алгебры» (Black 1962: 242). Для формализации (в частности, алгебраизации) науки необходимо наличие чего-то недостаточно четкого, понятного, строгого. Абсурдно формализовывать уже

² Одоевский В.Ф. 1981. Сочинения : в 2 т. Москва : Художественная литература. Т. 1. С. 185-186.

³ Там же. С. 287.

формализованное и не менее абсурдно формализовывать нечто несуществующее. Алгебра возможна лишь при наличии «протонаучных явлений» (М. Бунге), таких как метафорический язык. Горизонт науки очерчивается продуцированием подобных явлений.

Заключение

В научном познании метафора выполняет главным образом номинативную, предсказательную, объяснительную, информативную, «компактизирующую» (в терминологии Э. Ортони) функции. В сфере популяризации научных достижений метафорический язык активизирует и другие свои возможности – орнаментальную и эмотивную функции. Однако неверно полагать, что в науке метафора выполняет только научные функции, а в поэзии – только поэтические. В любой области языковой деятельности метафорический язык работает с полным набором своих функций. Функциональное своеобразие проявляется лишь в ранжировании функций по их доминантности в той или иной сфере деятельности. В науке, например, доминируют познавательные функции, все остальные выступают в качестве фоновых. Основное назначение научной метафоры – объективировать личностное знание, высказать нечто новое представителям научного сообщества. В науке метафора необходима как средство и способ превращения личностной информации в субстрат коммуникации.

Наука на протяжении всей своей истории пользовалась когнитивными возможностями метафорического языка. Обращение к метафоре всегда мотивировалось потребностями внутренней логики развития науки в точках ее роста (своего рода «болезнь роста»). В современном научном познании проблема метафоры приобретает статус неотъемлемой «части» методологии, и ее понимание означает, по существу, понимание важнейших черт механизма развития науки. Именно такой смысл следует вкладывать в понятие «ренессанс метафоры». Понимание механизма становления нового в науке предполагает, в частности, всестороннее и глубокое исследование проблемы метафоры. Можно, пожалуй, сказать, что понимание и явление метафоризации взаимосвязаны, дополняют друг друга: где ставится вопрос о понимании, непременно актуализируется метафорическое свойство языка, а фокус внимания на метафоричности активизирует процесс понимания.

Тенденции развития современной метафорики свидетельствуют о возможности существенного расширения горизонта понимания некоторых фундаментальных проблем развития языка науки и становления принципиально нового знания. Ренессанс метафоры – это своеобразная форма отражения динамики современного естественно-научного познания. Интенсивное продуцирование диковинных идей требует разработки качественно новых (метафорических) языковых форм. Необходимость осмысления нового содействует разворачиванию процесса метафоризации языка науки. Между степенью метафоризации языка и «безумностью» новых идей имеется непосредственная связь. Именно поэтому язык науки в наиболее «горячих» точках роста носит явно метафорический характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андрич И. 1983. Человеку и человечеству. Москва : Радуга. 512 с.
- Витгенштейн Л. 2018. Философские исследования. Москва : АСТ. 352 с.
- Дьяконов И.М. 1977. Введение // Мифология древнего мира / под ред. В.А. Якобсона. Москва : Наука. С. 5-54.
- Жаров А.М. 2024. Жизнь как поиск. Памяти Александра Леонидовича Никифорова (1940–2023) // Отечественная философия. № 2. С. 37-53. DOI 10.21146/2949-3102-2024-2-1-37-53
- Карнап Р. 1959. Значение и необходимость. Москва : Издательство иностранной литературы. 382 с.
- Лагута О.Н. 2003. Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 1. Новосибирск : Новосибирский государственный университет. 48 с.
- Леонтьев А.А., Сахарный Л.В. (ред.) 1972. Психолингвистика за рубежом. Москва : Наука. 123 с.
- Микулинский С.Р., Ярошевский М.Г. (ред.) 1969. Научное творчество. Москва : Наука. 445 с.
- Никифоров А.Л. 1991. Семантическая концепция понимания // Загадка человеческого понимания / под ред. А.А. Яковлева. Москва : Политиздат. С. 72-94.
- Никифоров А.Л. 2010. Философия науки: В.И. Ленин и Э. Мах // Вопросы философии. № 1. С. 76-83.
- Никифоров А.Л. 2011. О некоторых проблемах логической семантики // Эпистемология и философия науки. Т. 28, № 2. С. 97-109.
- Никифоров А.Л. 2012. Онтологический статус референтов имен собственных // Эпистемология и философия науки. Т. 32, № 2. С. 50-58.
- Никифоров А.Л. 2015. Язык и картина мира // Эпистемология и философия науки. Т. 46, № 4. С. 19-27.
- Ортега-и-Гассет Х. 1990. Две великие метафоры // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. Москва : Прогресс. С. 68-81.
- Осипов Г.В. (ред.) 1978. Новые направления в социологической теории. Москва : Прогресс. 392 с.
- Тулмин Ст. 1984. Человеческое понимание. Москва : Прогресс. 328 с.
- Фатенков А.Н. 2005. Метафора: философские грани лингвистической категории // Дискурс-Пи. № 1. С. 167-170.
- Чаплин Е.В. 2018. Метафора в научном познании // Вопросы гуманитарных наук и управления в сфере образования / отв. ред. В.В. Кириллов. Москва : Книгодел : МГПУ. С. 347-355.
- Bird A. 2007. What is Scientific Progress? // *Noûs*. Vol. 41, iss. 1. P. 64-89. DOI 10.1111/j.1468-0068.2007.00638.x
- Black M. 1962. *Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy*. Ithaca : Cornell University Press. 267 p.
- Cohen T. 1981. *Metaphor and the Cultivation of Intimacy // On Metaphor* / ed. by Sh. Sacks. Chicago ; London : The University of Chicago Press. P. 1-10.
- Davidson D. 1981. *What Metaphors Mean // Philosophical Perspectives on Metaphor* / ed. by M. Johnson. Minneapolis : University of Minnesota Press. P. 200-220.
- Eddie J.M. 1976. *Speaking and Meaning: The Phenomenology of Language*. Bloomington ; London : Indiana University Press. 271 p.
- Ghiselin M.T. 1976. *Poetic Biology: A Defense and Manifesto // New Literary History*. Vol. 7, iss. 3. P. 493-504. DOI 10.2307/468558
- Hester M.B. 1967. *The Meaning of Poetic Metaphor*. The Hague ; Paris : Mouton. 229 p.

Honeck R.P. 1980. Historical Notes on Figurative Language // *Cognition and Figurative Language* / ed. by R.P. Honeck, R.R. Hoffman. Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates. P. 25-46.

Johnson M., Malgady R. 1980. Toward a Perceptual Theory of Metaphoric Comprehension // *Cognition and Figurative Language* / ed. by R.P. Honeck, R.R. Hoffman. Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates. P. 259-282.

Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago ; London : The University of Chicago Press. 258 p.

Loewenberg I. 1981. Identifying Metaphors // *Philosophical Perspectives on Metaphor* / ed. by M. Johnson. Minneapolis : University of Minnesota Press. P. 154-181.

Moore R. 1982. Tristram on Mathematics: A Poet's View // *The Midwest Quarterly. A Journal of Contemporary Thought*. Vol. 23, iss. 2. P. 164-181.

Ortony A. 1980. Some Psycholinguistic Aspects of Metaphor // *Cognition and Figurative Language* / ed. by R.P. Honeck, R.R. Hoffman. Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates. P. 69-86.

Shibles W.A. 1971a. An Analysis of Metaphor in the Light of W.M. Urban's Theories. The Hague ; Paris : Mouton. 171 p.

Shibles W.A. 1971b. *Metaphor: An Annotated Bibliography and History*. Whitewater : Language Press. 414 p.

References

Andrić I. *Man and Humanity*, Moscow, 1983, Raduga, 512 p. (In Russ.).

Bird A. What is Scientific Progress? *Noûs*, 2007, vol. 41, no. 1, pp. 64-89. DOI 10.1111/j.1468-0068.2007.00638.x

Black M. *Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy*, Ithaca, Cornell University Press, 1962, 267 p.

Carnap R. *Meaning and Necessity*, Moscow, Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1959, 382 p. (In Russ.).

Chaplin E.V. Metaphor in Scientific Knowledge, Kirillov V.V. (ed.) *Issues in the Humanities and Educational Management*, Moscow, Knigodel & MSPU, 2018, pp. 347-355. (In Russ.).

Cohen T. Metaphor and the Cultivation of Intimacy, Sacks Sh. (ed.) *On Metaphor*, Chicago & London, The University of Chicago Press, 1981, pp. 1-10.

Davidson D. What Metaphors Mean, Johnson M. (ed.) *Philosophical Perspectives on Metaphor*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1981, pp. 200-220.

Diakonov I.M. Introduction, Yakobson V.A. (ed.) *Mythology of the Ancient World*, Moscow, Nauka, 1977, 456 p. (In Russ.).

Edie J.M. *Speaking and Meaning: The Phenomenology of Language*, Bloomington & London, Indiana University Press, 1976, 271 p.

Fatenkov A.N. Metaphor: Philosophical Distinctions of Linguistic Category, *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2005, no. 1, pp. 167-170. (In Russ.).

Ghiselin M.T. Poetic Biology: A Defense and Manifesto, *New Literary History*, 1976, vol. 7, no. 3, pp. 493-504. DOI 10.2307/468558

Hester M.B. *The Meaning of Poetic Metaphor*, The Hague & Paris, Mouton, 1967, 229 p.

Honeck R.P. Historical Notes on Figurative Language, Honeck R.P., Hoffman R.R. (eds.) *Cognition and Figurative Language*, Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates, 1980, pp. 25-46.

Johnson M., Malgady R. Toward a Perceptual Theory of Metaphoric Comprehension, Honeck R.P., Hoffman R.R. (eds.) *Cognition and Figurative Language*, Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates, 1980, pp. 259-282.

- Laguta O.N. *Metaphorology: Theoretical Aspects, part 1*, Novosibirsk, Novosibirskij gosudarstvennyj universitet, 2003, 48 p. (In Russ.).
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*, Chicago & London, The University of Chicago Press, 1980, 258 p.
- Leontiev A.A., Sakharny L.V. (eds.) *Psycholinguistics Abroad*, Moscow, Nauka, 1972, 123 p. (In Russ.).
- Loewenberg I. Identifying Metaphors, *Johnson M. (ed.) Philosophical Perspectives on Metaphor*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1981, pp. 154-181.
- Mikulinsky S.R., Yaroshevsky M.G. (eds.) *Scientific Creativity*, Moscow, Nauka, 1969, 445 p. (In Russ.).
- Moore R. Tristram on Mathematics: A Poet's View, *The Midwest Quarterly. A Journal of Contemporary Thought*, 1982, vol. 23, no. 2, pp. 164-181.
- Nikiforov A.L. Language and the Picture of the World, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2015, vol. 46, no. 4, pp. 19-27. (In Russ.).
- Nikiforov A.L. On Some Problems of Logical Semantics, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2011, vol. 28, no. 2, pp. 97-109. (In Russ.).
- Nikiforov A.L. Philosophy of Science: V.I. Lenin and E. Mach, *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2010, no. 1, pp. 76-83. (In Russ.).
- Nikiforov A.L. Semantic Concept of Understanding, *Yakovlev A.A. (ed.) The Riddle of Human Understanding*, Moscow, Politizdat, 1991, pp. 72-94. (In Russ.).
- Nikiforov A.L. The Ontological Status of Proper Name Referents, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2012, vol. 32, no. 2, pp. 50-58. (In Russ.).
- Ortega y Gasset J. Two Great Metaphors, *Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. (eds.) Theory of Metaphor*, Moscow, Progress, 1990, pp. 68-81. (In Russ.).
- Ortony A. Some Psycholinguistic Aspects of Metaphor, *Honeck R.P., Hoffman R.R. (eds.) Cognition and Figurative Language*, Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates, 1980, pp. 69-86.
- Osipov G.V. (ed.) *New Directions in Sociological Theory*, Moscow, Progress, 1978, 392 p. (In Russ.).
- Shibles W.A. *An Analysis of Metaphor in the Light of W.M. Urban's Theories*, The Hague & Paris, Mouton, 1971, 171 p.
- Shibles W.A. *Metaphor: An Annotated Bibliography and History*, Whitewater, Language Press, 1971, 414 p.
- Toulmin St. *Human Understanding*, Moscow, Progress, 1984, 328 p. (In Russ.).
- Urban W. *Language and Reality: The Philosophy of Language and the Principles of Symbolism*, London, George Allen & Unwin Ltd., 1939, 755 p.
- Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*, Moscow, AST, 2018, 352 p. (In Russ.).
- Zharov A.M. Life as a Search. In memory of Alexander Leonidovich Nikiforov (1940–2023), *Otechestvennaja filosofija* [Russian Philosophy], 2024, no. 2, pp. 37-53. (In Russ.). DOI 10.21146/2949-3102-2024-2-1-37-53

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Михайлович Жаров

исследователь межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки»; аспирант Института философии РАН, г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0001-9082-3446;
SPIN-код: 5430-7068;
E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander M. Zharov

Researcher, Inter-regional Non-Governmental Organization "Russian Society for History and Philosophy of Science"; Postgraduate Student, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-9082-3446;
SPIN-code: 5430-7068;
E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

Балашов Д.В. Эффективен ли эффективный альтруизм? // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 26-46.
https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_26

УДК 17.035.1

DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_26

Эффективен ли эффективный альтруизм?

Дмитрий Викторович Балашов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

г. Москва, Россия

E-mail: dbalashov@hse.ru

*Поступила в редакцию 30.10.2023, поступила после рецензирования 30.01.2024,
принята к публикации 27.04.2024*

В начале XXI столетия в США и странах Европы стал популярным эффективный альтруизм – философское и общественное движение, представляющее собой развитие идей классического утилитаризма. Движение привлекает внимание представителей самых разных сфер, включая философов, экономистов, предпринимателей, филантропов. Краеугольным камнем эффективного альтруизма, как следует из его названия, выступает эффективность (максимальная польза) предпринимаемых действий. Но насколько высока эта эффективность на самом деле? Для ее оценки автор статьи предлагает обратиться к главному вопросу эффективного альтруизма – помощи беднейшим странам мира. Данная проблема занимает центральное место и в экономике развития – области экономической науки, ближе других стоящей к рассматриваемому движению и направленной на помощь беднейшим странам и их жителям. В этой связи в работе проводится сравнение основных подходов к эффективности в экономике развития. Делается вывод о том, что эффективность в рамках той или иной концепции понимается по-разному и зачастую достигается противоположными методами. Чтобы продемонстрировать логику, ведущую к таким расхождениям, автор статьи выделяет ряд критериев, позволяющих с определенной долей условности объединить рассмотренные теории в несколько групп: идеалисты (Т. Погге, Дж. Сакс), миссионеры (П. Ромер, П. Коллиер), фаталисты (Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон), реалисты (У. Истерли, А. Банерджи, Э. Дюфло). Полученные в ходе исследования результаты позволяют заключить, что эффективный альтруизм является не волшебным лекарством от всех болезней, а лишь одним из возможных инструментов решения мировых проблем. И хотя говорить о его глобальной эффективности не приходится, в частных аспектах он демонстрирует эффективные результаты, что свидетельствует о развитии общей утилитаристской этической программы.

Ключевые слова: эффективный альтруизм, экономика развития, глобальный ресурсный дивиденд, ловушка бедности, чартерный город, рандомизированное контролируемое исследование, инклюзивные институты, экстрактивные институты

© Балашов Д.В., 2024

Is Effective Altruism Effective?

Dmitry V. Balashov

National Research University Higher School of Economics (HSE University)

Moscow, Russia

E-mail: dbalashov@hse.ru

Received 30.10.2023, revised 30.01.2024, accepted 27.04.2024

Abstract. In the early 21st century, effective altruism (EA), a philosophical and social movement developing ideas of classical utilitarianism, started to gain popularity in the USA and European countries. It has attracted followers from various fields, including philosophers, economists, entrepreneurs, and philanthropists. As its name implies, effectiveness (maximum benefit) of actions taken serves as the bedrock for the EA movement. But how high is this effectiveness really? To assess it, the author of the article suggests addressing the crucial issue of EA – helping the world’s poorest countries. This problem also occupies a central place in development economics, a branch of economics that is closest to EA and aimed at helping the poorest countries and their inhabitants. In this regard, the article compares the key approaches to effectiveness in development economics. It is concluded that effectiveness is understood in different ways and it is often achieved by opposite tools. To demonstrate the logic leading to such discrepancies, the author of the article identifies a number of criteria that allow, with a certain degree of convention, combining the theories into several groups: idealists (Thomas Pogge, Jeffrey Sachs), missionaries (Paul Romer, Paul Collier), fatalists (Daron Acemoglu, James Robinson), and realists (William Easterly, Abhijit Banerjee, Esther Duflo). The author comes to the conclusion that EA is not a magic cure for all diseases, but only one of the possible tools for solving world problems. And although it is impossible to talk about its global effectiveness, in particular aspects it is effective, which indicates the development of general utilitarian ethics.

Keywords: effective altruism, development economics, global resources dividend, poverty trap, charter city, randomized controlled trial, inclusive institutions, extractive institutions

For citation: Balashov D.V. Is Effective Altruism Effective? *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 26-46. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_26

Введение

Эффективный альтруизм – одно из самых заметных философских и общественных движений первых десятилетий XXI в. – представляет собой современное развитие классической утилитаристской этической традиции, разработанной в XIX столетии в трудах английских философов И. Бентама, Дж. Милля и Г. Сиджвика. До середины прошлого века утилитаризм был популярен в США и странах Европы, но затем пришел в упадок, столкнувшись с многочисленными внутренними противоречиями, а также с критикой со стороны и классической деонтологии, и этики добродетели.

Хотя утилитаризм перестал играть ведущую роль в философии, у него есть ряд сторонников среди современных философов. Особо выделим П. Сингера – философа австралийского происхождения, работающего в университетах Великобритании и США. Его труды, в том числе эссе

«Голод, изобилие и мораль» (Singer 1972) и книга «Освобождение животных» (Singer 1975), олицетворяют современную утилитаристскую этическую мысль, служат фундаментом новых концепций утилитаризма, в частности, эффективного альтруизма.

Для этой концепции характерны ключевые нормативные признаки, свойственные другим этическим подходам: абсолютность, общераспространенность, универсализуемость (Платонов 2020). Однако, прежде всего, это практико-ориентированная философия, где акцент смещается на другие категории. Один из лидеров движения У. Макаскилл дает следующее определение: «В моем понимании *альтруизм* – это просто улучшение жизни других. Многие полагают, что альтруизм непременно жертвенен, но если можно делать добро, ведя при этом комфортную жизнь, это плюс, и я охотно сочту это альтруизмом. А под *эффективностью* я подразумеваю принесение максимума пользы за счет имеющихся ресурсов. Важно, что эффективный альтруизм – это не стремление принести *некую* пользу, а *максимум* пользы» (Макаскилл 2018: 20).

Из приведенного определения видно, что краеугольным камнем является акцент на эффективности или результате, что характерно для всех утилитаристских концепций. В связи с этим напрашивается вопрос о том, насколько на самом деле эффективен эффективный альтруизм. Ответ не столь однозначен. С одной стороны, существует философская критика расчета эффективности. К примеру, можно вспомнить проблему «отвратительного вывода» (*repugnant conclusion*) Сиджвика-Парфита или актуальную в настоящее время дискуссию о лонгтермизме (Кимлика 2010: 56-63)¹. С другой стороны, можно сосредоточиться на более практических междисциплинарных вопросах эффективности на примере тем, находящихся в фокусе как эффективных альтруистов, так и экономистов, активно занимающихся аналогичными проблемами на протяжении нескольких последних десятилетий. Речь идет о такой дисциплине, как экономика развития, где пытаются найти способы решения проблем беднейших стран планеты. И именно этим странам и проживающим в них людям стремятся помочь эффективные альтруисты в первую очередь.

Второй подход представляется продуктивным еще и потому, что эффективный альтруизм имеет много сторонников среди экономистов, занимающихся вопросами развития, таких как Ю-Кван Нг (Ng 2000), А. Банерджи и Э. Дюфло (Банерджи, Дюфло 2021). Можно предположить, что их привлекает практико-ориентированный характер движения, его сконцентрированность на насущных проблемах мирового развития. Представители эффективного альтруизма, в свою очередь, регулярно ссылаются на многочисленные исследования экономики развития.

В этой связи представляется оправданным исследовать вопрос, насколько однозначно интерпретируется эффективность представителями

¹ См. также: “The Weight of Forever”: Peter Wolfendale reviews What We Owe the Future by William MacAskill // The Philosopher. URL: <https://www.thephilosopher1923.org/post/the-weight-of-forever> (дата обращения: 25.10.2023).

экономики развития. С нашей точки зрения, единая позиция по данному вопросу не выработана. Следовательно, если предположить, что практико-ориентированная направленность эффективного альтруизма опирается на результаты экономики развития, то плюрализм взглядов ее представителей ставит под вопрос эффективность движения.

В настоящей статье будет проведено сравнение основных подходов к эффективности в экономике развития. После этого будет дана оценка, насколько эффективность эффективного альтруизма возможна при сегодняшних достижениях экономики развития – науки, ближе других стоящей к рассматриваемому движению. При этом мы не ставим задачу проведения количественного исследования, направленного на охват всех или как можно большего числа имеющихся в экономике развития позиций. Акцент будет сделан на ряде теорий, получивших широкую известность. Также не принимаются попытки согласиться или опровергнуть положения того или иного подхода. Основная задача – показать, как представления об эффективности меняются в зависимости от теории, какие факторы на это влияют.

В ходе исследования нами были выявлены некоторые особенности современных теорий экономики развития, что позволило сгруппировать их с определенной долей условности в несколько групп.

Первый критерий – вопрос об уровне, на котором должны приниматься решения, направленные на развитие беднейших стран, и осуществляться дальнейшие шаги. Выделены два возможных подхода: 1) сверху вниз – эффективные решения должны приниматься на уровне наднациональных институтов или высших органов власти отдельного государства; 2) снизу вверх – эффективные решения могут быть найдены только на низовом уровне, а впоследствии масштабированы. Подходы «сверху вниз» будут рассмотрены в первом разделе статьи, посвященном концепциям Т. Погге и Дж. Сакса, а подходы «снизу вверх» – в четвертом разделе, где анализируются концепции У. Истерли, А. Банерджи и Э. Дюфло.

Второй критерий – вопрос о том, следует ли вести речь об эффективной помощи при наличии неэффективных политических институтов, претендующих на суверенитет? Возможны ли в таком случае эффективные программы развития? Критические оценки такой возможности рассмотрены во втором разделе на примере концепций П. Ромера и П. Коллиера.

Третьим критерием выступает вопрос, насколько в принципе возможно говорить об эффективных мерах и прогнозировании будущего в состоянии неопределенности при минимально прогнозируемом или в принципе непрогнозируемом характере последствий принимаемых мер. Такой подход будет рассмотрен в третьем разделе на примере концепции Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона.

Идеалисты

Реформа глобальных институтов. Одним из наиболее известных исследователей рубежа XX–XXI вв., занимающихся проблемой мировой бедности, можно назвать американского философа Т. Погге. Он, будучи

последователем Дж. Ролза, работает в рамках деонтологической философской традиции, активно конкурирующей с утилитаризмом и, следовательно, с эффективным альтризмом. Однако в его работах уделяется большое внимание практическим аспектам решения проблемы мировой бедности и регулярно отмечаются *результаты*, которых получится достичь, если реформировать сложившуюся мировую систему. Следовательно, мы можем рассмотреть теорию Т. Погге не в деонтологическом смысле нормативных требований, а с точки зрения предлагаемых мер и последующих результатов, что будет в духе настоящего исследования, посвященного вопросам конвенционалистского характера.

С точки зрения Т. Погге, основная причина проблем огромного количества людей, находящихся в бедственном положении, заключается в несовершенстве существующих глобальных институтов, постколониальных по своей сути. Более того, глобальные институты, сложившиеся в постколониальном мире, не только не способствуют уменьшению пропасти между богатейшими и беднейшими странами, но и, напротив, усугубляют сложившуюся ситуацию: «...неравенство в доходах на душу населения между Европой и Африкой с тех пор возросло до 40:1...» (Pogge 2005: 38).

В этой связи одной из главных задач выступает реформа глобальных институтов: «Самой крайней бедности в мире можно и нужно избежать с помощью глобальной институциональной реформы, опирающейся на утверждение, что существующий глобальный институциональный порядок является основной причиной мировой бедности» (Pogge 2005: 47). Имея самые большие в мире лоббистские возможности, «на переговорах по Всемирной торговой организации богатые страны настаивали на продолжении асимметричной защиты своих рынков с помощью тарифов, квот, антидемпинговых пошлин, экспортных кредитов и огромных субсидий отечественным производителям» (Pogge 2002: 6).

Другая важнейшая задача – принятие решения о постоянной материальной помощи беднейшим обществам со стороны наиболее преуспевающих стран. Это продиктовано необходимостью каким-то образом компенсировать несправедливость, которая стала важнейшей причиной сегодняшнего неравенства в мире. Т. Погге предлагает ввести так называемый *глобальный ресурсный дивиденд* (global resources dividend), суть которого заключается в том, что преуспевающие страны перечисляют 1% своего ВВП на борьбу с бедностью и лишениями. «Предлагаемый глобальный ресурсный дивиденд в размере 1% мирового продукта в настоящее время (на 2005 г. – Д.Б.) будет привлекать около 320 млрд долл. в год, или в 86 раз больше, чем вместе взятые богатые страны тратят на основные социальные услуги в развивающемся мире» (Pogge 2005: 50).

Конечно, теория Т. Погге не ограничивается положениями, рассмотренными нами, но для целей настоящей статьи углубляться в нее нет необходимости. Выделим главную мысль – для решения проблем людей, находящихся в крайней бедности, требуется принятие решений на глобальном, общепланетарном уровне.

Преодоление ловушки бедности. Другим автором, который полагает, что проблема крайней бедности может и должна быть решена на макроуровне, является американский экономист Дж. Сакс, активно участвующий в таких проектах развития, как «Проект тысячелетия ООН»² и «Деревни тысячелетия»³. Во взглядах Т. Погге и Дж. Сакса много общего, но последний полагает, что основная цель заключается не в изменении глобальных институтов, а в решении проблемы ловушки бедности (ловушки нищеты).

Исследуя в течение нескольких десятилетий проблему мировой бедности, Дж. Сакс пришел к выводу, что некоторым регионам удалось значительно снизить крайнюю нищету, а отдельные страны и вовсе решили эту проблему. Наиболее впечатляющих успехов добилась Восточная Азия, где крайняя нищета сократилась с 58% от всего населения в 1981 г. до 15% в 2001 г. На текущий момент ситуация там и в некоторых других регионах выглядит не столь экстремально. И хотя умеренно бедных людей в мире все равно огромное количество – около 1.6 млрд (Сакс 2011: 37), основная помощь должна быть адресована тем, кто находится в состоянии *крайней бедности*. Это около 1 млрд человек, большинство из которых проживает в Африке (Сакс 2011: 37-40).

В данном случае речь идет не о том, что в Китае и странах Южной Азии наподобие Индии или Бангладеш умеренно бедные люди не нуждаются ни в какой помощи. Хорошо известен пример различных азиатских швейных производств, так называемых потогонки, условия труда на которых мало соответствуют представлениям развитых стран. Тем не менее, по мнению Дж. Сакса, потогонки – первый шаг по лестнице, выводящей из крайней нищеты (Сакс 2011: 28). Люди уже не борются за выживание; к тому же можно прогнозировать устойчивый экономический рост, который постепенно будет улучшать качество и условия труда и жизни людей. Такой путь прошли многие восточноазиатские страны во главе с Китаем, а сегодня по нему движется Южная Азия.

Однако, как подчеркивает Дж. Сакс, такой путь развития возможен при определенных условиях. «Наиболее сложное в экономическом развитии – взобраться на первую ступень лестницы. Те семьи и страны, которые находятся на самом нижнем уровне мировой шкалы доходов, как правило, не в силах оттуда вырваться. Страны, которые уже стоят на лестнице развития (такие как Бангладеш и Индия), в целом движутся вперед, несмотря на то что это движение происходит неравномерно и порой мучительно медленно» (Сакс 2011: 42). Именно безысходное состояние, когда люди заняты исключительно борьбой за выживание, определяется категорией «ловушка бедности».

В этой связи основные усилия мирового сообщества должны быть направлены на решение данной проблемы. Вырвавшись из ловушки бедности,

² We Can End Poverty: Millennium Development Goals and Beyond 2015 // United Nations. URL: <https://www.un.org/millenniumgoals/> (дата обращения: 25.10.2023).

³ Более подробно см.: Millennium Villages Project. URL: <https://www.millenniumpromise.org/millenniumvillages> (дата обращения: 25.10.2023).

общества смогут развиваться, и вопрос о сторонней помощи не будет стоять так остро. Страны могут оказаться в такой ловушке по самым разным причинам, которые, как правило, не зависят от них. К примеру, африканские страны, находящиеся сегодня в самом бедственном положении по сравнению с остальным миром, страдают от неблагоприятных географических и климатических условий. Впоследствии к этому начинают добавляться производные проблемы, связанные с бременем колонизации, плохим политическим управлением, низким уровнем человеческого капитала и т.д. «Сочетание неблагоприятных географических условий и крайней нищеты создает в Африке самую труднопреодолимую ловушку бедности в мире» (Сакс 2011: 244).

Какие действия необходимо предпринять, чтобы решить данную проблему и спасти миллионы жизней? По мнению Дж. Сакса, следует сосредоточиться на целевом финансировании ряда важнейших областей – сельского хозяйства, здравоохранения, образования, электроэнергетики, транспорта, связи и др. Это создаст критическую массу, которая позволит странам вырваться из ловушки бедности и развиваться уже самостоятельно.

В заглавии раздела мы условно обозначили Т. Погге и Дж. Сакса как идеалистов, поскольку они считают, что правильные решения сверху позволят спасти миллионы жизней и дадут беднейшему миллиарду жителей планеты надежду на лучшее будущее. Не вдаваясь в подробности доводов авторов и не обращаясь к аргументам их критиков, сделаем акцент на эффективности действий, которые позволят достичь желаемых результатов.

Если действительно проблемы беднейших жителей планеты связаны с несовершенством и несправедливостью существующих глобальных институтов, как считает Т. Погге, то наиболее эффективным направлением работы будут действия, направленные на изменение данных институтов. Это предполагает поддержку политических сил, ставящих своей целью изменение глобальных институтов, а также активное давление на существующие глобальные организации – Организацию Объединенных Наций, Всемирную торговую организацию, Международный валютный фонд и др. Основные ресурсы в данном случае должны концентрироваться на лоббировании идеи реформы глобальных институтов и принятии решений об обязательных ежегодных выплатах глобального ресурсного дивиденда.

Если ориентироваться на подход Дж. Сакса, то наиболее эффективны действия, направленные на концентрацию ресурсов в специальных организациях, которые впоследствии будут осуществлять и координировать прямое проектное финансирование конкретных стран в определенных сферах экономики. Это позволит беднейшим странам вырваться из ловушки бедности, сделав с помощью доноров первый и самый тяжелый шаг в развитии. Однако можно предположить, что если просто продолжать расходовать ресурсы на решение локальных вопросов, то это не даст в конечном счете принципиального результата; скорее, будет похоже на постоянное латание дыр на тонущем корабле, когда правильнее было бы сделать капитальный

ремонт всего судна, после чего корабль отправился бы в самостоятельное плавание.

Миссионеры

По мнению ряда исследователей, которые в нашей статье условно названы миссионерами, проблемы развития ряда беднейших стран обусловлены их специфическими институтами, без изменения которых все выгоды от реформированных глобальных институтов и/или получаемая прямая экономическая помощь будут или просто пропадать из-за неэффективности управления, или обогащать коррумпированные элиты, попутно провоцируя постоянные войны и борьбу за власть. В таком случае необходимо непосредственное участие представителей наиболее успешных стран в экономической и, что принципиально, политической жизни стран-реципиентов.

Чартерные города. Одну из самых противоречивых концепций предложил американский экономист и предприниматель П. Ромер. Его идея основывается на нескольких базовых предпосылках. Во-первых, одной из важнейших тенденций мирового развития в XXI в. станет стремительный рост населения Африки, сопряженный с не менее стремительной урбанизацией континента. По расчетам, к 2050 г. количество городских жителей в мире должно увеличиться на 2.5 млрд, из которых 2/3 придется на Африку и Индию⁴, что эквивалентно 78 млн новых горожан ежегодно (Lutter 2019). Прогнозируется, что к 2050 г. городское население Африки утроится (Bryan, Glaeser, Tsivanidis 2019), а к 2100 г. тремя крупнейшими городами на планете будут африканские мегаполисы (Hoornweg, Pope 2016). Во-вторых, в той же Африке, где сегодня сосредоточено большинство беднейших жителей планеты, фактически отсутствуют институты и нормы, которые позволяют развиваться современной экономике, основанной на производстве и сфере услуг. В результате доля производства в ВВП в странах Африки к югу от Сахары упала с 16.5 % в 1980 г. до 9.3 % в 2011 г.⁵

П. Ромер считает, что люди, живущие в самых бедных странах, больше всего страдают от плохих правил и законов (*bad rules*). Насущная задача состоит в том, чтобы найти способы, как им принять правила, которые, как уже известно, работают намного лучше. Поиск стратегий, которые делают это возможным, является ключом к сокращению масштабов нищеты во всем мире (Romer 2010). Если же оставить этот вопрос нерешенным, то стремительный рост населения и урбанизация уже в ближайшие десятилетия приведут к удручающим последствиям.

⁴ World Urbanization Prospects 2018 // United Nations. URL: <https://population.un.org/wup/> (дата обращения: 25.10.2023).

⁵ Manufacturing, value added (% of GDP) – East Asia & Pacific, South Asia, North America, Europe & Central Asia, Latin America & Caribbean, Middle East & North Africa, Sub-Saharan Africa // World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS?end=2017&locations=Z4-8S-XU-Z7-ZJ-ZQ-ZG&start=1970&view=chart> (дата обращения: 25.10.2023).

Выход из сложившейся ситуации П. Ромер видит в создании так называемых чартерных городов (charter cities)⁶ – абсолютно новых поселений, функционирующих по правилам современного мира, что обеспечит быстрый экономический рост и одновременно решит проблему крайней бедности. Суть таких городов заключается в максимальном обособлении от институтов тех стран, где их планируется размещать. Они должны быть построены с нуля на специально отведенной территории. Управление будет осуществляться внешней администрацией, а обеспечивать правопорядок будут частные охранные агентства. Устанавливать правовые нормы и осуществлять судопроизводство чартерные города также будут самостоятельно, независимо от юрисдикции страны присутствия. Такие автономные юрисдикции привлекут сначала якорных международных инвесторов, а затем, по мере роста данных городов, создадут многомиллионные полинии с высокоразвитой диверсифицированной экономикой. Рабочие руки и население чартерных городов будут составлять мигранты с близлежащих территорий. Дешевизна рабочей силы и выгодное местоположение обеспечат и интерес инвесторов, и быстрый экономический рост. По замыслу П. Ромера, такие центры развития крайне выгодны странам-реципиентам, поскольку кумулятивный эффект благоприятно скажется на всем регионе.

Однако возникает вопрос о степени автономии чартерных городов. За время развития данной идеи сложилось несколько разных подходов. П. Ромер считает, что качественное управление должны гарантировать входящие в администрацию города успешные страны наподобие Канады⁷. Другого мнения придерживается немецкий исследователь и предприниматель Т. Гебель, который полагает, что в администрации чартерного города должна доминировать частная компания⁸. Представители некоммерческой организации *Charter City Institute* Дж. Мэнсон и М. Люттер заявляют, что управление должно осуществляться на основе частно-публичного соглашения между управляющим девелопером и принимающей страной, а обеспечение соглашения будут гарантировать международные институты, такие как Международный валютный фонд и международные суды (Manson, Lutter 2020: 18).

Одним из ключевых вызовов для концепции чартерных городов является проблема их возможного конфликта с принимающей страной. Некоторые исследователи, занимающиеся проблемой крайней бедности, считают, что не предполагающие гарантий безопасности программы развития обречены на провал.

⁶ Встречаются разные переводы: чартерные города, города-хартии, города-чартеры и др. В настоящей статье используется первый вариант.

⁷ Can “Charter Cities” Change the World? A Q&A with Paul Romer // *Freakonomics*. 29.09.2009. URL: <https://freakonomics.com/2009/09/can-charter-cities-change-the-world-a-qa-with-paul-romer/> (дата обращения: 25.10.2023).

⁸ Gebel T. Private Cities – A Disruptive Technology for the State Market // *CapX*. 08.04.2016. URL: <https://capx.co/private-cities-a-disruptive-technology-for-the-state-market/> (дата обращения: 25.10.2023).

Военные интервенции. По мнению британского экономиста П. Коллиера, проблемы беднейших стран намного более сложны, чем полагают вышеперечисленные исследователи. Кроме ловушек бедности и плохих институтов, существуют риски, что политические конфликты, постоянно сопровождающие беднейшие страны, нивелируют все начинания по оказанию им помощи.

Основная идея П. Коллиера заключается в том, что ресурсы беднейших стран, вне зависимости от их происхождения (сюда входят как природные ресурсы государства, так и международная помощь), создают стимулы для внутренней или региональной агрессии, направленной на завладение ими. Вследствие этого или имеющиеся ресурсы государств постоянно расходуются недопустимым образом, или политическая нестабильность регулярно приводит к тому, что успехи, достигнутые в предыдущие годы, легко разрушаются очередным военным переворотом или чем-то аналогичным.

Этому, по мнению П. Коллиера, призваны противостоять военные интервенции развитых стран, которые помогут предотвратить агрессию со стороны одного государства в адрес другого; восстановить порядок; поддержать постконфликтный мир; предотвратить государственные перевороты; переориентировать ресурсы государства с военных трат на цели развития и т.д. (Collier 2007: 125).

Подобный оптимизм исследователя связан с тем, что после окончания холодной войны не осталось противоборствующих блоков, в мире доминируют западные страны, интервенции которых могут эффективно достигать цели. И хотя П. Коллиер признает, что интервенция США в Сомали и Вторая иракская война продемонстрировали, что успех далеко не гарантирован, тем не менее хорошая организация военной интервенции способна дать впечатляющие результаты. В пример автор приводит американскую операцию «Буря в пустыне» 1990 г. и британскую операцию «Паллисер» в Сьерра-Леоне в 2000 г. (Collier 2007: 125, 127-128).

Кроме того, как полагает П. Коллиер, военное присутствие или гарантированная возможность такого присутствия развитых стран в беднейшем мире создает еще одно важное положительное следствие. Страна, которая столкнулась с военным переворотом, гражданской войной или интервенцией агрессивного соседа, начинает тратить большинство ресурсов на военные нужды. По оценкам экономиста, на это расходуется до 40% внешней донорской помощи беднейшим странам (Collier 2007: 103). Это, в свою очередь, влечет за собой гонку вооружений среди соседних стран, что усугубляет и без того неблагоприятную ситуацию.

Необходимо отметить, что военные интервенции – это далеко не единственный инструмент «помощи» беднейшему миллиарду. П. Коллиер предлагает многочисленные экономические и институциональные решения. Однако именно акцент на военных интервенциях выделяет его из массы других исследователей и представляет интерес для нашей работы.

Если рассмотреть вопрос наиболее эффективного решения проблемы крайней бедности через призму приведенных в настоящем разделе концепций, можно сделать вывод, что наилучшим способом выступает

активное посягательство на суверенитет беднейших государств. С точки зрения П. Ромера, необходимо создание специальных зон, выведенных из-под юрисдикции принимающих стран. П. Коллиер считает, что решение проблем развития должно быть обеспечено военной силой. Таким образом, самым эффективным приложением ресурсов должна быть поддержка либо инициативы чартерных городов, либо военных интервенций.

Фаталисты

В 2012 г. экономисты Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон опубликовали работу “Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty”, которая вышла на русском языке под названием «Почему одни страны богатые, а другие бедные» (Аджемоглу, Робинсон 2020). Книга практически сразу стала одним из самых цитируемых исследований по проблеме мирового развития. Если оценивать предложенную концепцию с позиции эффективной помощи, то ее условно можно назвать фаталистской.

По мнению Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, которые в своей работе регулярно используют органицистские метафоры, историю развития человеческих обществ можно сравнить с малопредсказуемым процессом эволюции живых организмов в природе. Только в случае человеческих обществ мутации – это случайные события, которые в долгосрочной перспективе меняют институциональный каркас всего общества. «Подобно тому, как в двух изолированных одна от другой популяциях одного и того же вида наборы генов начинают постепенно все более и более различаться в результате случайных мутаций (так называемый “дрейф генов”), два изначально схожих человеческих общества тоже будут все больше расходиться вследствие “дрейфа институций”» (Аджемоглу, Робинсон 2020: 569).

Общество, которое становится способным к саморазвитию и дальнейшей эволюции, направленной на улучшение жизни всех входящих в него индивидов, можно назвать особо удачливым. Оно возможно только при инклюзивных политических и экономических институтах, суть которых сводится к тому, что к политической власти допущено большинство населения, а не узкая элита. Права собственности в данном обществе защищены, созданы стимулы для стремления к экономическому успеху индивидов, изначально не имеющих инструментов политического влияния и ресурсов. Такое возможно только за счет технологических инноваций. «Экономический рост и технологические инновации создаются в результате процесса, который экономист Джозеф Шумпетер называл термином “созидательное разрушение”. В ходе этого процесса старые технологии заменяются новыми; новые сектора экономики привлекают ресурсы за счет старых; новые компании вытесняют признанных ранее лидеров. Новые технологии делают старое оборудование и навыки обращения с ним ненужными» (Аджемоглу, Робинсон 2020: 119).

Такая институциональная конфигурация достаточно редко встречается в истории. Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон указывают на Древний Рим периода республики и Венецианскую республику как общества, функцио-

нировавшие в рамках инклюзивных институтов и потому преуспевшие. Случайный характер формирования таких институтов хорошо иллюстрирует пример Англии, первой из существующих сегодня стран сформировавшей инклюзивные институты. По мнению исследователей, ее успех обеспечили случайные обстоятельства, которые стали точками перелома (*critical junctures*), перенаправившими ход истории. К их числу можно отнести Великую хартию вольностей; чуму XIV в.; слабость английских монархов, не позволившую монополизировать торговлю с колониями; серию счастливых обстоятельств, приведших к фиаско испанской Непобедимой армады; успехи династии Тюдоров в централизации государства; неудачи династии Стюартов в установлении абсолютистского государства. Перечень далеко не полный, но, по мнению Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, именно эта цепь разрозненных обстоятельств привела к появлению в Англии самоподдерживающихся институтов. Положительным следствием установления инклюзивных институтов является формирование так называемого круга благоразумия (*virtuous circle*), позволяющего поддерживать инклюзивные институты. Во многом этим и объясняется достаточно большое количество развитых стран в современном мире.

Однако гораздо более частым случаем являются экстрактивные политико-экономические институты, стремящиеся «выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части» (Аджемоглу, Робинсон 2020: 108). Такие общества всячески сопротивляются процессам созидательного разрушения, лишаящим элиты власти и ресурсов. Экстрактивные институты также запускают самоподдерживающийся механизм, так называемый порочный круг (*vicious circle*). В связи с этим политическая революция или серия рыночных реформ в государстве с экстрактивными институтами, вероятнее всего, приведет только к смене элит и к смене или образованию новых монополий. Данный механизм наглядно иллюстрирует так называемый железный закон олигархии, сформулированный Р. Михельсом (Michels 2001).

С последним тезисом связана идея сильного централизованного государства, обязательного для существования инклюзивных институтов. Любые политические потрясения могут уничтожить или сильно ослабить суверенное государство, что не будет способствовать формированию общества, способного к инновационному развитию. В то же время в сильном государстве с гораздо большей вероятностью начнется формирование экстрактивных политических институтов. Баланс, позволяющий функционировать плюралистическому политическому обществу в границах сильного государства, является труднодостижимой задачей.

Если посмотреть на проблемы беднейших обществ через призму рассматриваемой теории, то ситуация будет выглядеть еще более пессимистично, чем в мировом масштабе. Большинство беднейших жителей планеты проживает в Африке, где, с точки зрения Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, в ходе колониального периода были установлены экстрактивные политические и экономические институты, обеспечивающие интересы метрополий. После провозглашения независимости суть институтов осталась неизменной.

В независимых африканских странах экстрактивные политические институты обслуживают интересы других элит, но суть та же, что служит яркой иллюстрацией функционирования порочного круга. Кроме того, для многих африканских стран характерны проблемы поддержания централизованного государства. Одна из очевидных причин – границы, сформированные колониальными державами без какого-либо учета этнокультурных и религиозных особенностей проживающих там людей. Все вышеперечисленное доказывает, что внешние усилия, направленные на развитие африканских стран, почти наверняка обречены на провал.

В своей работе Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон приводят в качестве положительного примера историю Ботсваны как африканского государства, сумевшего построить инклюзивные институты. По мнению экономистов, успехи были обеспечены рядом случайных или почти случайных исторических обстоятельств. К примеру, страна в отличие от своих соседей сумела избежать колонизации с последующим формированием экстрактивных институтов. Это стало возможным благодаря визиту лидеров племени тсвана в Великобританию во время политического конфликта между правительством страны и магнатом Сесилом Родсом, планировавшим колонизацию земель сегодняшней Ботсваны (Аджемоглу, Робинсон 2020: 535-538). Получив защиту, Ботсвана обеспечила перспективы своего развития, в отличие от соседей, колонизация и эксплуатация которых, а также насаждение экстрактивных институтов не оставили шансов и после получения независимости. Для Ботсваны такой счастливый случай является не единственной, но очень показательной точкой перелома.

Таким образом, теория Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона мало подходит для того, чтобы прогнозировать и планировать действия, направленные на развитие. Как пишут авторы, «небольшие различия и непредсказуемость – это не ключевая часть нашей теории. Это ключевая часть механизма истории» (Аджемоглу, Робинсон 2020: 574). Есть ли в таком случае какая-то польза от программ развития и помощи? Авторы полагают, что есть, но крайне ограниченная: «Поскольку пути истории непредсказуемы, надо обладать недюжинной смелостью, чтобы формулировать общие политические рекомендации по переходу к инклюзивным институтам. И тем не менее наша теория все-таки может помочь в деле политического анализа, так как она позволяет распознать неверные политические рекомендации, основанные либо на неправильных предпосылках, либо на недостаточном понимании механики изменения институтов» (Аджемоглу, Робинсон 2020: 576-577).

Если рассматривать такой подход через призму эффективной помощи беднейшим жителям планеты, то спектр действий, которые могут гарантировать пользу в долгосрочной перспективе, стремится к нулю. Любая помощь находящимся в бедственном положении людям является, прежде всего, моральным актом и не отрицается Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном. Тем не менее, если под эффективностью понимается то, что беднейшие общества смогут выбраться из крайне сложного положения и встать на траекторию развития, то такой цели помощь доноров практически наверняка не достигнет.

Подобный фатализм характерен не для всех ученых-экономистов. Некоторые полагают, что направленные на развитие усилия рано или поздно увенчаются успехом и помогут людям выбраться из нищеты. При этом какого-то чрезмерного оптимизма по поводу успехов макрополитических или макроэкономических решений исследователи не питают, поэтому в нашей работе они будут объединены в группу реалистов.

Реалисты

В разделе представлены авторы, зачастую активно полемизирующие друг с другом. Поэтому объединение их в одну группу очень условно. Признаком, объединяющим У. Истерли, А. Банерджи и Э. Дюфло, является рассмотрение бедности в перспективе «снизу вверх» (*bottom-up perspective*), то есть движение с микроуровня к более масштабным проблемам. Кроме того, разнообразные проблемы на микроуровне и инструменты их решения авторы, представленные в настоящем разделе, считают необходимым подтверждать многочисленными эмпирическими исследованиями, не делая следующего шага без весомых доказательств и часто пересматривая свою позицию при появлении новых результатов. Благо, что решения в логике «снизу вверх» дают для эмпирических исследований гораздо больше возможностей. В других, зачастую ключевых, аспектах вышеназванные авторы могут занимать противоположные позиции.

Принцип невмешательства. Американский экономист У. Истерли резко критикует подход, определяющий макроэкономическую помощь как основной рецепт решения проблемы мировой бедности. Прежде всего, адресатом его критики является уже упомянутый Дж. Сакс и программы, в которых последний активно участвовал. В этом с ним солидарна экономист Д. Мойо (Moyo 2009). У. Истерли в своих работах «Бремя белого человека» (Easterly 2006) и «Тирания экспертов» (Easterly 2014) демонстрирует неэффективность макроэкономических и макрополитических мер, направленных на решение проблемы бедности. «Большая проблема с иностранной помощью и другими попытками Запада (*the West*) преобразовать всех остальных (*the Rest*) заключается в том, что люди, оплачивающие счета, – это богатые люди, которые очень мало знают о бедных» (Easterly 2006: 24).

Более того, помощь со стороны богатых доноров наверняка приведет к негативным результатам: рост коррупции вокруг иностранной помощи; исчезновение стимулов для самостоятельного развития; утрата надежд на демократизацию и др. Однако, в отличие от Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, У. Истерли не является пессимистом в части перспектив беднейших обществ; он полагает, что каждое общество имеет шансы выбраться из тяжелой ситуации самостоятельно и во вполне обозримой временной перспективе. Примером выступают многие азиатские страны, которые во второй половине XX в. решили проблему развития и бедности без существенной роли донорской помощи со стороны.

По мнению У. Истерли, ключевыми условиями, которые позволят странам выбраться из состояния крайней бедности, являются рыночная

экономика и институты, которые позволят этой экономике стабильно существовать и развиваться. Причем навязать западные стандарты рыночной экономики – задача бесперспективная или даже вредная. Особенности того или иного общества могут предполагать и специфические институты рыночной экономики, отличные от того, что знакомо странам Запада. «Свободный рынок зависит от появления снизу вверх сложных институтов и социальных норм, которые посторонним трудно понять, а тем более изменить» (Easterly 2006: 59). В таком случае лучшее, что развитые страны могут сделать для развивающегося общества, – это предоставить людям самим себе. Законы рынка и способность людей к инновациям должны найти путь позитивного изменения, и никто лучше индивидов, входящих в локальные общества, с этим не справится.

Американский экономист не призывает полностью устранить от проблем беднейших обществ и допускает возможность помощи, но выглядит это специфическим образом. Предлагается присоединиться к успешным практикам, которые были запущены в рамках рыночной экономики местными жителями. Это скорее напоминает практику соинвестирования в перспективные стартапы, чем помощь развитию в общепризнанном смысле. Тем не менее, с точки зрения автора, это самый эффективный способ помочь людям.

У. Истерли считает недопустимыми попытки вмешаться в социальные институты со стороны. В этом он солидарен с К. Поппером, который называл порочными любые практики «утопического социального инжиниринга» (Поппер 1992). Противоположной точки зрения придерживаются экономисты, которые будет рассмотрены далее.

Экономика бедных. Исследователи Массачусетского технологического университета А. Банерджи и Э. Дюфло солидарны с У. Истерли в том, что главное в решении проблемы развития – взгляд снизу, с микроуровня. «Полезно мыслить в терминах конкретных проблем, которые могут иметь конкретные решения, а не иностранной помощи в целом, говорить о “помощи”, а не о “Помощи”» (Банерджи, Дюфло 2021: 26). Главной задачей, решение которой поможет преодолеть глобальную проблему бедности, смертности и развития, является попытка понять бедных – как они мыслят и почему принимают те или иные решения.

Ученые полагают, что после того как надлежащие исследования позволят понять истинные причины проблем беднейших жителей планеты, вмешательство со стороны доноров не только возможно, но даже необходимо. Идея Дж. Сакса о ловушке бедности верна лишь частично. Существует не одна, а множество ловушек, в которые попадают беднейшие жители планеты: в области питания, образования, охраны здоровья, фертильности и планирования семьи, предпринимательской деятельности и др. Решить данные проблемы можно, только поняв, как работают механизмы ловушек на микроуровне, то есть на уровне конкретных людей. «Лестницы, по которым можно выбраться из ловушки бедности, существуют, но не всегда находятся в нужном месте, а люди, похоже, не знают, как ими пользоваться, или даже не хотят этого делать» (Банерджи, Дюфло 2021: 98). Задача доноров – помочь найти такие лестницы и научить ими пользоваться.

Главная сложность при таком подходе – правильное диагностирование проблемы и назначение лечения. Ключевой инновацией А. Банерджи и Э. Дюфло стало широкое применение хорошо зарекомендовавшего себя в медицине метода – рандомизированных контролируемых исследований (РКИ). Его суть заключается в проведении серии экспериментов, отличающихся местом проведения либо проверяемым видом вмешательства. Зачастую некоторые контролируемые группы не подвергаются вмешательству (аналог плацебо) или же группы получают разные версии вмешательства для последующего сравнения результатов (Банерджи, Дюфло 2021: 38-39).

Для продвижения своей теории исследователи основали в 2003 г. лабораторию по борьбе с бедностью, позднее получившую название *Abdul Latif Jameel Poverty Action Lab* (J-PAL). Она поощряет эксперименты в сфере экономики развития, использующие методы РКИ. К 2010 г. исследователи J-PAL «приняли участие более чем в 240 экспериментах в 40 странах мира, а идея рандомизированных исследований была принята огромным числом организаций, ученых и политиков» (Банерджи, Дюфло 2021:40).

По мнению авторов концепции, ждать быстрых изменений в судьбе беднейших обществ вряд ли приходится. Специфика социальных отношений и норм культуры, сложившихся исторически, не позволяет прогнозировать резкий слом динамики экономического развития. Определяющую роль все равно играют большие социальные, экономические и политические «институты». Тем не менее, как полагают А. Банерджи и Э. Дюфло, постепенные изменения, имеющие постоянный и нарастающий характер, могут стать началом тихой революции, изменяющей жизнь людей к лучшему (Банерджи, Дюфло 2021: 443).

Последний из рассмотренных подходов лучше всего соответствует положениям эффективного альтруизма, в привязке к которому часто упоминают концепцию А. Банерджи и Э. Дюфло. Во введении к настоящей статье мы назвали экономистов среди ведущих последователей эффективного альтруизма. У. Макаскилл в своих работах часто ссылается на труды указанных авторов, а также на исследования лаборатории J-PAL (см., напр.: Макаскилл 2018).

Концепция А. Банерджи и Э. Дюфло не является единственным видением того, как решать проблему беднейших жителей планеты. В настоящей статье у идеалистов, миссионеров, фаталистов и реалистов есть свой обоснованный взгляд на проблему и выработаны различные способы решения. Когда эффективные альтруисты заявляют об эффективности помощи они, прежде всего, определяют эффективность, исходя из концепции А. Банерджи и Э. Дюфло. Но неизвестно, эффективнее ли она на самом деле. В настоящее время проверить эффективность того или иного подхода крайне затруднительно, а то и вовсе невозможно.

Многие современные авторы, работающие в сфере экономики развития, скептически оценивают подход исследователей из Массачусетса. Среди критиков А. Дитон (Deaton 2009), Д. Родрик (Rodrik 2008) и уже упоминаемый в настоящей статье У. Истерли. Во-первых, критики указывают, что проблемы, которые исследуют при помощи РКИ, небольшие. Изучить макроэкономические вопросы посредством данного метода невозможно,

в то время как именно особенности и сложности институтов макроуровня являются определяющими. Как подчеркивает У. Истерли, «в отношении многих важных проблем развития, таких как воздействие на экономику в целом хороших институтов или хорошей макроэкономической политики, РКИ провести невозможно... принятие методов РКИ заставило исследователей экономики развития снизить свои амбиции»⁹.

Другим важным аспектом является ограниченность вопросов, проверка которых возможна при помощи РКИ. Со временем эффективность метода будет снижаться и снова встанет вопрос об обращении к изучению макроэкономических институтов: «Вся литература об оценке программ ищет легкие Парето-улучшения: как с помощью небольших вложений добиться значимого увеличения какой-то целевой статистики (числа здоровых или образованных детей, числа работающих врачей и т.п.). По мере все большего внедрения подобных программ их эффективность будет снижаться. В конечном счете развивающиеся страны столкнутся с необходимостью повторить опыт развитых стран второй половины XIX – первой половины XX столетия: создавать национальные системы транспортной инфраструктуры, канализации, здравоохранения. Отдача от больших проектов в общественном секторе велика, но их успешная реализация подразумевает наличие большого и функционирующего государства» (Шестаков 2016: 249).

Тем не менее отметим, что на сегодняшний день наибольшая эффективность мер, направленных на помощь беднейшим жителям планеты, достигается при работе с конкретными проблемами конкретных обществ в конкретный момент времени, то есть в перспективе «снизу вверх».

Заключение

Подводя итоги, отметим, что одна из основных идей эффективного альтруизма – эффективность (максимальная польза) – при внимательном рассмотрении может оказаться необоснованной с точки зрения достижений и возможностей современной науки. А именно научная обоснованность лежит в основе концепции эффективного альтруизма.

В настоящей статье был проведен анализ и сравнение ведущих концепций экономики развития – ближайшей к эффективному альтруизму науки, имеющей схожие цели, направленные на эффективную помощь беднейшим странам и их жителям. Исследование продемонстрировало, что эффективность в рамках той или иной концепции понимается по-разному и зачастую достигается противоположными методами. Чтобы продемонстрировать логику, ведущую к таким расхождениям, был выделен ряд критериев, позволивших объединить рассмотренные теории в несколько групп.

С нашей точки зрения, можно выделить как минимум четыре различных подхода, представления об эффективности в которых существенно

⁹ Easterly W. Development Experiments: Ethical? Feasible? Useful? // Development Research Institute. 15.07.2009. URL: <https://www.nyudri.org/aidwatcharchive/2009/07/development-experiments-ethical-feasible-useful> (дата обращения: 25.10.2023).

отличаются. Есть основания предполагать, что подходов намного больше, доказательства чего можно увидеть в том числе и в настоящем тексте, где в одном разделе объединены концепции, по некоторым принципиальным вопросам находящиеся в полемике друг с другом. Такая ситуация сводит на нет дискуссии об эффективности помощи как о решенном вопросе.

На практике сторонники эффективного альтруизма часто отдают предпочтение концепции А. Банерджи и Э. Дюфло. Однако, во-первых, этот предпочтительный выбор отнюдь не свидетельствует об ошибочности и неэффективности остальных; во-вторых, предпочитаемая сторонниками эффективного альтруизма концепция является объектом активной критики среди экономистов, на что было указано в настоящей статье.

В то же время нельзя отрицать успехи А. Банерджи и Э. Дюфло в области экономики развития. В 2019 г. они были удостоены Нобелевской премии по экономике «за экспериментальный подход к борьбе с глобальной бедностью». Метод РКИ, который экономисты внедрили при оценке эффективности помощи, продемонстрировал впечатляющие результаты. Однако нет оснований ставить идеи ученых в основание философско-этической концепции. Критики эффективности эффективного альтруизма всегда могут отослать к другим концепциям в рамках экономики развития, не имеющим доказанного опровержения. К тому же концепция А. Банерджи и Э. Дюфло с высокой вероятностью столкнется с необходимостью пересмотра, что ретроспективно может привести к признанию неэффективными ранее реализованных программ эффективного альтруизма.

Однако нельзя не отметить и положительные стороны движения. Акцент на эффективности заставляет эффективных альтруистов проводить аудит всех программ помощи бедным, что само по себе очень ценно и открывает глаза на многие процессы, проходящие в мире, в том числе в сфере этических действий, сопряженных с благотворительностью. Широко применяемый инструмент РКИ, при всех своих недостатках, не имеет аналогов в вопросах экономики развития и произвел настоящую революцию в науке. А практико-ориентированный характер эффективного альтруизма дает основания говорить, что у подхода нет аналогов среди других этико-философских подходов.

Важно помнить, что эффективный альтруизм является не волшебным лекарством от всех болезней, а лишь одним из возможных инструментов решения мировых проблем. И хотя глобально говорить о его эффективности не приходится, в частных аспектах он демонстрирует эффективные результаты, что свидетельствует о развитии общей утилитаристской этической программы.

Настоящее исследование не претендует на то, чтобы исчерпать как дискуссии вокруг эффективного альтруизма, так и проблему идеологизации экономической науки. Также необходимо учитывать, что эффективный альтруизм сталкивается с существенной критикой на фундаментальном нормативном уровне¹⁰, что в нашей статье не затрагивалось, как не рассматривалась и проблема экономизированного мышления, претендующая

¹⁰ Более подробно см.: (Балашов 2022).

на то, чтобы быть метаидеологией мышления о политике (Фишман, Мартянов, Давыдов 2019). Этот вопрос становится абсолютно логичным в ситуации, когда этическая и политическая философия настолько сближается с экономикой. Исследования, посвященные поиску ответов на эти и другие вопросы, могут дать совершенно иное представление об эффективном альтруизме и в совокупности с настоящим текстом позволят создать объемное представление об одном из самых интересных и многогранных движений последних десятилетий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. 2020. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Москва : АСТ. 693 с.
- Балашов Д.В. 2022. Эффективный альтруизм: аргументы за и против // Антиномии. 2022. Т. 22, № 4. С. 7-31. DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_7
- Банерджи А., Дюфло Э. 2021. Экономика бедных. Радикальное переосмысление способов преодоления мировой бедности Москва : Институт Гайдара. 464 с.
- Кимлика У. 2010. Современная политическая философия: введение. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики. 592 с.
- Макаскилл У. 2018. Ум во благо. От добрых намерений – к эффективному альтруизму. Москва : АСТ : Corpus. 299 с.
- Платонов Р.С. 2020. Моральная универсальность в этике классического утилитаризма (Иеремия Бентам, Джон Стюарт Милль) // Антиномии. Т. 20, № 4. С. 45-64. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10403
- Поппер К. 1992. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Москва : Феникс. 528 с.
- Сакс Дж. 2011. Конец бедности. Экономические возможности нашего времени. Москва : Институт Гайдара. 424 с.
- Фишман Л.Г., Мартянов В.С., Давыдов Д.А. 2019. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики. 416 с.
- Шестаков Д. 2016. Прощай, тирания! Рецензия на книгу Уильяма Истерли «Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных» // Экономическая политика. Т. 11, № 3. С. 245-252.
- Bryan G., Glaeser E., Tsivanidis N. 2019. Cities in the Developing World // National Bureau of Economic Research. URL: <https://www.nber.org/papers/w26390> (дата обращения: 25.10.2023).
- Collier P. 2007. The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done About It. New York : Oxford University Press. 205 p.
- Deaton A. 2009. Instruments of Development: Randomization in the Tropics, and the Search for the Elusive Keys to Economic Development // National Bureau of Economic Research. URL: <https://www.nber.org/papers/w14690> (дата обращения: 25.10.2023).
- Easterly W. 2006. The White Man's Burden: Why the West's Efforts to Aid the Rest Have Done So Much Ill and So Little Good. New York : Penguin Press. 436 p.
- Easterly W. 2014. The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor. New York : Basic Books. 416 p.
- Hoorneweg D., Pope K. 2016. Population Predictions for the World's Largest Cities in the 21st Century // Environment and Urbanization. Vol. 29, iss. 1. P. 195-216. DOI 10.1177/0956247816663557

Lutter M. 2019. A Beginner's Guide to Building New Cities // Charter Cities Institute. URL: <https://chartercitiesinstitute.org/media-appearances/a-beginners-guide-to-building-new-cities/> (дата обращения: 25.10.2023).

Manson J., Lutter M. 2020. Introduction to Charter Cities // Charter Cities Institute. URL: <https://chartercitiesinstitute.org/> (дата обращения: 25.10.2023).

Michels R. 2001. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. Kitchener : Batoche Books. 266 p.

Moyo D. 2009. Dead Aid: Why Aid Is Not Working and How There Is Another Way for Africa. New York : Farrar, Straus, and Giroux. 182 p.

Ng Y.-K. 2000. Efficiency, Equality and Public Policy. With a Case for Higher Public Spending. London : Macmillan Publishers. 189 p.

Pogge T. 2002. World Poverty and Human Rights. Cambridge : Wiley. 284 p.

Pogge T. 2005. Real World Justice // The Journal of Ethics. Vol. 9. P. 29-53. DOI 10.1007/s10892-004-3313-z

Rodrik D. 2008. The New Development Economics: We Shall Experiment, but How Shall We Learn? // Social Science Research Network (SSRN). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1296115 (дата обращения: 25.10.2023).

Romer P. 2010. Technologies, Rules, and Progress: The Case for Charter Cities // Center for Global Development. URL: <https://www.cgdev.org/publication/technologies-rules-and-progress-case-charter-cities> (дата обращения: 25.10.2023).

Singer P. 1972. Famine, Affluence, and Morality // Philosophy & Public Affairs. Vol. 1, iss. 3. P. 229-243.

Singer P. 1975. Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals. New York : Random House. 301 p.

References

Acemoglu D., Robinson J. *Why Are Some Countries Rich and Others Poor?* Moscow, AST, 2020, 693 p. (In Russ.).

Balashov D.V. Effective Altruism: Pro and Contra, *Antinomii* [Antinomies], 2022, vol. 22, no. 4, pp. 7-31. (In Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_7

Banerjee A., Duflo E. *Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*, Moscow, Institut Gajdara, 2011, 464 p. (In Russ.).

Bryan G., Glaeser E., Tsivanidis N. Cities in the Developing World, *National Bureau of Economic Research*, 2019, available at: <https://www.nber.org/papers/w26390> (accessed October 25, 2023).

Collier P. *The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done About It*, New York, Oxford University Press, 2007, 205 p.

Deaton A. Instruments of Development: Randomization in the Tropics, and the Search for the Elusive Keys to Economic Development, *National Bureau of Economic Research*, 2009, available at: <https://www.nber.org/papers/w14690> (accessed October 25, 2023).

Easterly W. *The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor*, New York, Basic Books, 2014, 416 p.

Easterly W. *The White Man's Burden: Why the West's Efforts to Aid the Rest Have Done So Much Ill and So Little Good*, New York, Penguin Press, 2006, 436 p.

Fishman L.G., Martianov V.S., Davydov D.A. *Rental Society: In the Shadow of Capital, Labor and Democracy*, Moscow, Izdatel'skij dom Vyshej shkoly jekonomiki, 2019, 416 p. (In Russ.).

Hoornweg D., Pope K. Population Predictions for the World's Largest Cities in the 21st Century, *Environment and Urbanization*, 2016, vol. 29, no. 1, pp. 195-216. DOI 10.1177/0956247816663557

Kymlicka W. *Contemporary Political Philosophy: An Introduction*, Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2010, 592 p. (In Russ.).

Lutter M. A Beginner's Guide to Building New Cities, *Charter Cities Institute*, 2019, available at: <https://chartercitiesinstitute.org/media-appearances/a-beginners-guide-to-building-new-cities/> (accessed October 25, 2023).

MacAskill W. *Doing Good Better: Effective Altruism and How You Can Make a Difference*, Moscow, AST, Corpus, 299 p. (In Russ.).

Manson J., Lutter M. Introduction to Charter Cities, *Charter Cities Institute*, 2020, available at: <https://chartercitiesinstitute.org/> (accessed October 25, 2023).

Michels R. *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*, Kitchener, Batoche Books, 2001, 266 p.

Moyo D. *Dead Aid: Why Aid Is Not Working and How There Is Another Way for Africa*, New York, Farrar, Straus, and Giroux, 2009, 182 p.

Ng Y.-K. *Efficiency, Equality and Public Policy. With a Case for Higher Public Spending*, London, Macmillan Publishers, 2000, 189 p.

Platonov R.S. Moral Universality in the Ethics of Classical Utilitarianism (Jeremy Bentham, John Stuart Mill), *Antinomii* [Antinomies], 2020, vol. 20, no. 4, pp. 45-64. (In Russ.). DOI 10.24411/2686-7206-2020-10403

Pogge T. Real World Justice, *The Journal of Ethics*, 2005, vol. 9, pp. 29-53. DOI 10.1007/s10892-004-3313-z

Pogge T. *World Poverty and Human Rights*, Cambridge, Wiley, 2002, 284 p.

Popper K. *The Open Society and Its Enemies. Vol. 2: The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx, and the Aftermath*, Moscow, Feniks, 1992. 528 p. (In Russ.).

Rodrik D. The New Development Economics: We Shall Experiment, but How Shall We Learn? *Social Science Research Network (SSRN)*, 2008, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1296115 (accessed October 25, 2023).

Romer P. Technologies, Rules, and Progress: The Case for Charter Cities, *Center for Global Development*, 2010, available at: <https://www.cgdev.org/publication/technologies-rules-and-progress-case-charter-cities> (accessed October 25, 2023).

Sachs J. *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*, Moscow, Institut Gajdara, 2011, 424 p. (In Russ.).

Shestakov D. Farewell to Tyranny. A Review of William Easterly's The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor, *Ekonomicheskaja politika* [Economic Policy], 2016, vol. 11, no. 3, pp. 245-252. (In Russ.).

Singer P. *Animal Liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals*, New York, Random House, 1975, 301 p.

Singer P. Famine, Affluence, and Morality, *Philosophy & Public Affairs*, 1972, vol. 1, no. 3, pp. 229-243.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Викторович Балашов

кандидат юридических наук, старший преподаватель департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0001-9427-2039;
ResearcherID: Y-5714-2018;
SPIN-код: 7711-2803;
E-mail: dbalashov@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Balashov

Candidate of Law, Senior Lecturer, School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-9427-2039;
ResearcherID: Y-5714-2018;
SPIN-code: 7711-2803;
E-mail: dbalashov@hse.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Никандров А.В. Антиномия классов и народа в советской теории социалистического государства: концепт «всенародное государство» // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 47-70. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_47

УДК 32(470)

DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_47

Антиномия классов и народа в советской теории социалистического государства: концепт «всенародное государство»

Алексей Всеволодович Никандров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

E-mail: bobbio71@mail.ru

*Поступила в редакцию 24.01.2024, поступила после рецензирования 09.04.2024,
принята к публикации 27.04.2024*

Создание теории социалистического государства на базе идейно-политического наследия марксизма стало одной из самых насущных задач, вставших перед И.В. Сталиным. К. Маркс и Ф. Энгельс не ставили вопрос о социалистическом государстве. Этот термин впервые появляется у В.И. Ленина, в трудах которого стала обретать контуры новая теория государства, но смерть не дала основателю Советского государства разработать ее в развернутом виде. Уже к концу 1920-х гг. стало ясно, что теория социалистического государства не может быть основана на принципах пролетарского интернационализма и диктатуры пролетариата. Она должна исходить

© Никандров А.В., 2024

из положения о народе как источнике государства и права в СССР, то есть о советском народе как источнике советской власти. Это, в свою очередь, приводило к необходимости введения принципа всенародного, то есть общеклассового государства, что входило в конфронтацию с основоположениями марксизма. Марксистское учение о классовой природе государства создавало трудности его применения к социалистическому государству, природа которого конструировалась как демократическая. Сложности для теории определялись двойственностью природы (классовая и демократическая) социалистического государства. В статье анализируется предыстория доктрины общенародного государства, введенной в действие в качестве официального обозначения новой политической сущности Советского государства в третьей Программе КПСС, принятой на XXII съезде в 1961 г. Этой доктрине предшествовала концептуализация понятия «всенародное государство» в проекте третьей Программы ВКП(б) 1947 г. Данное понятие, в свою очередь, уже апробировалось ранее как экспериментальное нововведение без проработанной теоретической базы: впервые термин появляется и почти сразу исчезает весной 1936 г., до опубликования проекта Конституции. Автор показывает, как постепенно, с использованием марксистской терминологии, И.В. Сталин и сталинские теоретики и идеологи пытались подойти к провозглашению СССР всенародным государством, насыщая классовую конструкцию советского общества новыми «внеклассовыми» концептами. При этом классовый дискурс пролетарского интернационализма не терял силы, но подвергался определенной трансформации, становясь частью советской внешнеполитической риторики, в том числе одним из важнейших принципов саморепрезентации СССР.

Ключевые слова: Советское государство, диктатура пролетариата, бесклассовое социалистическое общество, всенародное государство, И.В. Сталин, Конституция СССР 1936 г., проект Программы ВКП(б) 1947 г., третья Программа КПСС 1961 г.

Antinomy of Classes and People in the Soviet Socialist State Theory: The Concept of “All People’s State”

Aleksey V. Nikandrov

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

E-mail: bobbio71@mail.ru

Received 24.01.2024, revised 09.04.2024, accepted 27.04.2024

Abstract. The creation of a theory of a socialist state on the basis of the theoretical Marxist heritage became one of the most urgent tasks that Joseph Stalin faced. The works of Karl Marx and Friedrich Engels did not contain specific provisions about the essence of the socialist state. Only in Vladimir Lenin’s works did the concept of a “socialist state” appear, and the theory of the socialist state gradually began to take on clearer contours, but death did not allow him to create any detailed theory. By the end of the 1920s, it became clear that the theory of a socialist state could not be based on the principles of proletarian internationalism and the dictatorship of the proletariat, which had received special development in the works of the classics of Marxism. This theory should have been built only on the principle of the people as the source of state and law in the USSR, i.e. the So-

viet people as the source of Soviet power. This in turn led to the need to introduce the principle of the all people's state (state of the whole people), i.e. classless society. Such a formulation inevitably and directly came into confrontation with the axioms of Marxism. The Marxist doctrine of class nature of the state experienced significant resistance when applied to the socialist state. The duality of the nature of the socialist state (class and democratic state) determined the difficulties for the development of the theory of this state. The article analyzes the prehistory of the doctrine of the all people's state, which was brought into effect as an official designation of the new political status of the Soviet state at the 22nd Congress of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU). This was preceded by an attempt to conceptualize the term "All People's State" in the 1947 Draft of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (AUCPB) Program. The new concept was not part of the new theory of the socialist state; it was tested as a risky and experimental innovation without an appropriate theoretical basis. For the first time, this term appeared and almost immediately disappeared in the spring of 1936, before the publication of the draft Constitution. The article shows how Joseph Stalin and Soviet theorists and ideologists of the Stalin era, using Marxist terminology, slowly approached to proclamation of the USSR as an "all people's state", gradually filling the class structure of Soviet society with new "non-class" concepts. At the same time, the class discourse of proletarian internationalism did not lose its theoretical potential. It was subjected a specific transformation, becoming the part of Soviet foreign political rhetoric, including one of the most important principles of self-representation of the USSR.

Keywords: Soviet state, dictatorship of the proletariat, classless socialist society, all people's state, Joseph Stalin, the 1936 Constitution of the USSR, the 1947 draft AUCPB Program, the third CPSU Program of 1961

For citation: Nikandrov A.V. Antinomy of Classes and People in the Soviet Socialist State Theory: The Concept of "All People's State", *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 47-70. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_47

Введение

Третья Программа КПСС, принятая в 1961 г. на XXII съезде партии, кардинально изменила всю идейную архитектуру советского государственного строительства, структуру теории советского государства и права, общественно-политическую мысль СССР. Диктатура пролетариата в новой Программе была объявлена исполнившей свою миссию и тем самым исчерпанной, а социалистическое государство провозглашено общенародным. Выступая как бы от имени партии, рабочий класс констатировал исчерпание своей диктатуры, сложил перед лицом народа полномочия диктатора, отказался от этой магистратуры и торжественно возвратил народу его республику – как некое достояние или, точнее, собственность, принадлежащую народу изначально. Получилась «возвращенная», «восстановленная» республика – *res publica restituta* в стиле императора Августа (Межеричкий 2016; Никандров 2019).

По определению одного из ведущих советских теоретиков общенародного государства постсталинского периода Ф.М. Бурлацкого, «общенародное государство есть орган власти всего народа. Народ – единственный источник власти, верховный законодатель, верховный исполнитель

и верховный судия в государстве» (Бурлацкий 1963: 123). Ученый подчеркивает: «Государство существует века и тысячелетия, и всегда оно выступало как орудие господства одного класса над другими... И только... в Советском Союзе осуществилось коренное преобразование природы государства, начатое социалистической революцией. Государство, служившее в прежние времена одному классу, стало орудием всего общества, средством выражения его воли, его интересов, идеалов и целей» (Бурлацкий 1963: 4). Такая постановка вопроса о государстве заставляет вспомнить политические идеалы республиканского Рима. *Res publica*, писал немецкий филолог-античник Р. Гейнце, «для римлян идентична *res populi*. Это значит – “принадлежащее” народу, преимущественно в самом общем смысле – “дело народа”. Не в конкретном вещном смысле, но отвлеченно – то, что охватывает всю сферу интересов народа как общности» (цит. по: Межерицкий 2016: 222). Советское государство в 1961 г., когда состоялся первый полет человека – гражданина СССР – в космос, в плане политического устройства уподобилось величественному древнему Риму, став государством всего народа.

На XXII съезде КПСС были приняты и другие доктринальные инновации: партия пролетариата становилась партией всего народа; устанавливались сроки построения коммунизма в ближайшей перспективе (20–30 лет); концептуализировалась мировая система социализма; провозглашался принцип мирного сосуществования социалистических и капиталистических государств. Третья Программа партии получила название «хрущевской», хотя истинным «автором» (речь, конечно, может идти об инспирации, общем руководстве) всех ее инноваций был вовсе не Н.С. Хрущев. Ввиду выраженного немарксистского характера понятий «общенародное государство» и «партия всего народа», а также излишне оптимистичного срока ожидания коммунизма, Хрущев как «автор» Программы, равно как и сам этот документ, спровоцировали волну критики (прежде всего, со стороны китайских коммунистов, обвинивших Хрущева в ревизионизме), главным объектом которой был принцип общенародного государства. Явная контрмарксистская формула не могла не вызвать непонимания, а то и возмущения: в марксизме любое государство, в том числе социалистическое, является классовым, и по этой причине оно не может быть общенародным, то есть общеклассовым.

Существование классов в «новой» теории и риторике под сомнение, однако, не ставилось. Напротив, в классическом сталинском ключе утверждалось, что в Советском Союзе имеются два дружественных класса и прослойка – интеллигенция; рабочему классу при этом принадлежит руководящая (ведущая) роль, которую он получил как бы взамен диктатуры. Хотя диктатура эта и была магистратурой *ad tempus incertum* (лат. «на неопределенный срок»), срок ее действия после 1936 г. истек. Тем не менее до 1961 г. «государство диктатуры пролетариата (рабочего класса)» в литературе оставалось обозначением политической сущности СССР, хотя эта формула после 1936 г. стала употребляться значительно реже. С течением лет к общенародному государству привыкли. Ученые и идеологи согласились с тем, что выдвигание данного принципа в 1961 г. было в целом правильным; что

обновленную сущность (точнее, результат развития сущности) Советского социалистического государства надо было определить и утвердить четко, а предикат «общенародное» для этого вполне подходил; что в любом случае «государство диктатуры пролетариата» для названия политической сущности или природы Советского государства уже давно, во всяком случае, после Конституции 1936 г., не годилось.

Что такое всенародное государство?

В 2016–2017 гг. был опубликован проект Программы ВКП(б), составленный в 1947 г.¹, а вместе с ним и некоторые сопутствующие документы². Стало ясно, что базовые принципы и новации третьей Программы КПСС впервые были сформулированы именно в этом проекте. Главным инспиратором проекта, несомненно, был тот, кто только и мог быть таковым, – И.В. Сталин, а основное кураторство осуществлялось А.А. Ждановым³.

Нововведениями проекта 1947 г. были: всенародное государство как новое определение сущности социалистического государства; провозглашение партии как авангарда всего народа; постановка цели – построение коммунизма за 20–30 лет. Формула всенародного государства отнюдь не была чем-то совершенно новым даже к 1947 г.: впервые в советской риторике она появляется в апреле-мае 1936 г., перед опубликованием проекта новой Конституции СССР. Конструкции «партия как авангард народа» и «партия всего народа» в советской риторике были апробированы примерно в то же время и стали ротироваться после принятия Конституции 1936 г. на основе принципа партии как ядра организаций трудящихся, введенного в ст. 126. Что касается построения коммунизма за 20–30 лет, то о нем как о реальной перспективе развития советского общества стали утверждать уже на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г.: съезд констатировал, что СССР вступил «в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму»⁴.

Отдельным неординарным моментом проекта 1947 г. была его наполненность пафосом социалистической цивилизации. Этого в Программе 1961 г. оставлено не было: ее составители по неясной причине исключили упоминания о цивилизации во всех контекстах. Вполне возможно, что реалии культуры и *самоощущение* сталинской эпохи отсылали, опосредованно или напрямую, к образу и идеям Древнего Рима: высшее выражение сталинской архитектуры – Дворец Советов – ярко показывает, что из всего мирового культурного наследия, как справедливо утверждал Д.С. Хмельницкий,

¹ Первая публикация осуществлена ученым и общественно-политическим деятелем В.В. Трушковым в 2016 г. в ряде выпусков газеты «Правда».

² Более подробно см.: (Журавлев, Лазарева 2017; Трушков 2018).

³ Именно этот текст в 1958–1961 гг. был переработан под эгидой Н.С. Хрущева и под руководством Б.Н. Пономарева.

⁴ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. 1939. Москва : Госполитиздат. С. 650.

«имперским вкусам Сталина Рим оказался ближе» (Хмельницкий 2006: 92). Можно предположить, что именно эти аллюзии оказались чужды не только Хрущеву и хрущевцам, но и всему постсталинскому времени. О том, что в области культуры и особенно архитектуры СССР во многом является преемником Рима, говорили многие деятели советской культуры сталинской эпохи, например, А.В. Щусев, А.Н. Толстой и др.⁵

В.В. Трушков обращает внимание на то, что в своих воспоминаниях соратники Сталина, прежде всего, В.М. Молотов и Л.М. Каганович, наверняка хорошо осведомленные о проекте 1947 г., не оставили ни одного намека на него и на события вокруг него: они «ни разу не упомянули о том, что вопрос о третьей Программе партии, которая была принята XXII съездом КПСС в октябре 1961 года и наречена “хрущевской”, был впервые поставлен много раньше» (Трушков 2018: 36). Хотя проект 1947 г. был отправлен в архив, а разговоры о нем едва ли могли приветствоваться как при позднем Сталине, так и при Хрущеве и Брежневе, в советской политической литературе можно отыскать упоминание о нем: его сделал хорошо информированный обо всех перипетиях партийной программы Ф.М. Бурлацкий. В своей знаменитой работе «Ленин, государство, политика»⁶ он утверждал, что после войны началась работа над новым документом, и «в сохранившемся наброске этой Программы, составленном в 1947 г., уже прямо указывалось, что государство диктатуры пролетариата СССР преобразовывалось во всенародное государство» (Бурлацкий 1970: 365). Конечно, это упоминание мимолетно, оно сделано как бы вскользь, но явно не просто так. Автор, по всей видимости, очень хотел поделиться информацией и, чтобы цензура пропустила фразу, был вынужден назвать документ не проектом, а наброском, который к тому же сохранился случайно. Зачем для ученого, симпатизирующего Хрущеву и испытывающему антипатию к Сталину, было делиться этим секретом, атрибутируя инспирацию новаторской и демократичной по существу третьей Программы КПСС Сталину? Вероятнее всего, ученый хотел показать свою осведомленность и участие в перипетиях разработки (точнее, переработки) и принятия третьей Программы КПСС.

В окончательном варианте проекта Программы 1947 г. утверждается, что «диктатура пролетариата выполнила свою великую историческую

⁵ Поскольку затронута тема культуры и культурной преемственности, важно упомянуть и проблему антиномии новизны советской культуры, во многом порывающей со «старой» традицией, и ее связи с прошлым, которая как раз стала восстанавливаться начиная с 1930-х гг. в контексте «сталинского поворота», нацеленного не столько на «восстановление», сколько на специфическое использование символов и артефактов прошлых культур и цивилизаций. Рим находился в этом процессе под особым «прицелом», но в постсталинские годы отошел на второй план. В любом случае именно в 1930-е гг. был задан и в первоначальном виде сконструирован особого рода культурный код советского. Более подробно см.: (Скоробогачкая, Скоробогачкий 2020: 55-63).

⁶ Она знаменита тем, что в ней впервые в советском дискурсе в концептуальном смысле вводятся понятия западной политической науки: политическая система, политический режим, политическая культура.

миссию», и «Советское государство превратилось в подлинно всенародное государство» (цит. по: Журавлев, Лазарева 2017: 176). Сама формулировка «всенародное государство» явно отсылает к римской *res publica* и возвышенной максиме *res publica est res populi* (то есть государство как всенародное достояние); здесь не вполне отчетливо, но все же просвечиваются понятия Ж.-Ж. Руссо «народ-суверен» (*peuple souverain*) и его «общая воля» (*volonté générale*). К тому же следует заострить внимание на том, что всенародное государство не исключает, а скорее предполагает монархический принцип правления. Сталинское государство предстает именно как всенародное, причем такое, в котором единовластие не противопоставляется, а отождествляется с истинной демократией: всенародная демократия и всенародная монархия – одно и то же. Это хорошо подмечает Р.К. Баландин: «Сталин был поистине народный вождь. Он являлся гарантом *народной демократии*» (Баландин 2019: 233).

Предикат «всенародное» потенциально вбирает в себя принцип монархизма, одновременно затеняя и освещая его. Л. Фейхтвангер в своей книге о Сталине «Москва 1937», в небольшой главе «Демократический диктатор», приводит высказывание некоего таинственного филолога, якобы встреченного им: «Чего вы, собственно, хотите? – спросил меня шутливо один советский филолог... – Демократия – это господство народа, диктатура – господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?» (Фейхтвангер 1937: 46-47). В конце книги немецкий интеллигент как бы резюмирует: «Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его “умножателем” во всех отношениях» (Фейхтвангер 1937: 67)⁷. Императора Августа по многим параметрам также вполне правомерно назвать демократическим диктатором.

При любом понимании и любой концептуализации принципа всенародного государства невозможно приглушить его, как было подчеркнуто, выраженное немарксистское звучание. Невозможно также отделаться от претензий и напоминаний о борьбе Маркса и Энгельса с лассальянством, о критике Готской программы и вообще от тезиса о народном государстве, популярном в среде немецкой социал-демократии последней четверти XIX в. Отчего же составители проекта партийной программы, безусловно вдохновленные И.В. Сталиным и действующие под его ауспигиями, знавшие обо всех идейных перипетиях концепта «народное государство», пошли на риск открытого оппонирования марксистским идеям? Общую логику советских идеологов можно раскрыть таким образом: если при капитализме ни о каком народном государстве не может идти речи, то социализм, напротив, вполне позволяет и даже обязывает так ставить вопрос,

⁷ Может быть, тот факт, что Цезарь был еще филологом, автором лингвистического трактата по проблемам грамматики и происхождения языка “*De analogia*”, и наваял немецкому писателю образ филолога, поделившегося с ним столь неожиданным выводом. Вообще филология – странная любовь цезарей: в 1950 г. филологом станет и Сталин.

ибо народ более не разделен на антагонистические классы и являет собой единство, целостность. Однако классы, мало того что не ушли полностью в историю, но уходить с исторической сцены в обозримой перспективе не собирались, – как же можно вести речь о всенародности? Более того, пролетариат был не просто классом, а диктатором, определяющим всю политику и своими силами сообщающий единство трудящимся массам, то есть был тем, кого принято именовать сувереном. Если переставить на место суверена народ, то старого суверена (диктатора) необходимо сместить. Простого объявления о выполнении диктатурой исторической миссии и внезапной констатации прекращения полномочий тут недостаточно: необходимы обоснование и техничная подводка. Поэтому сам факт введения в 1947 г. в текст проекта высшего партийного документа термина «всенародное государство» обязывает предположить, что этому предшествовала какая-то большая и сложная история. Именно так оно и было.

По мере развития социалистического строительства перед советскими теоретиками во главе со Сталиным встал ряд задач, которые не могли быть решены в рамках марксизма-ленинизма. Каким образом на основе марксизма классиков (или, как говорят, «исторического марксизма») в его развитии В.И. Лениным построить теорию социалистического государства, притом что диктатура пролетариата как принцип не подходит для решения задач государственного «теоретического строительства»? Как в концепцию социалистического государства, по природе демократического, «вписать» партию? Понятно, что у Маркса и Энгельса были только общие идеи, касающиеся в основном вопросов историософского плана; Ленину пришлось решать проблемы теоретического конструирования собственно государства, которое должно вписываться в интернационалистическую парадигму марксизма и при этом иметь вид именно государства, со всеми признаками, функциями и целями такового, а также с особым образом развитым принципом демократизма. Ленин вводит термин «социалистическое государство» и намечает теоретические контуры, но ему не было суждено довести эту работу до конца.

Следует кратко отметить проблему возможности конструирования социалистического государства при аксиоматичном признании сохранения его классовой природы вплоть до коммунизма. Поскольку смысл социалистического государства, его сущность состоит вовсе не в классовости, а в демократизме, крайне сложно осуществлять действительное развитие теории государства при социализме, оставаясь в плену классового подхода, несущего теоретикам трудности при его применении к теории социализма. Эти трудности легко увидеть, если вспомнить о концепте социалистических классов и проблеме классового единства советского общества. Сталинская мысль не могла прямо заявлять о «классовом единстве» (само словосочетание в марксистской парадигме невозможно) хотя бы и неантагонистических классов (только об общности интересов, дружественности и т.п.) и была вынуждена прибегать к нетривиальным (и, конечно, немарксистским) способам конструирования единства общества, народа (трудящихся) и государства. Постсталинская

мысль могла действовать более смело и решительно, но и она не вышла из плена классового подхода.

Также следует поставить вопрос, зачем, собственно, было необходимо сохранять верность марксизму? Почему бы не отбросить марксизм (разумеется, плавно, поэтапно) и не связать идею всенародного государства с теми идеями и мыслителями, с которыми она и должна быть связана? Тут не следует соблазняться простыми ответами. Обычно дело сводится к невозможности иначе чем только в марксистской парадигме легитимизировать обобществление частной собственности, социалистическое переустройство общества и власть правящей партии. Но дело было не только в этом: *ни одна* идейная система, кроме марксистской, не могла предложить концептуальную схему, отражающую и как минимум риторически разрешающую основное противоречие СССР – противоречие и диалектическое единство Советского государства и советской сверхдержавы (или, на старый манер, империи) в лице единого Советского Союза.

СССР был историческим наследником и продолжателем Российской империи, но он выстраивался на совершенно иных *идейных* основаниях (а империй, которые были бы лишены идейного фундамента, идеологического базиса, не существует). Не прибегая к мессианскому принципу пролетарского интернационализма, *идейные строители* СССР не могли конструировать новое сверхгосударство именно как СССР, союз социалистических по природе государств, – потенциально общемировой, если не *всеисторический* союз, прообраз грядущего всемирного коммунистического бесклассового и безгосударственного общества. Однако, не прибегая к категориям «народ», «государство», «суверенитет», невозможно осуществлять теоретическое строительство любого государства, хоть социалистического, хоть потенциально отмирающего. Каким иным образом государство может предстать перед народом, как оно может развернуть собственную философию – философию государства, то есть, в общем ключе, *государственную идеологию*? Речь идет о том, что Г. Моска называл *formula politica* («политическая формула») – нечто вроде доверительной исповеди-проповеди власти перед народом, разъясняющей ему, *что* она, власть, ему предлагает, и почему ей можно и нужно доверять. Такое саморазъяснение должно быть убедительным, оно не может опираться исключительно на вне- или наднациональные концепты и принципы интернационализма, единства всех трудящихся мира под эгидой субстанциально единого мирового пролетариата. Очевидно, что идейный комплекс «мировой пролетариат – мировая пролетарская революция» не имеет отношения к любому конкретному государству, между тем это государство строится, и строит его конкретный народ. Для СССР как государства подходила схема: советский народ – Советское государство – компартия Советского Союза, то есть государственная партия – вождь Советского государства. Всенародное государство при этом – удачная и понятная, в должной мере эластичная *formula politica*, в которой национальные (народ-суверен и т.п.) и интернациональные (братство всех народов, общность всех трудящихся) мотивы находятся, с определенными оговорками, в равновесии.

Государство, в свою очередь, может быть названо и всенародным, и классовым, и пролетарским, и руссоцентричным, и каким угодно иным (хоть монархическим); для империи же, подчеркнем еще раз, требуется «мессианское оформление», апелляция к неким универсальным историко-софским целям и принципам, имеющим авторитетные источники: «священные» книги, великие мыслители и деятели. Ничего, кроме марксизма с его классовой борьбой, пролетарским интернационализмом (или пролетарским глобализмом), найти было нельзя. Для СССР как для коммунистического сверхгосударства, центра мирового коммунизма подходила схема: массы (трудящиеся) – пролетариат (авангард трудящихся) – пролетарская партия («боевой штаб» пролетариата) – государство диктатуры пролетариата, не предполагающее фиксированных границ. Пролетарский интернационализм, всемирная социалистическая революция и грядущее всечеловеческое царство коммунизма – вот мессианская, универсальная идея, которая была в распоряжении у советских идеологов. Ко всему прочему, риторика пролетарского братства отлично себя проявила в строительстве собственно СССР как многонационального государства.

Однако и принцип всенародного государства (без жесткой акцентуации государствообразующего народа) имел международное значение – во взаимодействии и с капиталистическим миром («недиктаторская» репрезентация СССР⁸), и с социалистическими странами. Это особенно отчетливо проявилось как раз к середине 1940-х гг., когда стали вполне ясны перспективы и контуры геополитической архитектуры, каркасом которой должна стать (и стала) биполярная система с двумя противостоящими полюсами – квазиимперскими центрами, или сверхдержавами. Ясно, что в таком раскладе диктатура пролетариата, в смысл которой была включена необходимость расширения, «не работала». Точнее, «не работала» она давно, и к этому времени была почти выведена из советской риторики, особенно из той ее части, которая касалась международных отношений. Социалистический блок должен получить, и постепенно получал, новые основания, новый (точнее, перестроенный) теоретический фундамент: сотрудничество народов и государств на основе совместного строительства социализма, социалистическое содружество без отрицания национальной идентичности и суверенности стран содружества. Интернационализм сохранялся, но приобретал все более служебную роль, становясь риторическим флером установления кольца дружественных стран вокруг метрополии. Однако без универсалистской, историософской риторики строительство мировой системы социализма

⁸ Сложно, в самом деле, устанавливать отношения с Западом, представляясь диктаторским государством: едва ли капиталисты всерьез воспримут ленинские слова о том, что диктатура пролетариата в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики. Поэтому для Сталина, по словам А.В. Елисеева, «не очень удобным было и говорить о диктатуре. Ведь диктатура – это власть, особо не связанная никакими законами. А Сталин хотел, чтобы создаваемая им государственно-политическая система основывалась на твердой правовой базе, которая выглядела бы лучше, чем выглядела таковая на Западе» (Елисеев 2018: 142-143).

было невозможно. При этом принцип всенародного государства, при всем контрасте с принципами интернационализма и классовой солидарности, не входил с ними в неразрешимое (хотя бы риторически) противоречие.

Таким образом, новое определение сущности Советского государства было бы понятным и приемлемым в новой геополитической реальности второй половины 1940-х гг. При этом в продолжение линии сталинского «консервативного поворота» 1930-х гг. партиецентризм сменялся народо- и государствоцентризмом, притом что сама партия становилась (все) народной и «государственной». Мировой пролетариат переставал быть референцией риторики и тем более советской идеологии. Он перемещался одновременно в прошлое и будущее, в очень отдаленное будущее. Как видно, всенародное государство – очень уместный и своевременный термин. Несмотря на все это, Сталин не дал хода проекту новой программы, и это остается совершенно непонятным, учитывая тот факт, что «всенародное государство» было «изобретено» отнюдь не в 1947 г. Постепенное приближение к этому принципу велось советской политической мыслью (при инспирации Сталина) как теоретическое квазимарксистское сопровождение «сталинского поворота» 1930-х гг. В сфере теории государства этот поворот («великое отступление», по Н.С. Тимашеву, или «сталинский термидор», в критической оценке Л.Д. Троцкого) проводился наступательными методами, в борьбе за преобразование («преображение») и в итоге преодоление («снятие») марксизма, но с помощью марксизма же, с использованием марксистской терминологии. При этом «постепенный взрыв» марксизма подавался, разумеется, как его диалектическое развитие. Теория корректировалась нужным (Сталину) образом, но это презентовалось как нечто вроде ее саморазвития в рамках логики «творческого марксизма». Как же это происходило?

**Марксизм – это не догма:
как с помощью марксизма построить всенародное государство**

В марте 1936 г. в интервью Р. Говарду, помимо тезиса о возможности мирного сосуществования американской и советской политических систем и опровержения обвинений в экспорте революции, Сталин предложил неординарное объяснение того факта, что в СССР существует одна правящая партия. Если исходить из признания его государством диктатуры пролетариата, то обосновывать «принципат» ВКП(б) как авангарда пролетариата особой нужды не было. Но у Сталина была иная цель, поэтому предложенное им обоснование иное: «Наше общество состоит исключительно из свободных тружеников города и деревни – рабочих, крестьян, интеллигенции. <...> Но коль скоро нет классов, коль скоро грани между классами стираются, коль скоро остается лишь некоторая, но не коренная разница между различными прослойками социалистического общества, не может быть питательной почвы для создания борющихся между собой партий. Где нет нескольких классов, не может быть нескольких партий, ибо партия есть часть класса» (Сталин 1997: 111). Итак, «нет классов», но при этом «грани между

классами стираются», и в остатке – «не коренная разница между прослойками». Такое описание ситуации, новый «неклассовый анализ», представляет собой в высшей степени интересный разворот мысли от классового принципа в сторону нового принципа бесклассовой организации социалистического общества.

С.Н. Магнитов и О.А. Матвейчев по этому поводу пишут: «Сталинский перемонтаж марксизма носил фронтально-казуистический характер, о чем свидетельствует жесткая полемика с троцкизмом, который совершенно справедливо таранил Сталина простыми вопросами именно в духе марксизма: *а если партия одна, она совмещена с государством, то зачем тогда партия вообще, зачем дублер?* Не значит ли это, что партия теряет признаки партии и становится чем-то другим? <...> *Зачем даже одна партия, если классы отсутствуют?*» (Магнитов, Матвейчев 2023: 393). В самом деле, противоречия сталинского дискурса не укрылись от Л.Д. Троцкого, и он сделал вывод, что из рассуждения Сталина «вытекает не то, что в СССР не может быть разных партий, а то, что там не может быть ни одной партии: ибо где нет классов, там вообще нет места для политики» (Троцкий 2024: 303). Суть же рассуждения Сталина от Троцкого укрылась: оно состоит в том, что пролетарская партия («часть класса») становится государственной, то есть частью государственной конструкции (определенно «несущей»), и, исходя из этого, потенциально общеклассовой, то есть всенародной. Определение «партия» является изначально некорректным для обозначения этой ведущей силы Советского государства, но сохраняет свою объяснительную силу и историческую убедительность. Конечно, подобных экспликаций Сталин не делает и подобных выводов прямо не формулирует, а недостатки логики прикрываются (не слишком успешно) риторикой.

Откуда взялось понятие «всенародное государство»? Известно, что в 1926 г. М.И. Калинин обмолвился об общенародном государстве⁹, но до 1936 г. это был единственный случай такого рода. Дело, понятно, не столько в самом словосочетании, сколько в контексте, целях его применения. Ведь и словосочетание *res publica* бытовало до того, как было концептуализировано Цицероном, однако только после этой логико-политической операции оно стало частью широкой политико-теоретической панорамы. Как Цицерон в идеологических целях сконструировал новое обозначение для римской общины, *civitas*, так и сталинские идеологи – «коллективный Цицерон» – при концептуализации нового термина преследовали идеологические и пропагандистские цели. Термин «всенародное государство» был одновременно брошен в советскую политическую мысль в апрельско-майских публикациях 1936 г. Они принадлежали весьма статусным авторам, среди которых Н.А. Вознесенский, М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, А.Я. Вышинский, Е.Б. Пашуканис, А.И. Стецкий, В.Г. Кнорин и др.

⁹ Он писал, что «пролетарское государство будет превращаться постепенно... в государство общенародное, имеющее уже новый смысл и содержание (устремление к коммунизму)» (Калинин 1975: 128).

Из всех текстов апреля-мая 1936 г. возьмем тот, в котором дается самая развернутая и обоснованная концептуализация всенародного государства. Это статья М.Б. Митина «О ликвидации классов в СССР и о социалистическом, всенародном государстве». Автор, основываясь на сталинском пассаже о классах из интервью Р. Говарду, рисует картину социально-политической динамики советского общества: «От классового общества – к социалистическому обществу, состоящему из тружеников города и деревни, из различных прослоек социалистического общества: рабочих, крестьян, интеллигенции, – таков грандиозный путь, проделанный нашей страной под руководством коммунистической партии» (Митин 1936: 5). Социалистическое общество, если судить по этому пассажи, рисуется как *неклассовое*. Отсюда и новая конструкция партии: она представляется одновременно подлинно пролетарской и подлинно народной. «Большевистская партия – подлинно пролетарская партия. И в то же время большевистская партия всегда боролась и отстаивала действительные интересы большинства народа. В настоящее время... наша партия выступает единственной и подлинно народной партией» (Митин 1936: 8). Равным образом и государство: «Новая Советская конституция... будет первой в мире конституцией *социалистического общества*, конституцией *социалистического, всенародного государства*. <...> Наше социалистическое государство является единственным и подлинно народным государством» (Митин 1936: 14). Итак, общество неклассовое, партия народная, государство всенародное. Такова логика этого текста сталинского идеолога.

М.Б. Митин, как и другие теоретики всенародного государства апреля-мая 1936 г., действующие под эгидой Сталина, рисуют картину превращения советского общества в общество свободных тружеников, государство которых, в целом являющих собой единый народ, не может быть никаким иным, кроме как всенародным. Но что делать с диктатурой пролетариата? Для ее устранения, утилизации Сталину необходимо было перестроить (незаметно, соблюдая теоретическую корректность) весь марксистский каркас. Поэтому пролетариат для начала растворяется в более общем понятии «трудящиеся», которое является временным субститутом для понятия «народ». Одновременно проводится и «возвышение» народа в виде концептуального усиления Советов. Эти две одновременных операции приводят к результатам, представленным в Конституции 1936 г., где трудящиеся становятся обладателем, источником и основой власти, а диктатура пролетариата при этом перемещается в прошлое, становясь ценным достоянием истории, утратившим, впрочем, актуальность. Противоречива вся конструкция иерархии власти: СССР является, как и в тексте Конституции РСФСР 1925 г., «социалистическим государством рабочих и крестьян» (ст. 1)¹⁰; но теперь,

¹⁰ Следует особо оговорить, что понятие «социалистическое государство рабочих и крестьян» до Конституции 1936 г. не имело общесоюзного значения, как, впрочем, и того теоретического смысла, который был придан термину в этой Конституции. В конституциях союзных республик, принятых на основании Конституции СССР 1924 г., большинство республик определялись как социалистические государства рабочих и крестьян; но не все: Белорусская ССР определялась как *социалистическое государство диктатуры пролетариата*.

в 1936 г., «вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся» (ст. 3); эти Советы, «выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата», составляют «политическую основу СССР» (ст. 2).

Казалось бы, первая статья вставлена исключительно для подчеркивания классового состава и никакого другого смысла не несет, поскольку рабочие и крестьяне (имплицитно и интеллигенция) сливаются в едином отряде трудящихся. Однако сложно не заметить, что диктатура пролетариата утилизирована уже в этой статье: формулировка «государство рабочих и крестьян», усиленная специальным квазисинонимичным уточнением «трудящиеся города и деревни», ставит диктатуру под сомнение. Рабочие и крестьяне на равных выступают как *personae* власти, между ними не прописаны отношения подчинения, одна персона власти не превосходит вторую¹¹. В ст. 2 и 3 они сливаются в единый властвующий субъект – трудящиеся. «Власть трудящихся» – это совсем не то же самое, что диктатура пролетариата, которая в ст. 2 как бы уводится в прошлое, смещается из центра дискурса на периферию; превращается в некое средство для укрепления Советов. Трудно представить, какие мучения пришлось претерпеть составителям Конституции, в том числе и главному – Сталину, чтобы, оставив диктатуру пролетариата, при этом избавиться от нее. В итоге получились, как в афоризме Наполеона, коротко и неясно. Нет сомнений, что цель была именно такой: социалистическое государство – уже не и одновременно все еще диктатура рабочего класса.

Современница событий, советская писательница, на тот момент политик М.С. Шагинян в том же 1936 г. делилась своими впечатлениями: «Некоторых читателей смущают три первых статьи первой главы Конституции. В первой статье – у нас государство *рабочих и крестьян*, во второй – у нас советы депутатов *трудящихся*, в третьей – вся власть у нас принадлежит *трудящимся города и деревни*. Некоторые воспринимают это как разночтение и предлагают всюду ставить одно определение: “трудящиеся”. Лично мне кажется, что эти обозначения поставлены не зря, что они дают историческую функцию развития нашего населения, и менять их сейчас – значит лишить Конституцию историчности, уничтожить память о социальном происхождении первого в мире социалистического государства» (Шагинян 1936: 90-91). Объяснение довольно-таки сомнительное: зачем вообще было вводить в Конституцию «историчность»; и каким образом внесение ясности в фундаментальные положения Конституции может «уничтожить память о социальном происхождении первого в мире социалистического государства»? В.М. Молотов в интервью Ф.И. Чуеву будет говорить, что «если вчитаться в нашу Конституцию, Сталин там немного заложил против дик-

¹¹ Многие идеологи более поздних лет (например, тот же Ф.М. Бурлацкий) акцентировали этот момент, утверждая, что СССР, преобразовавшись из государства рабочего класса в государство рабочих и крестьян, является государством двух классов, а не одного пролетариата, то есть, иными словами, не является диктатурой.

татуры пролетариата. <...> Там примерно сказано так, что наша Советская власть родилась в 1917 году как диктатура пролетариата и стала властью всех трудящихся. Уже “всех трудящихся”. <...> По-моему, это в завуалированном виде пересмотр: не диктатура пролетариата, а власть трудящихся» (Чуев 2000: 354). Однако именно в докладе В.М. Молотова на XVII конференции ВКП(б) в 1932 г. закладываются основы теоретического поворота в сторону элиминации классов вообще, пролетариата (и его диктатуры) в частности. XVII конференция открывает бурный поток риторики бесклассового общества, ликвидации «классов вообще».

В докладе «О второй пятилетке» В.М. Молотов заостряет внимание на политической установке, выраженной в тезисе о том, что «основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще... превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества». Докладчик акцентирует именно ликвидацию классов вообще, выдвигая достаточно спорное основание, суть которого в том, что «полная ликвидация капиталистических элементов и полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, означает тем самым и ликвидацию классов вообще». Но если «полностью ликвидированы источники классовых различий», то, задает риторический вопрос Молотов, «о каких же классах можно тогда говорить? Тогда и о классах в собственном смысле слова уже говорить нельзя»¹². Такова молотовская квазимарксистская эквилибристика, придуманная явно не им самим: термин-оксюморон «бесклассовое социалистическое общество» встречается у Сталина уже в 1927 г.¹³ Смысл попытки введения в теорию термина «бесклассовое социалистическое общество» ясен: подвести теоретическую базу под всенародное государство без риска чрезмерно широко оперировать термином «дружественные (социалистические) классы» или, как выше было замечено, прибегать к рискованной формуле классового единства (хоть и при социализме).

Если следовать марксистским канонам, то «бесклассовое социалистическое общество» – конструкция невысказанная, но речь идет как раз о «деконструкции» марксизма в его классическом виде. Марксизм-ленинизм настаивает на одновременности протекания довольно-таки длительных процессов исчезновения классов и «отмирания», «засыпания», «снятия» государства. В сущности, это один процесс. Молотов, однако, ввиду наличия внешнего враждебного капиталистического окружения, «рассогласовывает», «разводит» эти тенденции: «Ставя задачу ликвидации классов во втором пятилетии, мы еще ни в каком случае не можем и не должны ставить вопроса о ненужности или об отмирании государства. Напротив.

¹² XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет. 1932. Москва : Партиздат. С. 143.

¹³ Заметим, что тенденция насыщать первую фазу коммунизма концептами второй наблюдается и в эпоху позднего СССР, когда была создана концепция *социалистического самоуправления народа* (впрочем, получить развитие она не успела).

На данной стадии дело еще идет об укреплении пролетарского государства, об усилении его мощи»¹⁴. Логика государственного мышления советских теоретиков ясна: марксизм-ленинизм, понимаемый как совокупность теорий и концепций Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, может говорить что угодно и о чем угодно (даже об отмирании государства); но марксизм-ленинизм, понимаемый как советская государственная теория и идеология, советский «государственный марксизм», может говорить только то, что он должен говорить в данный момент. Примерно в то время «включается» риторика обострения классовой борьбы и, соответственно, усиления диктатуры пролетариата, но не теряет силы и риторика бесклассового общества, становящаяся постепенно достаточно неуместной: можно ли в ближайшей перспективе вести речь об обществе без классов, а значит, и без пролетариата, притом что он усиливает свою диктатуру и обостряет свою классовую борьбу? Читая литературу тех лет, нетрудно заметить, что для идеологов концепт «бесклассовое социалистическое общество» был головоломкой и объектом преодоления. В самом деле, им сложно было на деле принимать тезис о ликвидации «классов вообще» к окончанию второй пятилетки, то есть во всяком случае к концу 1930-х гг. В итоге сталинские идеологи пришли к выводу, что диалектика уничтожения классов состоит в усилении классовой борьбы и укреплении диктатуры пролетариата.

В 1936 г. в докладе «О проекте Конституции Союза ССР» Сталин официально, *ex cathedra* переименовывает пролетариат в рабочий класс, а диктатуру пролетариата – в диктатуру рабочего класса (несколько позже и государство диктатуры пролетариата будет звучать как государство диктатуры рабочего класса). Словесная замена – не пролетариат, а рабочий класс – была принципиальна для Сталина: такое акцентирование, равно как и вся риторика «новых классов», показывает, что советская политическая мысль вполне готова к восприятию того, что классов больше не существует, поскольку они, сливаясь, преобразуются в нечто иное, разумеется, менее марксистское. Л.Д. Троцкий, говоря о пролетариате, возмущался, что новая Конституция «хочет растворить его политически в нации, задолго до того, как он растворится анатомически в обществе» (Троцкий 2024: 296). Как было показано при анализе первых трех статей Конституции, диктатура рабочего класса была устранена из *конструкции* государства, от нее осталась только риторика. Но эта риторика была настолько мощной, что даже при всех сталинских «теоретических ударах» диктатура оставалась определяющей составной частью советского политического дискурса.

На XVIII съезде ВКП(б) Сталин представил две фазы новой периодизации истории СССР и подвел итог: «...Мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы»¹⁵. Представляет ли это совершенно новое государство все еще диктатуру рабочего класса, не уточняется. Сталин упорно избега-

¹⁴ XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчет. С. 145.

¹⁵ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. С. 35.

ет риторики диктатуры, и остается вопрос, как она может быть размещена относительно двух новосконструированных фаз: осталась ли в первой или имеет силу и во второй. Впрочем, избегает Сталин и риторики бесклассового общества.

Официально достоянием истории диктатура не становится, и рабочий класс вплоть до XXII съезда КПСС остается при своем странном положении «полудиктатора». Риторика же народа и подлинного народовластия, партии подлинного народа становится все сильнее, причем эти риторические линии совмещаются, совпадают. К примеру, А.Я. Вышинский в тексте 1942 г. подчеркивает, что «как государство пролетарской диктатуры, Советское государство является подлинно народным государством. Это его первая и основная особенность» (Вышинский 1949: 246). В учебнике по советскому государственному праву 1938 г. под его редакцией¹⁶ Советское государство называется «пролетарской диктатурой советов депутатов трудящихся» (Вышинский 1938: 155). Создается двойственное впечатление: с одной стороны, диктатура пролетариата сохраняет силу; и мало того что остается актуальной сущностью Советского государства, так еще и постоянно усиливается. Однако одновременно проводится риторика подлинного народовластия и суверенитета народа в лице Советов. К примеру, авторы учебника, с одной стороны, утверждают, что «диктатура рабочего класса крепнет и будет в дальнейшем крепнуть в еще большей мере» (Вышинский 1938: 152); с другой – следующая фраза прочитывается как констатация исполнения диктатурой своей миссии: «Успешное развитие диктатуры рабочего класса, и только оно, могло сделать и сделало исторической реальностью подлинный народный суверенитет. Советы, таким образом, это единственная государственная форма, в которой может быть осуществлен народный суверенитет» (Вышинский 1938: 161). Остается загадкой, ушла диктатура в историю или же нет. Понятно, что в риторике диктатура пролетариата прочно связалась с государством, настолько прочно, что советская мысль не рискует объявить *abdicatio dictaturae* (лат. «отказ от диктатуры»), которое может быть воспринято в смысле утраты государством своих экстраординарных полномочий, диктаторского империума. Поэтому государство диктатуры пролетариата (или рабочего класса) как бы фиксируется в своем становлении ко всенародному государству, но необходимого усилия для «прыжка» от первого ко второму не совершает.

Бесклассовое общество в марксизме – это общество коммунистическое. Если в теории элиминировать классы, продвигая и усиливая риторику бесклассового общества и вместе с тем признавая, что «классовые различия полностью еще не преодолены», то необходимым шагом и выходом из этой запутанной ситуации будет объявление перехода к построению коммунизма. На XVIII съезде Сталин так и поступил, объявив о «постепенном переходе от социализма к коммунизму». Согласно классикам марксизма, государство при коммунизме помыслено быть не может. Сталин, не

¹⁶ Первый учебник по советскому государственному праву, выпущенный на 21-м году существования СССР.

смущаясь, провозгласил, что государство сохранится и при коммунизме (разумеется, обставив этот тезис определенными условиями, не имеющими при столь сильном допущении уже особого значения для теории). Но *какое государство* сохранится в СССР при коммунизме? Надо полагать, это не государство диктатуры пролетариата. Ясно, что лучшим решением было бы провозглашение всенародного государства, ведь для государства при коммунизме такое обозначение было бы оптимальным (конечно, к марксизму это не могло иметь уже в принципе никакого отношения). Интересно, что решение об изменении Программы партии было принято в 1930 г. на XVI съезде, но не было проведено в жизнь. XVIII съезд избрал комиссию по переработке документа и обязал ее представить на ближайший съезд партии новый проект. В комиссию под председательством Сталина вошли многие деятели партии, сыгравшие заметную роль в советской истории: М.Б. Митин, Н.А. Вознесенский, А.Я. Вышинский, А.А. Жданов, М.И. Калинин, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Н.С. Хрущев, П.Н. Поспелов.

Итак, государство в сталинской политической мысли сохраняется в любой перспективе и при любом раскладе. Но в этом случае сохраняется и партия. Партия в марксизме (и не только в нем) – часть класса. Но коль скоро «нет классов» (или их «почти нет», или они «еще классы», но находятся «на пути к исчезновению»), как переконструировать в новой системе большевистскую партию, партию рабочего класса? «Партия всего народа» без «государства всего народа» – конструкция сомнительная, и ее апробация не могла быть настойчивой. Идеологи сталинской эпохи уже до XVIII съезда предложили новый способ концептуализации единства народа. Поскольку классы уходят в «фоновый режим», остается существенное и как бы естественное разделение в едином народе на партийных и беспартийных. Однако и это различие подлежало стиранию, для чего после принятия Конституции в процессе первых выборов депутатов в 1937 г. в Верховный Совет СССР в советскую общественную жизнь и мысль вводится и апробируется на практике новый концепт, связанный с оригинальной репрезентацией единства партии и народа, – «блок коммунистов и беспартийных». Он выстраивается на новой интерпретации структуры советского общества, которая более не базируется на классовом делении, превращающемся в малосущественное обстоятельство. Советское общество в этом новом ключе предстает более единым, чем даже общество с дружественными классами. «Блок коммунистов и беспартийных» является новым способом концептуализации целостности народа. Этот блок, по словам М.И. Калинина, «по существу объединяет весь советский народ, поскольку у нас отсутствуют антагонистические классы с их непримиримыми противоречиями» (Калинин 1975: 434).

Заключение

Удалось ли Сталину и советским идеологам решить проблему теоретического создания и обоснования социалистического государства как государства, с одной стороны, имеющего мессианские цели, с другой – постро-

енного по классическим принципам единства народа и государства? И да и нет. Ключ был найден – это принцип всенародного государства. Но он по неясным причинам в сталинское время не был использован – ни в 1936 г., ни в 1947 г. В последние сталинские годы можно с некоторой натяжкой констатировать попытку вновь подвести общественную мысль к возможности введения всенародного государства. Речь идет о работе «Марксизм и вопросы языкознания» (Сталин 1950), где подвергнут некоторому сомнению принцип классовости¹⁷. Однако классы были сохранены – и не просто сохранены, но стали фундаментальной основой социалистического общества, что было прочно утверждено в «Экономических проблемах социализма в СССР» (Сталин 1952). Понятно, что всенародное государство классового общества – именно так представлялось оно в проекте Программы партии 1947 г. – было идеей не до конца логичной, хотя и вполне приемлемой. Программе 1961 г. попросту не хватало авторитета: будь она сталинской, а не «хрущевской», никаких критических замечаний к ней никто не предъявил бы. Трудями ученых и идеологов конструкция общенародного государства классового общества была принята и в дальнейшем достаточно неплохо прижилась в советской общественно-политической мысли. Более того, была дополнена новым положением о развитом социалистическом обществе, опять-таки неизменно классовом.

Одновременно прав и не прав советский литературовед Д.М. Молдавский, когда говорил, что «люди тридцатых годов подчинили себе философские категории» (Молдавский 1984: 15). Идеологи подчиняли категории, но категории подчиняли идеологов. Сложно сказать, кто в итоге оказался сильнее. Получилось ли у Сталина снизить значимость принципа диктатуры пролетариата как сущности социалистического государства? Для ответа на этот вопрос нет смысла обращаться к советской политической литературе как сталинского, как и постсталинского периодов. А вот в произведениях зарубежной оппозиции такой ответ найти можно. Речь идет скорее об оценке сталинской риторики, и ее направленность к утилизации диктатуры пролетариата прочитывалась весьма явно. Л.Д. Троцкий выносит однозначный вердикт: «Где нет капиталистов, там нет и пролетариата, разъясняют творцы новой конституции, а следовательно и самое государство из пролетарского становится народным. <...> Дело идет, короче говоря, о юридической ликвидации диктатуры пролетариата» (Троцкий 2024: 295). Другой оппозиционер – один из авторов «Социалистического вестника» П.А. Гарви – в статье по мотивам обсуждения проекта новой Конституции пишет: «Сдавая в архив, в институт Маркса-Энгельса-Ленина, диктатуру пролетариата, как сделавшую свое историческое дело, Сталин, вдохновитель новой конституции, мотивирует переход к всенародной демократии торжеством социализма в Сов. России» (Гарви 1936: 5). Понятно, что критик Сталина не может поверить в искренность намерений вождя, однако его лексика и терминология в стиле *res publica restituta* говорят несколько больше, чем его анализ: «У нас нет пока оснований поверить в чудо самоупразднения

¹⁷ Более подробно см.: (Никандров 2023).

диктатуры, по выполнении своей исторической миссии насаждения социализма возвращающей народу временно отнятый у него – для его же пользы – суверенитет» (Гарви 1936: 5).

Можно ли было изменить, нивелировать классовый принцип, деактуализировать классовый подход? Точнее, было ли у советских теоретиков во главе со Сталиным желание сделать это? Очевидно, что было. Иначе к чему тогда концепт бесклассового социалистического общества, не очень удачно апробированный на XVII конференции и довольно нелогичным образом отброшенный после XVIII съезда ВКП(б) (если государство движется к коммунизму, то его бесклассовость должна повышаться). Очевидно также, что на марксистском фундаменте, риторически его преобразуя, построить теорию социалистического государства без классов в принципе можно, но, по всей видимости, советские теоретики и идеологи увидели в этом опасность слишком далеко отойти от марксизма. Отсюда и достаточно спорное положение о дружественных классах, и развивающие его тезисы о стирании, падении граней между классами, и невнятная поздняя полемика о диалектике сближения и слияния классов. Как бы там ни было, именно в сталинское время было разработано авторитетное и фундаментальное учение о всенародном государстве при сохранении классовости общества, которое стало основой всего дальнейшего развития теории социалистического государства в СССР, «концептуальным мотором» советской политической теории и идеологии, главный вектор развития которых – народовластие – проявлялся начиная от принципа самодержавия народа из первой Программы РСДРП 1903 г. до уже упомянутого позднесоветского концепта социалистического самоуправления народа.

Насколько вся эта история интересна для нашего времени, и в чем может состоять ее актуальность? В современной российской политике не первый год идет процесс, который очень сильно напоминает «сталинский поворот», или поворот от интернационализма к советскому этатизму, державности, – консервативный поворот, который осуществлялся в 1930-е гг. Как писал автор книги воспоминаний о советской эпохе И.Д. Шабалин, это был «поворот политики ожидания Мирового Октября и его подготовки к политике Абсолютного Государства» (Шабалин 1998: 45). Однако при всем этом марксизм с его интернациональным пролетарским пафосом был не отброшен, а вписан в новые схемы, перелит в «новые меха», ибо, как резюмирует И.Д. Шабалин, «марксизм и имперское мышление не противоречили друг другу» (Шабалин 1998: 149). Конечно, пафос единого государства был важнее; это показывает, к примеру, 1947 г., когда было широко отпраздновано 800-летие Москвы, на фоне которого совершенно затерялся другой, по идее, куда как более значимый юбилей – 30-летие Октября. Более того, в знаменитом сталинском «Приветствии Москве», конкретнее, в части этого текста, касающейся истории Москвы, революционные мотивы не отразились вовсе. По словам А.Л. Махнырева, в сталинском приветствии «не упоминаются революционные заслуги Москвы в 1905 и 1917 г. Это свидетельствует о том, что для Сталина была актуальнее идеологическая линия, связанная с сильной государственностью, вертикалью власти

(Москва как безусловный политический центр), объединяющей общество, чем революционные страницы истории; на первый план для него выходили национально-патриотические сюжеты из отечественной истории, а не сюжеты из истории классовой борьбы» (Махнырев 2023: 99).

Эпизод с 800-летием Москвы свидетельствует не только о важности этатистских мотивов (в чем сомнений нет), но и о том, что Сталину необходимо было лавировать между государствоцентризмом и универсализмом (интернационализмом), соблюдая определенные риторические приемы и правила. Примерно такая же проблема встала в свое время и перед императором Августом, с которым нередко отождествляли Сталина (Л. Фейхтвангер, Р. Роллан). Как пишет Я.Ю. Межерицкий, «для установления прочного мира *требовалась общенациональная идея*, которая объединила бы римское гражданство. Следовало найти решение, не скомпрометированное прошлыми спекуляциями, простое и понятное. Для этого недостаточно было владеть искусством интриги и даже незаурядной политической интуицией. Чтобы учредить стабильный государственный строй, требовалось прежде всего понимать тончайшие нюансы римского политического сознания. <...> В огне гражданских войн испытывались на совместимость, сталкиваясь и мутируя, различные идеи. Так рождалась идеология “восстановления республики”, которая не противоречила бы необходимости централизации Империи» (Межерицкий 2016: 200-201).

Сегодня наша страна испытывает потребность в обретении новой этатистской идеологии, некоей нормативной системы, и обстоятельства во многом аналогичны ситуации 1930-х гг. Российское государство осуществляет поворот к той же цели (суверенное государство с высокой патетикой величия), но от другой точки: не от пролетарского интернационализма, а от глобализма и неолиберализма. Но смысл примерно тот же: отказ от целей, ценностей и установок, в которых государство рассматривается как средство. Очевидно, что государство не может не противиться попыткам вменить ему цели, чуждые по его исторической природе; навязать действия, противоречащие его природе. Само государство не должно служить надгосударственным, наднародным идеалам, которые противоречат его исторической природе, будь то интересы мировой революции или потребности западного глобализма и американской гегемонии.

Конечно, государство может заявлять о готовности служить неким вневременным, историософским целям и иногда проявлять даже решимость всерьез им следовать, но эти цели должны соответствовать соприродным для него идеалам, принимаемым народом, а не навязываемым извне. Совершенно логично и естественно при этом обращение к истории, и изо всех уроков советского (и не только) строительства идеологии самый важный состоит в том, что при всем превознесении своей уникальности не следует забывать и об *универсалиях*, то есть об общекультурных, общецивилизационных принципах и константах мировой истории, культуры, цивилизации. Поскольку Россия имеет фундаментальный характер сверхдержавы, то ясно, что ее идеология не может базироваться исключительно на национальных мотивах, но должна представлять собой слияние

своеобразного и уникального, универсального и общеисторического (ценности современного глобализма и неолиберализма таковыми не являются). В этом и состоит один из важнейших уроков истории идеологии СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баландин Р.К. 2019. Последний год Сталина. Москва : Вече. 416 с.
- Бурлацкий Ф.М. 1963. Государство и коммунизм. Москва : Соцэкгиз. 248 с.
- Бурлацкий Ф.М. 1970. Ленин, государство, политика. Москва : Наука. 526 с.
- Вышинский А.Я. (ред.) 1938. Советское государственное право. Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР. 652 с.
- Вышинский А.Я. 1949. Вопросы теории государства и права. Москва : Госюриздат. 424 с.
- Гарви П. 1936. Новая конституция и партийная диктатура // Социалистический вестник. № 13. С. 4-8.
- Елисеев А.В. 2018. Преданный социализм. Москва : Концептуал. 344 с.
- Журавлев В.В., Лазарева Л.Н. (сост.) 2017. Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг. Документы и материалы. Москва : РОССПЭН. 646 с.
- Калинин М.И. 1975. Избранные произведения. Москва : Политиздат. 448 с.
- Магнитов С.Н., Матвейчев О.А. 2023. «Контрреволюционер» Сталин. По ту сторону марксизма-ленинизма. Москва : Книжный мир. 580 с.
- Махнырев А.Л. 2023. 800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История. 352 с.
- Межеричкий Я.Ю. 2016. «Восстановленная республика» императора Августа. Москва : Русский фонд содействия образованию и науке. 992 с.
- Митин М.Б. 1936. О ликвидации классов в СССР и о социалистическом, всенародном государстве // Под знаменем марксизма. № 5. С. 1-19.
- Молдавский Д.М. 1984. В начале тридцатых. Ленинград : Советский писатель. 376 с.
- Никандров А.В. 2019. Несостоявшаяся *res publica restituta* 1948 г.: истоки изменения основного принципа государственного строя СССР в советском политическом дискурсе 30-х годов // Государство и право. № 2. С. 120-132. DOI 10.31857/S013207690003857-4
- Никандров А.В. 2023. Лингвистика и политика: политические мотивы и цель «свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г. // Дискурс-Пи. Т. 20, № 1. С. 46-70. DOI 10.17506/18179568_2023_20_1_46
- Скоробогатская Н.А., Скоробогатский В.В. 2020. Советское: историко-культурный контекст феномена // Антиномии. Т. 20, № 2. С. 33-74. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10202
- Сталин И.В. 1950. Марксизм и вопросы языкознания. Москва : Правда. 48 с.
- Сталин И.В. 1952. Экономические проблемы социализма в СССР. Москва : Госполитиздат. 93 с.
- Сталин И.В. 1997. Сочинения. Т. 14. Москва : Писатель. 368 с.
- Троцкий Л.Д. 2024. Преданная революция. Москва : АСТ. 352 с.
- Трушков В.В. 2018. Неизвестная Программа ВКП(б). Москва : [б. и.]. 288 с.
- Фейхтвангер Л. 1937. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. Москва : ОГИЗ. 118 с.
- Хмельницкий Д. 2006. Архитектура Сталина. Психология и стиль. Москва : Прогресс-Традиция. 560 с.

- Чуев Ф.И. 2000. Молотов: Полудержавный властелин. Москва : Олма-Пресс. 736 с.
Шабалин И.Д. 1998. Свидетель социализма. Раздумья о своей эпохе. Москва : Фонд имени И.Д. Сытина. 400 с.
Шагинян М. 1936. Дневник депутата Моссовета. Москва : Советский писатель. 165 с.

References

- Balandin R.K. *Stalin's Last Year*, Moscow, Veche, 2019, 416 p. (In Russ.).
Burlatsky F.M. *Lenin, State, Politics*, Moscow, Nauka, 1970, 526 p. (In Russ.).
Burlatsky F.M. *State and Communism*, Moscow, Sotsekgiz, 1963, 248 p. (In Russ.).
Chuev F.I. *Molotov: Semi-Sovereign Ruler*, Moscow, Olma-Press, 2000, 736 p. (In Russ.).
Eliseev A.V. *Socialism Betrayed*, Moscow, Kontseptual, 2018, 344 p. (In Russ.).
Feuchtwanger L. *Moscow 1937: My Visit Described for My Friends*, Moscow, OGIZ, 1937, 118 p. (In Russ.).
Garvi P. New Constitution and Party Dictatorship, *Sotsialisticheskij vestnik* [The Socialist Courier], 1936, no. 13, pp. 4-8. (In Russ.).
Kalinin M.I. *Selected Works*, Moscow, Politizdat, 1975, 448 p. (In Russ.).
Khmelnitsky D. *Architecture of Stalin. Psychology and Style*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2006, 560 p. (In Russ.).
Magnitov S.N., Matveichev O.A. "Counter-Revolutionary" Stalin. *On the Other Side of Marxism-Leninism*, Moscow, Knizhnyj mir, 2023, 580 p. (In Russ.).
Makhnyrov A.L. *800th Anniversary of Moscow: A Great Holiday after the Great Victory*, Moscow & Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2023, 352 p. (In Russ.).
Mezheritsky Ya.Yu. "Restored Republic" of Emperor Augustus, Moscow, Russkij fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2016, 992 p. (In Russ.).
Mitin M.B. On the Elimination of Classes in the USSR and on a Socialist All People's State, *Pod znamenem Marksizma* [Under the Banner of Marxism], 1936, no. 5, pp. 1-19. (In Russ.).
Moldavsky D.M. *Early Thirties, Leningrad*, Sovetskij pisatel', 1984, 376 p. (In Russ.).
Nikandrov A.V. Failed Res Publica Restituta 1948: The Origins of Changes in the Basic Principle of the State System of the USSR in the Soviet Political Discourse of the 30s, *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2019, no. 2, pp. 120-132. (In Russ.). DOI 10.31857/S013207690003857-4
Nikandrov A.V. Linguistics and Politics: Political Motives and Purpose of Free Discussion on Problems of Linguistics of 1950, *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], 2023, vol. 20, no 1, pp. 46–70. (In Russ.). DOI 10.17506/18179568_2023_20_1_46
Scorobogatskaya N.A., Scorobogatsky V.V. The Soviet: Historical, Cultural and Philosophical Contexts of the Phenomenon, *Antinomii* [Antinomies], 2020, vol. 20, no. 2, pp. 33-74. (In Russ.). DOI 10.24411/2686-7206-2020-10202
Shabalin I.D. *Witness of the Era of Socialism. Reflections on a Bygone Epoch*, Moscow, Fond imeni I.D. Sytina, 1998, 400 p. (In Russ.).
Shaginyan M. *Diary of a Moscow Soviet Deputy*, Moscow, Sovetskij pisatel', 1936, 165 p. (In Russ.).
Stalin J.V. *Economic Problems of Socialism in the USSR*, Moscow, Gospolitizdat, 1952, 93 p. (In Russ.).
Stalin J.V. *Marxism and Problems of Linguistics*, Moscow, Pravda, 1950, 48 p. (In Russ.).
Stalin J.V. *Works. Vol. 14*, Moscow, Pisatel', 1997, 368 p. (In Russ.).
Trotsky L.D. *The Revolution Betrayed*, Moscow, AST, 2024, 288 p. (In Russ.).

- Trushkov V.V. *The Unknown AUCPB Program*, Moscow, 2018, 288 p. (In Russ.).
- Wyszyński A.Ya. (ed.) *Soviet State Law*, Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1938, 652 p. (In Russ.)
- Wyszyński A.Ya. *The Questions of the Theory of State and Law*, Moscow, Gosyurizdat, 1949, 424 p. (In Russ.)
- Zhuravlev V.V., Lazareva L.N. (comp.) *Stalin's Economic Legacy: The Plans and Discussions. 1947–1953. Documents and Materials*, Moscow, ROSSPEN, 2017, 646 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Всеволодович Никандров

кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета, г. Москва, Россия;
ORCID: 0009-0002-8885-2752;
Scopus AuthorID: 57220270155;
SPIN-код: 8954-4220;
E-mail: bobbio71@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey V. Nikandrov

Candidate of Political Science, Senior Researcher, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
ORCID: 0009-0002-8885-2752;
Scopus AuthorID: 57220270155;
SPIN-code: 8954-4220;
E-mail: bobbio71@mail.ru

Белоусов А.Б. Артур Понсонби и отмена пропаганды // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 71-87.
https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_71

УДК 32.019.5

DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_71

Артур Понсонби и отмена пропаганды

Александр Борисович Белоусов

Институт философии и права Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: ektb@ua.ru

*Поступила в редакцию 23.04.2024, поступила после рецензирования 04.06.2024,
принята к публикации 05.06.2024*

Актуальность исследования пропаганды не подлежит сомнению в связи с текущими событиями, однако значимость работ по критическому разбору пропаганды в поствоенное время еще выше. В этом отношении большой интерес представляет вышедшая в 1929 г. книга «Ложь в военное время» британского политика, писателя и общественного деятеля А. Понсонби. Он проводит большую работу, каталогизируя виды лжи и фактически выстраивая феноменологию лжи во время Первой мировой войны. В настоящей статье анализируется влияние политических взглядов автора книги, который был пацифистом и с первых дней войны последовательно отстаивал мнение о необходимости невмешательства Великобритании, на его критическую позицию в отношении пропаганды. Особое внимание уделяется наносимому ею вреду – от осквернения души человека в формулировке А. Понсонби до появления психических расстройств вплоть до паранойи и шизофрении, о чем пишет Ж. Эллюль. Подчеркивается, что с точки зрения государственного управления избыточность пропаганды может негативно влиять на качество человеческого капитала. Также в статье проводится подробный разбор критики взглядов британского исследователя, преимущественно в современное время. Критики навесили на него немало ярлыков – «пацифист», «германofil», «сторонник кайзера» и т.д., обвиняя в том, что его работа стала источником «историографических преданий» о британской пропаганде, однако на самом деле ложь в ней не разоблачается, а, наоборот, фабрикуется на основе противоречивых интерпретаций и ложных измышлений. Автор статьи сравнивает работу «Ложь в военное время» с другими ключевыми трудами тех лет – «Техника пропаганды в мировой войне» Г. Лассуэлла и «Пропаганда» Э. Бернейса. Проводится сопоставление стратегий отмены пропаганды А. Понсонби и Н. Хомского, одного из самых известных последователей критического направления в исследовании пропаганды. Делается вывод, что пропаганда должна быть прагматичной и учитывать, что будет происходить на поствоенном этапе, то есть иметь некую стратегию выхода.

© Белоусов А.Б., 2024

Ключевые слова: Первая мировая война, пропаганда, манипуляция, общественное мнение, дискредитация, культура отмены, отрицательный человеческий капитал

Arthur Ponsonby and the Abolition of Propaganda

Alexander B. Belousov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia
E-mail: ektb@yandex.ru

Received 23.04.2024, revised 04.06.2024, accepted 05.06.2024

Abstract. The relevance of propaganda research is beyond doubt in connection with current events, but the importance of work on critical analysis of propaganda in post-war time seems even more significant. In this regard, the book “Falsehood in War-time” (1929) by the British politician, writer, and social activist Arthur Ponsonby is of great interest. He extensively catalogs types of lies and constructs a phenomenology of lies during World War I. The article analyzes the influence of the political views of the book’s author on the critical stance toward propaganda. Ponsonby, a pacifist, consistently advocated for Britain’s non-intervention policy from the war’s onset. Special attention is paid to the harm caused by propaganda – from the defilement of the human soul in the interpretation of Ponsonby to the emergence of psychiatric disorders such as paranoia and schizophrenia, as noted by Jacques Ellul. It is emphasized that the excessive propaganda can negatively impact the quality of human capital from a public administration perspective. The article also provides a detailed analysis of the criticism of Ponsonby’s ideas, particularly in modern times. Critics have labeled him a lot with various terms – “pacifist”, “Germanophile”, “Kaiser supporter”, etc., accusing his work of perpetuating “historiographical legends” about British propaganda. However, in reality, rather than exposing lies, Ponsonby’s work often created them based on contradictory interpretations and fabrications. The article compares the book “Falsehood in War-time” with other key works of those years – “Propaganda Technique in the World War” by Harold Lasswell and “Propaganda” by Edward Bernays. It also juxtaposes Arthur Ponsonby’s strategies for abolishing propaganda with those of Noam Chomsky, one of the most famous followers of the critical trend in propaganda research. It is concluded that propaganda should be pragmatic, considering its implications in the post-war period and have some kind of an exit strategy.

Keywords: World War I, propaganda, manipulation, public opinion, discredit, cancel culture, negative human capital

For citation: Belousov A.B. Arthur Ponsonby and the Abolition of Propaganda, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 71-87. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_71

Введение

Новости о начале Первой мировой войны, как известно, были встречены с большим энтузиазмом во многих странах, в том числе в Великобритании. В один из предвоенных дней августа 1914 г. перед Букингемским дворцом собралась толпа из 12 тыс. человек, многие принесли с собой госу-

дарственный флаг. Там были представители всех сословий, матери пришли с младенцами, детей поднимали на руки, чтобы они лучше видели происходящее. В последующие дни по Лондону колесили ярко разукрашенные автомобили, на крышах которых стояли размахивающие флагами люди. Стереотип о военном энтузиазме, казалось, повсюду находил подтверждение. Однако далеко не все британцы поддерживали вступление в войну. Одним из таких людей был Артур Понсонби (1871–1946) – политик, писатель и общественный деятель, который в своей парламентской речи 3 августа 1914 г. среди прочего упомянул о группах полупьяных юнцов, размахивающих флагами (Gregory 2008: 9, 26–27). Свой скепсис он последовательно пронес через всю войну и спустя 10 лет после ее завершения выпустил разоблачительную книгу, посвященную не просто царившему в те годы военному энтузиазму, а способам, которыми он формировался и поддерживался во время военных действий.

Первое издание книги «Ложь в военное время» (Falsehood in War-time) относится к 1929 г. Несмотря на приближающийся 100-летний юбилей, российскому читателю работа остается практически неизвестной – научный перевод так и не был выполнен, а отрывки в Интернете изобилуют неточностями. Между тем в свое время эта книга произвела настоящий фурор: ее называли глотком свежего воздуха, в течение 10 лет после выхода она переиздавалась почти каждый год и была переведена на французский и немецкий языки. В России же большинство классических работ по пропаганде начали выходить только в последнее время. Так, в 2021 г. опубликован русскоязычный перевод книги Г. Лассуэлла «Техника пропаганды в мировой войне» (Лассуэлл 2021), спустя два года вышла книга Ж. Эллюля «Феномен пропаганды» (Эллюль 2023). Несколько раньше начал издаваться Э. Бернейс: его знаменитая «Пропаганда» 1928 г. была опубликована на русском языке в 2010 г. (Бернейс 2010). Это объясняется тем, что его считают «своим» исследователи и преподаватели в сфере связей с общественностью – науки, родоначальником которой он признается. Переводы классических работ по пропаганде, вышедшие в последние годы, дают основание полагать, что и «Ложь в военное время» вскоре можно будет прочесть целиком. Мы надеемся, что публикация нескольких глав книги в текущем номере журнала «Антиномии» приблизит этот момент.

Пропаганда как разновидность лжи

Зачем читать работы по пропаганде? Вопрос в наши дни излишний, но все же несколько слов на эту тему стоит сказать. Это нужно хотя бы для того, чтобы на новом витке истории интерес к ней не вернулся к своей околонулевой отметке. В мирные дни исследования пропаганды не пользуются особым спросом, а в России вообще сложилась уникальная ситуация, когда подобные исследования были не слишком востребованы и распространены в последние два десятилетия. После распада СССР и смены господствующей идеологии интерес к пропаганде существенно угас, изучать ее среди политологов стало как минимум немодно, а в отношении к самому термину

чувствовалось что-то сродни брезгливости. Он уступил место своим многочисленным дискурсивным заменителям – политические коммуникации, мягкая сила, культурная дипломатия и т.п., которые всеми силами пытались «отбелиться», даже если предмет изучения оставался тем же (Табаринцева-Романова 2019). Первая мировая война не только была доминирующим мемориальным проектом до Второй мировой войны, но и породила современные методы пропаганды и политики. Она до сих пор остается в фокусе внимания в России и особенно на Западе, где не утихают споры о ней, то и дело раздаются призывы бороться с мифами о войне, на фоне которых возникают опасения о повторении пропагандистских клише 100-летней давности (Поршнева 2020).

Но времена изменились, и внезапно то, что было предметом довольно узкого научного интереса, стало частью окружающей действительности, причем в объеме, который моментально компенсировал его длительное отсутствие. У исследователей пропаганды и политологов есть уникальная возможность проверить, насколько политические теории соответствуют политической практике. Однако объективной беспристрастности при изучении пропаганды мешает множество факторов, среди которых выделяется широкое распространение критики пропаганды в самых разнообразных видах, поэтому зачастую в медийных интерпретациях она превращается в свою противоположность. По факту политизированная критика пропаганды давно превратилась в попытки ее отмены. Приведем один наглядный пример. В типичном украинском ролике на *Youtube* «Как пропагандисты манипулируют Россией. Деконструкция Ксении Собчак» производится разбор поведения известной российской медийной личности, а автор, украинский политолог Ю. Романенко, без толики сомнения называет свою работу «препарацией демонизма». В этом пассаже смешано сразу несколько интеллектуальных традиций – и постмодернизм в лице Ж. Деррида, который изобрел деконструкцию как условно критическую практику, и позитивистский подход к пропаганде Г. Лассуэлла, в чьей работе «Техника пропаганды в мировой войне» целая глава, посвященная формированию образа врага, называлась «Сатанизм». Но своим критическим подходом к пропаганде украинский блоггер-пропагандист, сам того не ведая, обязан А. Понсонби, чья работа резко выделялась на фоне технологических систематизаций и хвалебных од пропаганде. И так же, как и британский автор, он совершает попытку отменить пропаганду.

«Ложь – это то, из чего состоят войны. Без лжи люди не будут вести войны. В книге “Ложь в военное время” Артур Понсонби, член Парламента, расскажет вам правду о международной лжи во время последней войны, о которой вам никогда не поведают учебники истории»¹. Подобными яркими анонсами и рецензиями была встречена книга сразу после своего выхода. Другой рецензент, представляя читателям одновременно книги Э. Бернейса и А. Понсонби, отмечает, что если первый демонстрирует силу пропаганды,

¹ Gerould J. 1929. Recent Important Books // Current History (1916–1940). Vol. 29, iss. 6. P. xxi.

то книга второго представляет собой классифицированное собрание лжи, распространяемой в разных странах, главным образом в Великобритании². И, действительно, достаточно лишь пройтись по названиям глав, чтобы увидеть, насколько критичным был подход А. Понсонби: «Фабрика трупов» (The Corpse Factory), «Лицемерное возмущение» (Hypocritical Indignation), «Фейковые фотографии» (Faked Photographs), «Ложь за рубежом» (Foreign Lies) и т.п.

В некотором смысле книга представляет собой феноменологию лжи, то есть не просто собрание пропагандистских приемов, как у Г. Лассуэлла, а именно разных видов лжи. Автор подробно описывает их в вводной части (Ponsonby 1940: 19-22):

- преднамеренная официальная ложь, распространяемая, чтобы ввести в заблуждение либо людей внутри страны, либо врага за рубежом;
- пропуски отрывков из официальных документов;
- неправильный перевод, иногда возникающий из-за подлинной ошибки, но чаще преднамеренной;
- увертки, сокрытия и полуправда, которые более тонко вводят в заблуждение;
- преднамеренные подделки, которые должны быть изготовлены очень тщательно;
- официальная тайна, которая неизбежно вводит в заблуждение общественное мнение;
- преднамеренные преувеличения;
- притворное официальное негодование;
- ложь, услышанная и не опровергнутая, хотя и не имеющая доказательств, а затем повторенная или допущенная к распространению;
- личные обвинения и лживые нападки, направленные на дискредитацию лиц, которые отказываются придерживаться ортодоксального отношения к войне;
- сокрытие правды, к которому приходится прибегать, чтобы не допустить что-либо, делающее честь врагу;
- общая одержимость, порождаемая слухами, усиливаемая повторением и развиваемая истерией, которая в конце концов получает всеобщее признание;
- истерические галлюцинации слабоумных индивидуумов.

Читателей не должно вводить в заблуждение отсутствие слова «пропаганда» в названии книги, она посвящена именно ей. Однако автор не склонен возносить пропаганду на пьедестал, в отличие от того же Э. Бернейса, или выделять в ней эффективное технологическое ядро, как сделал Г. Лассуэлл. Э. Бернейс мифологизировал пропаганду как инструмент невидимого правительства, без которого не могут совершаться никакие социально значимые шаги в политике, экономике, социальной сфере (Бернейс 2010: 14). На это у него имелись вполне понятные мотивы личной капитализации

² Scott J. 1929. Review: Propaganda in Peace and War // Current History (1916–1940). Vol. 30, iss. 6. P. 980.

на рынке пропагандистских услуг. Г. Лассуэлл зафиксировал появления зловещего мифа пропаганды, постулируя амбициозную цель описать ее технику и «развить эксплицитную теорию того, как может успешно вестись международная военная пропаганда» (Лассуэлл 2021: 50, 57). Его позитивистское разоблачение мифа путем обособленного описания технологических приемов, в действительности, еще больше способствовало формированию мифа всемогущественной пропаганды как автономной техники. А. Понсонби же не собирался ни мифологизировать пропаганду, ни говорить о ее технологическом превосходстве. Для него так называемая пропагандистская работа – техническое оформление специально нанятыми агентами разновидности лжи, с помощью которой люди обманывают сами себя: «Они вполне охотно обманывают себя, чтобы оправдать свои действия. Они стремятся найти предлог для проявления своего патриотизма... получается своего рода национальное подмигивание: все идут вперед, а некий индивид, в свою очередь, берется лгать в качестве патриотической обязанности» (Ponsonby 1940: 16). Его удивление вызывает не ложь со стороны правительств в адрес своих граждан во время войны, что, с его точки зрения, является «признанным и оправданным орудием в войне», а «удивительная готовность верить» в нее со стороны людей (Ponsonby 1940: 13).

Скептическое отношение к пропаганде он выражает не только через оборот «так называемая», но и употребляя термин «пропаганда» в кавычках (Ponsonby 1940: 14). Кто-то может счесть А. Понсонби старомодным, но для него пропаганда – лишь одна из используемых человечеством разновидностей лжи. Чаще всего это слово употребляется им в словосочетании «пропагандистские цели» (*propaganda purposes*), которые явно не оправдывают средства. Именно поэтому в названии книги нет слова «пропаганда», зато есть слово «ложь».

Ярлык пацифиста

А. Понсонби последовательно разоблачает пропаганду, преимущественно британскую, исходя из своих стойких убеждений. Дело в том, что он был последовательным противником войны в целом и вступления Великобритании в Первую мировую войну в частности. Здесь нужно напомнить, что хотя Британия и вступила в войну 4 августа 1914 г., но этот процесс был для нее непростым. В кабинете министров сторонники вступления в войну не были в большинстве, даже после того, как Германия объявила войну Франции, поскольку с ней островное королевство не связывали официальные обязательства (Гилберт 2016: 64). В Лейбористской партии, финансовых и литературных кругах было полно противников войны. В период кризиса, длившегося с 28 июля по 5 августа, страницы таких газет, как *Daily News*, *Manchester Guardian*, *Labour Leader*, были наполнены антивоенными призывами. Спустя годы, редакторы *The Times* вспоминали, как их приглашали в один из крупнейших финансовых домов Лондон Сити и требовали, чтобы провоенные передовицы больше не публиковались (Лассуэлл 2021: 85-87).

Событием, которое повлияло на вступление Британии в войну, стало нападение Германии на крошечную Бельгию. Формальный повод – Лондонский договор 1839 г., по которому Великобритания (наряду с некоторыми другими европейскими державами) выступала гарантом независимости и нейтрального статуса Бельгии. А. Понсонби последовательно доказывает, что вторжение в Бельгию не было неожиданным и никого из британского или французского правительства потрясти не могло. Но они, исходя из стандартов морали, которые задает военное время, искажали факты и возбуждали народное возмущение, причем довольно успешно (Ponsonby 1940: 56). Пропаганда поведала сотни историй зверств в Бельгии – от младенцев с отрубленными руками и раздетых догола монахинь до уничтожения библиотеки Левенского университета – сначала под заголовком «Изнасилование Бельгии» (Rape of Belgium), а когда страсти начали утихать, заменила его на призыв «Помни о Бельгии» (Remember Belgium). Затем была сформирована специальная комиссия по изучению военных преступлений, которая спустя несколько месяцев работы выпустила доклад объемом более 300 страниц. А. Понсонби придает бельгийским кейсам в военной пропаганде особое значение и изобличает британскую пропаганду, по выражению П. Янковски, как «дымовую завесу реальности» (Jankowski 2017: 116-117).

За свою позицию А. Понсонби от многих исследователей получил ярлык пацифиста. Например, Дж. Хорн и А. Крамер называют его гуманитарным пацифистом (Horne, Kramer 2002: 368), а Я. ван Гиннекен – пацифистским активистом (Ginneken 2017: 106-107). Следует отметить, что быть пацифистом в Британии в то время было совсем непросто, а порой и опасно: члены группы, в которую входил А. Понсонби, подвергались социальному остракизму и даже физическим нападениям. Впрочем, далеко не все современные исследователи соглашались поместить его в узкие рамки пацифизма. Анализируя борьбу А. Понсонби за британский нейтралитет, Д. Марлор выражает уверенность, что «пацифист» – ярлык, который ему приклеили некоторые современные историки. В доказательство своей позиции он приводит письмо британца в первый день войны, где тот пишет, что «если бы Германия напала на нас, я бы стоял на улице и размахивал флагом» (Marlor 2014: 166). Его позиция состояла не в том, чтобы добиваться мира любой ценой, а в том, что если война причиняет огромный вред, то переговоры – один из возможных путей урегулирования конфликта. Что касается кровопролития в Бельгии, то он был уверен, что Британия имела больше возможностей помочь, не вступая в войну, поскольку при нейтральном статусе ее влияние могло быть использовано для остановки кровопролития. К тому же, по логике Д. Марлора, в то время невозможно было дискутировать в британском Парламенте в категориях пацифизма, поскольку депутаты представляли своих избирателей, часть из которых находилась на фронте. Однако, как бы мы ни называли А. Понсонби, тот факт, что он выступал критиком вступления Британии в войну, от этого не меняется.

Куда приводит ложь: разоблачение пропаганды

Если обратиться к самой работе, можно выделить в ней две ключевые линии. Первая, не столь очевидная, показывает изменчивость и гибкость (читай: лживость) политики, основанной на пропаганде. Поэтому сводить «Ложь в военное время» исключительно к критике пропаганды было бы большим упрощением. Среди политических кейсов, которые разбирает А. Понсонби, есть, например, фактическое вступление в войну из-за приверженности Франции, а не из-за варварского нападения Германии на маленькую Бельгию, на чем играла пропаганда, а также отказ от мер возмездия в адрес кайзера вопреки тому, что обещала пропаганда простым людям. Как видим, оба случая связаны с пропагандой, в них обнаруживаются действия и их мотивы, расходящиеся с официальной позицией. Более того, использование пропаганды, точнее лжи в пропаганде, как правило, заставляет власти и в политическом отношении вести себя аналогичным образом – говорить одно, а делать совершенно другое. Публичной лжи в пропаганде нередко соответствует ложь в политическом поведении. Именно на этот невысказанный вывод наталкивает вся работа А. Понсонби, и именно такое поведение государства более всего вызывает у него весьма критичную реакцию. Принимая и то, что ложь в адрес рядовых граждан во время войны является необходимым условием ее ведения, автор категорически не может согласиться с тем, что она используется в адрес тех, кого можно назвать элитой (например, членов Парламента, каковым он сам являлся). Впрочем, политический аспект публичной пропагандистской лжи книга оставляет открытым: если ложь людям в военное время нельзя считать аморальной, какую еще политическую ложь можно оправдать потребностью текущего момента?

Прежде чем перейти к разоблачениям, сделанным А. Понсонби, уточним, почему с позиций сегодняшнего дня «Ложь в военное время» выходит за пределы того, что принято считать критикой, и приближается к отмене пропаганды. Во-первых, позиция автора была не чисто научной, а, скорее, политической. Цель – не просто поставить под сомнение корректность пропаганды, а отменить ее в существующем виде. Во-вторых, А. Понсонби занимался осознанным разоблачением, компрометацией пропаганды, показывая ее сознательную аморальность и лживость³. Через всю книгу сквозной нитью проходит тема взаимозависимости морали и всего, что связано с пропагандой и сопутствует с ней. Автор выражает свою моральную оценку достаточно четко: «Ни в одной стране нет ни одной живой души, которая не испытывала бы глубокого негодования из-за того, что ее страсти возбуждаются, ее негодование разжигается, ее патриотизм эксплуатируется» (Ponsonby 1940: 29). В-третьих, ему удалось внести существенный вклад в формирование негативного образа пропаганды в глазах экспертного общества и политического класса, что, собственно, и привело в конечном

³ См. работы о связи культуры отмены с моральными аспектами (Былевский, Цацкина 2022), сейфтизмом (safetyism) и привычками моральной зависимости (Lukianoff, Haidt 2018).

счете к реальной отмене пропаганды в западном обществе – публично заявлять о том, что ты занимаешься пропагандой, стало дурным тоном.

Ровно то же самое мы сегодня можем видеть в культуре отмены, которая как явление уже является не просто способом травли, а реальным политическим механизмом. И здесь никого не должно вводить заблуждение представление о том, что основным механизмом культуры отмены являются социальные сети, поскольку и традиционные медиа прекрасно справлялись с такими задачами. Исследователи все больше приходят к выводу, что культура отмены – это не какой-то недавно возникший феномен, а глубоко укорененное в истории явление. Так, например, Д. Бареш проводит прямые параллели с античным ostracism (Buresh 2021: 24135), когда по поводу изгнания из Афин определенных лиц сроком на 10 лет проводилось всенародное голосование.

Итак, генеральная линия книги посвящена разоблачению пропагандистских меседжей и демонстрации в них большого объема лжи. А. Понсонби разбирает кейс за кейсом, показывая, что они не соответствовали действительности. В переводе, который публикуется в текущем номере журнала «Антиномии», разоблачению пропаганды посвящено две главы из четырех: «Истории зверств» и «Фейковые фотографии». В них показывается масса случаев дезинформации, призванной произвести впечатление на читателей газет: вот история об изнасилованной в присутствии отца тринадцатилетней бельгийской девочке, а вот фото еврейских погромов в России, которое опубликовали в качестве подтверждения преступлений немецкой армии в Польше. Подобные материалы составляли подавляющее число публикаций в военное время, что являлось основным источником ненависти к врагу – топлива, без которого военная машина не могла сделать ни шагу. Надо сказать, что к концу войны пропагандисты весьма преуспели в этом ремесле, и когда в 1917 г. США решили вступить войну, им понадобилось совсем немного времени, чтобы относительно нейтральное отношение к немцам превратить в гнев, который иногда приводил к линчеванию людей, не имевших никакого отношения к военным действиям.

Критическая позиция А. Понсонби к пропагандистской лжи, тем не менее, не была призывом к отказу от ее использования во время войны. Что подвергается критике, так это излишние надежды, которая пропаганда вселяет в людей. Например, по уверениям пропагандистов, эта война должна была положить конец всем войнам на земле (the war to end the wars). Мотив внушения ложных надежд – один из наиболее критикуемых автором книги, поскольку «ни одна из предполагаемых целей, за которые они боролись, не была достигнута», и это еще речь шла о победителях (Ponsonby 1940: 18). В частности, он пишет, что логическим завершением пропагандистской кампании по возложению единоличной ответственности за развязывание войны на германского кайзера должна была стать его казнь, ведь слоганом был клич «Повесить кайзера!». После войны кайзера не только не повесили, но и, напротив, позволили ему мирно жить в Голландии, что вызвало большое разочарование среди простых людей, запустив механизм сомнения в отношении и других военных посылов (Ponsonby 1940: 77).

Вред пропаганды

А. Понсонби не владел психологическим инструментарием, но интуитивно описал явления (одно из них станет известно как фрустрация), которые в дальнейшем составили ядро целого направления – психологии пропаганды. Нехватка инструментария заставила его использовать почти религиозный язык: внедрение яда пропаганды хуже, чем реальная гибель, а осквернение души хуже разрушения человеческого тела (Ponsonby 1940: 18). Впоследствии исследователи более детально описали «осквернение души». Например, Ж. Эллюль, опираясь на исследования К. Хони, приходит к выводу, что невротические симптомы до степени смешения похожи на механизмы воздействия пропаганды на человека: усиление тревожного состояния и враждебности, а также чувств незащитности и тоски; желание отказаться от борьбы; уныние, подавленное состояние, завышенная самооценка и т.п. (Эллюль 2023: 267). Но еще более тяжелые последствия могут возникнуть, когда после своего длительного воздействия пропаганда внезапно прекращается: в ряде случаев будет требоваться психиатрическая помощь, чтобы справиться с расстройствами типа шизофрении и паранойи (Эллюль 2023: 295).

Пропаганда создает глубокие и относительно долго действующие изменения в психике человека. И на каком-то этапе речь идет уже о комплексных антропологических изменениях – формировании человека без прошлого и будущего, совершенно несамостоятельного, целостность личности которого обеспечивается не им самим, а извне. Это должно расцениваться не просто как личная или общественная проблема, а как проблема государства, для которого человеческий капитал является основой долгосрочного развития. Пропаганда, вызывая описанные выше явления, способна обнулять его, превращать в отрицательный. Российский исследователь Ю.А. Корчагин, например, связывает гибель СССР с накоплением отрицательного человеческого капитала, который способен оказывать особое влияние в точках бифуркации, одной из которых стала перестройка (Корчагин 2005: 41). Поэтому слова А. Понсонби о том, что осквернение души хуже, чем уничтожение тела, оказались для XX в. не каким-то преувеличением, а практически пророчеством. Предупреждения о вреде пропаганды актуальны и в наши дни, пропагандисты должны отдавать себе отчет, что с последствиями их деятельности общество и государство обязательно столкнутся после завершения военных действий, но это может произойти и гораздо раньше, чем они могут себе представить, оказав воздействие и на ход военных действий.

Несмотря на вышесказанное, критика пропаганды со стороны А. Понсонби была абсолютно выверенной с политической точки зрения. Она прозвучала тогда, когда стала уместна – спустя 10 лет по завершении войны. Публичное разоблачение собственного государства, ведущего войну, до ее завершения он считал недопустимым, называя такое поведение преступной халатностью, которая очень быстро приведет к тюрьме. С этой точки зрения автор демонстрирует образец политического поведения, которому стоит следовать и в наши дни. В конце 1920-х гг. критика пропаганды уже набирала обороты, все больше политиков были всерьез озабочены тем, что

ее ошеломляющей эффективностью могут воспользоваться в разрушительных целях⁴. Скепсис в отношении пропаганды вырос настолько, что даже ее апологет Э. Бернейс был вынужден разводить «плохую» и «хорошую» пропаганду, введя термин *impropaganda*⁵ – недобросовестная пропаганда, недопропаганда. Однако это было только началом. Еще больший скепсис в адрес пропаганды наблюдался в 1930-е гг., когда ею вовсю начали пользоваться в нацистской Германии, а Э. Бернейс с немалым удивлением узнал, что его книга «Кристаллизация общественного мнения» красуется на книжной полке Й. Геббельса. С тех пор пропаганда, как правило, упоминается преимущественно в негативном контексте – как недемократическая практика обмана, основанная на лжи, а использовать ее в приличном западном обществе становится практически дурным тоном. Именно так работает культура отмены в наши дни. И вклад в отмену пропаганды со стороны А. Понсонби был внушительным, его «Ложь в военное время» стала главной критической работой своей эпохи.

«Германофил, симпатизирующий кайзеру»

Даже много лет спустя А. Понсонби подвергается нападкам за «Ложь в военное время», которая, по всей видимости, продолжает производить неизгладимое впечатление. Оксфордский профессор А. Грегори – один из тех, кто критикует наиболее яростно. Он называет А. Понсонби пацифистом, заклятым врагом главного пропагандиста Британии лорда Нортклиффа, германофилом, симпатизирующим кайзеру⁶. Его книгу он считает «источником историографических и популярных преданий о британской пропаганде», дает ей крайне негативные характеристики: ложь не документируется, а фабрикуется на основе противоречивых интерпретаций и ложных измышлений, в итоге вместо разоблачительной правды получается новая пропагандистская ложь. В качестве примера приводятся два кейса из книги: немецкая фабрика по переработке трупов и изгнание из бельгийского Антверпена католических священников, которые не стали звонить в колокола после его взятия немцами. А. Грегори утверждает, что в обоих случаях имел место не намеренный пропагандистский обман, а череда неправильных интерпретаций прессы и придание разного рода городским легендам статуса официальной информации⁷. Критик настаивает на том, что А. Понсонби

⁴ Bernays E., Martin E. 1929. Are We Victims of Propaganda? A Debate. URL: <http://postflaviana.org/wp-content/uploads/2015/07/martin-bernays-debate.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).

⁵ Bernays E. 1928. Propaganda and Impropropaganda. Manuscript // Library of Congress. URL: https://loc.gov/item/mss12534_17 (дата обращения: 10.04.2024).

⁶ С этой оценкой далеко не все современные исследователи готовы согласиться, отмечая, что А. Понсонби на самом деле высмеивает кайзера, называя его «ничтожной марионеткой» (Marlor 2014: 208).

⁷ Включение в «книгу лжи» утверждений, ложность которых не доказана, было предметом критики практически с момента ее выхода. См.: Scott J. 1929. Review: Propaganda in Peace and War // Current History (1916–1940). Vol. 30, iss. 6. P. 982.

сознательно выдает за правду информацию из британской пацифистской прессы и даже из Германии, игнорируя заявления официальных лиц. При этом А. Грегори признает наличие в Британии огромного количества лжи, в том числе санкционированной официально или полуофициально, однако это не мешает ему обвинять автора книги в дискредитации войны против Германии и попытке переписать историю в интересах проигравших. Также он пытается оправдать британских подданных, поверивших в эту пропаганду, но в отличие от А. Понсонби делает акцент не на тех, кто сознательно желал быть обманутым, а на искренних в своем патриотическом рвении гражданах (Gregory 2008: 41-44). Впрочем, эту позицию вряд ли можно считать мейнстримом. С конца 1920-х гг. критика пропаганды стала практически ортодоксальной, поэтому ее оправдание, к чему А. Грегори нас склоняет, является в современной науке, скорее, исключением.

Парадоксальным образом «Ложь в военное время» сыграла примерно ту же роль, что и «Пропаганда» Э. Бернейса: рассказывая о лжи и настаивая на ее успешном применении, она косвенным и прямым образом подтверждала всемогущество пропаганды, в данном случае британской (Ponsonby 1940: 15-16). Такое положение дел, как оказалось, было на руку всем: и самим британцам, и немцам, которые, с одной стороны, выставляли себя жертвами, с другой – развивали миф о «ноже в спину»: якобы Германию победили исключительно средствами коварной пропаганды, а на поле брани немецкая армия осталась непобедимой. М. Сандерс и Ф. Тейлор, излагая данную логику, приходят к выводам, аналогичным тем, что мы видели у А. Грегори: сенсационный успех британской пропаганды, основанной на историях о зверствах врага, сформировал устойчивое представление о том, что пропаганда – это работа по дискредитации врага. Вследствие этого пропаганда, которая в Великобритании велась официально, оказалась несправедливо оклеветанной и, что более важно, непонятой. И особая заслуга в этом принадлежит А. Понсонби (Sanders, Taylor 1982: 250, 264). Подобное мнение можно рассматривать как очередное подтверждение роли последнего в отмене пропаганды.

Еще одним следствием работы А. Понсонби, помимо дискредитации пропаганды, называется то, что разоблачение фабрикаций о зверствах Первой мировой войны привело к снижению общественного доверия к такого рода информации. По мнению Д. Марлора, это сыграло дурную шутку уже во Второй мировой войне, когда сообщения о нацистской жестокости в первое время подвергались некоторым сомнениям (Marlor 2014: 209). И снова подобные замечания подчеркивают влияние, которое оказала «Ложь в военное время». Впрочем, автор обходится без прямых обвинений в адрес А. Понсонби, подчеркивая, что в ряде случаев он был введен в заблуждение послевоенной немецкой пропагандой (Marlor 2014: 208).

Схожее мнение высказывают и другие исследователи. По их мнению, некоторые факты, которые приводит А. Понсонби своей книге, были подготовлены послевоенным правительством Германии. В Министерстве иностранных дел был создан целый отдел, отвечающий за международную интерпретацию вины в войне. Результатом работы стала публикация с 1922 по

1927 г. 40-томного собрания документов, специально отобранных, чтобы показать, что Германия начала войну в целях самообороны (Reynolds 2015: 121). Ими и воспользовался А. Понсонби, что, по мнению П. Дональдсона, стало исключением в череде историков всех национальностей, которые после завершения войны не выходили за рамки национального оправдания⁸. Однако эта позиция, если судить по тому, как нападают на А. Понсонби современные британские исследователи, распространена и по сей день. Для сравнения: в Германии работа, которая последовательно отражала ее вину в войне, появилась только в 1961 г. Ею стала книга «Рывок к мировому господству» (Фишер 2017), наделавшая немало шума в немецкой академической среде и обществе в целом.

Стратегии отмены пропаганды А. Понсонби и Н. Хомского

Самым известным представителем критического направления в современных исследованиях пропаганды можно считать Н. Хомского. Его модель политической пропаганды основана на наличии множества фильтров на пути информации, среди них можно выделить принадлежность собственнику, источник финансирования и информации, бомбардировку критикой, идеологию (Herman, Chomsky 2008: 62). Главным принципом пропаганды по Н. Хомскому выступает фильтрация, что отличается от описанного А. Понсонби – разнообразной и тотальной лжи. Однако в центре внимания обоих находится главная фигура пропаганды – жертвы. И если для британского автора главный прием с жертвами – их избыточная демонстрация, то для Н. Хомского демонстрация избирательна. Пропагандистская система предъявляет своим потребителям «достойных» жертв (тех, кто подвергся насилию со стороны вражеских государств), дополняя их освещением кровавыми подробностями, криками возмущения и требованиями справедливости. Те же, кто подвергся насилию собственным правительством с такой же или еще большей жестокостью, оказываются «недостойными» жертвами, их тяжелое положение преуменьшается или вовсе игнорируется (Herman, Chomsky 2008: 97-99). Подобные различия, а фактически практика двойных стандартов, обуславливаются исключительно политическими причинами.

Свою теорию Н. Хомский последовательно применяет на практике. Одним из последних кейсов, которые он публично разобрал, стал украинский. По его мнению, по сравнению с тем, как вели себя США во время вторжения в Ирак в 2003 г., Россия поступает сдержанно. Эта сдержанность выражается в небольшом количестве жертв среди мирного населения, отсутствии крупномасштабного разрушения инфраструктуры («[Россия] может сделать Киев таким же непригодным для жизни, как Багдад») и, помимо всего прочего, в возможности иностранным делегациям спокойно чувствовать себя во время посещения Киева («Когда США и Великобритания разносили

⁸ Donaldson P. Interpreting the Origins of the First World War // The Historical Association. 27.06.2014. URL: <https://www.history.org.uk/publications/resource/7465/polychronicon-155-interpreting-the-origins-of-of> (дата обращения: 10.04.2024).

Багдад, приезжал ли туда кто-нибудь из иностранных лидеров? Нет, потому что, когда США и Великобритания вступают в войну, они... разрушают все»⁹). Здесь мы тоже можем увидеть существенные различия позиций А. Понсонби и Н. Хомского: для первого неприемлемо критика пропаганды в период военных действий, в то время как второй не видит в этом ничего зазорного и высказывает свою позицию как во время тех конфликтов, в которых США задействованы опосредованно, так и тех, где они принимали непосредственное участие.

Таким образом, А. Понсонби и Н. Хомский реализуют разные стратегии отмены пропаганды. Первый признает необходимость пропаганды в военное время, для второго ее не существует. Британский автор в качестве практической стратегии предлагает уменьшить количество транслируемой лжи и «контролировать вещание». Н. Хомский именно способы контроля вещания в виде разнообразных фильтров полагает главным орудием пропаганды второй половины XX в. Вместо стратегий коррекции пропаганды он разрабатывает модель пропаганды в качестве методологического инструмента для ее критики. Для А. Понсонби главное орудие пропаганды – многообразие видов лжи при избыточной демонстрации жертв, для Н. Хомского – политика двойных стандартов и замалчивание «недостойных» жертв. Наконец, А. Понсонби деполитизирует критику пропаганды, воздерживаясь от нее в военное время, тогда как для Н. Хомского это способ политического высказывания, и его нисколько не смущает, что она, в свою очередь, способна стать пропагандой в чьих-то руках.

Сравнивая способы отмены пропаганды А. Понсонби и Н. Хомского, нужно учитывать, что их теории относятся к разному времени с разной степенью интенсивности военных конфликтов и, соответственно, пропаганды. Масштабы Первой мировой войны требовали большей мобилизации живой силы и ресурсов, дефицит которых восполнялся избыточными манипулятивными способами, отсюда и интенсивность способов дезинформации. Чем сильнее общественный шок, тем заметнее проявляется то, что можно назвать общественным посттравматическим расстройством, и тем выше потребность его вылечить, в том числе посредством разоблачения пропаганды. Чем более гибридные формы носят военные конфликты, чем больше возможностей у отдельных индивидов реализовать стратегию эскапизма, сберегая как свои, так и общественные ресурсы, тем в меньшей степени общество начнет отменять то, что его травмировало.

Заключение

Любая война рано или поздно завершается миром, а пропаганда заканчивается. Соответственно, пропаганде, как и войне, нужен свет в конце тоннеля – некая стратегия выхода. Прагматичная пропагандистская стра-

⁹ Noam Chomsky: Russia is fighting more humanely than the US did in Iraq // The New Statesmen. 29.04.2023. URL: <https://www.newstatesman.com/the-weekend-interview/2023/04/noam-chomsky-interview-ukraine-free-actor-united-states-determines> (дата обращения: 10.04.2024).

тегия должна планировать, что будет происходить на поствоенном этапе: каким образом она закончится, что из того, что она предъявляла гражданам будет легко опровергнуть, а что нет, и все то же самое в отношении противника. В Первую мировую войну об этом не думали, руководствуясь принципом «сегодня обманом, а завтра посмотрим», поэтому естественной поствоенной стратегией оказалась отмена пропаганды. Сохранившаяся до наших дней актуальность работы А. Понсонби обусловлена тем, что она показывает, чем заканчивается пропаганда, целью которой является максимальная накачка населения ненавистью при полном игнорировании фактов. «Ложь в военное время» – пример того, как при желании можно отменить пропаганду (свою или вражескую) уже после того, когда война закончилась. А учиться, конечно, лучше на чужих ошибках, в таких вопросах их цена может оказаться чрезмерно высокой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бернейс Э. 2010. Пропаганда. Москва : Hippo Publishing. 176 с.
- Былевский П.Г., Цацкина Е.П. 2022. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 2. С. 162-169. DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162
- Гилберт М. 2016. Первая мировая война. Москва : КоЛибри : Азбука-Аттикус. 768 с.
- Корчагин Ю.А. 2005. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? Воронеж : ЦИРЭ. 252 с.
- Лассуэлл Г. 2021. Техника пропаганды в мировой войне. Москва : ИНИОН РАН. 237 с.
- Поршнева О.С. 2020. Исследование политики памяти: к преодолению методологической дихотомии (на примере Первой мировой войны) // Дискурс-Пи. Т. 17, № 2. С. 128-141. DOI 10.24411/1817-9568-2020-10208
- Табаринцева-Романова К.М. 2019. «Новые» виды дипломатии XXI в.: культурная дипломатия в современном международном дискурсе // Дискурс-Пи. № 3. С. 26-37. DOI 10.24411/1817-9568-2019-10302
- Фишер Ф. 2017. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. Москва : Политическая энциклопедия. 677 с.
- Эллюль Ж. 2023. Феномен пропаганды. Санкт-Петербург : Алетейя. 410 с.
- Buresh D. 2021. Will Cancel Culture Prevent the Adoption of the Right to Be Forgotten? // International Journal of Current Advanced Research. Vol. 10, iss. 4. P. 24127-24137. DOI 10.24327/ijcar.2021.24137.4783
- Ginneken J. van. 2017. Kurt Baschwitz: A Pioneer of Communication Studies and Social Psychology. Amsterdam : Amsterdam University Press. 360 p.
- Gregory A. 2008. The Last Great War: British Society and the First World War. New York : Cambridge University Press. 364 p.
- Herman E., Chomsky N. 2008. Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media. London : The Bodley Head. 464 p.
- Horne J., Kramer A. 2002. German Atrocities, 1914: A History of Denial. New Haven : Yale University Press. 548 p.
- Jankowski P. 2017. Twenty Years of Disenchantment: The American Entry into World War I Remembered, 1917–1937 // South Central Review. Vol. 34, iss. 3. P. 115-127. DOI 10.1353/scr.2017.0029
- Lukianoff G., Haidt J. 2018. The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure. New York : Penguin Press. 352 p.

- Marlor D. 2014. *Fatal Fortnight: Arthur Ponsonby and the Fight for British Neutrality in 1914*. London : Frontline Books. 256 p.
- Ponsonby A. 1940. *Falsehood in War-time*. London : George Allen & Unwin. 192 p.
- Reynolds D. 2015. *The Long Shadow: The Legacies of the Great War in the Twentieth Century*. New York : W. W. Norton & Company. 544 p.
- Sanders M., Taylor Ph. 1982. *British Propaganda During the First World War, 1914–18*. London : Maximillian Press. 320 p.

References

- Bernays E. *Propaganda*, Moscow, Hippo Publishing, 2010, 176 p. (In Russ.).
- Buresh D. Will Cancel Culture Prevent the Adoption of the Right to Be Forgotten? *International Journal of Current Advanced Research*, 2021, vol. 10, no. 4, pp. 24127-24137. DOI 10.24327/ijcar.2021.24137.4783
- Bylevsky P.G, Tsatskina E.P. Phenomenological Analysis of the Notion “Cancel Culture”, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities], 2022, no. 2, pp. 162-169. (In Russ.). DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162
- Ellul J. *The Phenomenon of Propaganda*, Saint Petersburg, Aleteyya, 2023, 410 p. (In Russ.).
- Fischer F. *The Grab for World Power. The Policy of Military Aims of Kaiser's Germany in 1914–1918*, Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2017, 677 p. (In Russ.).
- Gilbert M. *The First World War*, Moscow, KoLibri & Azbuka-Attikus, 2016, 768 p. (In Russ.).
- Ginneken J. van. *Kurt Baschwitz: A Pioneer of Communication Studies and Social Psychology*, Amsterdam, Amsterdam University Press, 2017, 360 p.
- Gregory A. *The Last Great War: British Society and the First World War*, New York, Cambridge University Press, 2008, 364 p.
- Herman E., Chomsky N. *Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media*, London, The Bodley Head, 2008, 464 p.
- Horne J., Kramer A. *German Atrocities, 1914: A History of Denial*, New Haven, Yale University Press, 2002, 548 p.
- Jankowski P. Twenty Years of Disenchantment: The American Entry into World War I Remembered, 1917–1937, *South Central Review*, 2017, vol. 34, no. 3, pp. 115-127. DOI 10.1353/scr.2017.0029
- Korchagin Yu.A. *Russian Human Capital: A Factor of Development or Degradation?* Voronezh, TSIRE, 2005, 252 p. (In Russ.).
- Lasswell H. *Propaganda Technique in the World War*, Moscow, INION RAN, 2021, 237 p. (In Russ.).
- Lukianoff G., Haidt J. *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure*, New York, Penguin Press, 2018, 352 p.
- Marlor D. *Fatal Fortnight: Arthur Ponsonby and the Fight for British Neutrality in 1914*, London, Frontline Books, 2014, 256 p.
- Ponsonby A. *Falsehood in War-time*, London, George Allen & Unwin, 1940, 192 p.
- Porshneva O.S. The Study of the Politics of Memory: To Overcome the Methodological Dichotomy (on the Example of the First World War), *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2020, vol.17, no. 2, pp. 128-141. DOI 10.24411/1817-9568-2020-10208
- Reynolds D. *The Long Shadow: The Legacies of the Great War in the Twentieth Century*, New York, W. W. Norton & Company, 2015, 544 p.
- Sanders M., Taylor Ph. *British Propaganda During the First World War, 1914–18*, London, Maximillian Press, 1982, 320 p.

Tabarintseva-Romanova K.M. "New" Types of Diplomacy of the 21st Century: Cultural Diplomacy in Modern International Discourse, *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2019, no. 3, pp. 26-37. DOI 10.24411/1817-9568-2019-10302

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Борисович Белоусов

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;

ORCID: 0000-0003-0082-909X;

Scopus AuthorID: 57202994688;

SPIN-код: 7618-1310;

E-mail: ektb@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander B. Belousov

Candidate of Political Science, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;

ORCID: 0000-0003-0082-909X;

Scopus AuthorID: 57202994688;

SPIN-code: 7618-1310;

E-mail: ektb@ya.ru

Понсонби А. Ложь в военное время: истории зверств, фейковые фотографии, преступный кайзер, исключительная ответственность Германии за войну (перевод А.Б. Белоусова) // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 88-106. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_88

УДК 32.019.5

DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_88

Ложь в военное время: истории зверств, фейковые фотографии, преступный кайзер, исключительная ответственность Германии за войну¹

Артур Понсонби

Переводчик:

Александр Борисович Белоусов

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: ektb@ya.ru

Перевод поступил в редакцию 23.04.2024, принят к публикации 05.06.2024

Публикация представляет собой первый русскоязычный перевод четырех глав из книги «Ложь в военное время» (Falsehood in War-time, 1929) британского политика и писателя А. Понсонби (1871–1946). Перевод выполнен А.Б. Белоусовым, старшим научным сотрудником Института философии и права Уральского отделения РАН. В главе «Истории зверств» (Atrocity Stories) подробно рассматриваются истории злодеяний германских войск, которые распространялись в листовках, брошюрах, письмах и речах во время Первой мировой войны практически каждый день. Британский автор приводит задокументированные свидетельства того, как эти истории были проверены, в результате чего была доказана их ложность. В главе «Фейковые фотографии» (Faked Photographs) на множестве примеров раскрывается использование поддельных подписей к фотографиям. Отмечается, что поддельные снимки обладают особой ценностью, поскольку оказывают гораздо более сильное воздействие, чем любое утверждение, которое можно раскритиковать или отвергнуть. С установлением же факта фальсификации в то время были сложности. Подделка фотографий превратилась практически в целую индустрию, и больше всех в этом, как считает автор, преуспела Франция. В главе «Преступный кайзер» (The Criminal Kaiser) прослеживается политическая логика персонификации ответственности за начало войны. В дальнейшем, по мнению А. Понсонби, это сыграло с прави-

¹ Перевод выполнен по изданию: Ponsonby A. 1940. Falsehood in War-time. London : George Allen & Unwin. 192 p.

© Белоусов А.Б., перевод, 2024

тельствами европейских государств дурную шутку, поскольку отсутствие наказания за преступные деяния привело к глубокому разочарованию людей. В главе «Исключительная ответственность Германии за войну» (Germany's Sole Responsibility for the War) показывается, что обвинения врага в единоличной ответственности за развязывание войны – стандартная формулировка каждой нации в каждой войне. После завершения Первой мировой войны возникли сомнения в адекватности выдвинутых обвинений, что еще раз доказывает их мифический характер. Перевод снабжен фактологическими комментариями, а также статьей А.Б. Белоусова «Артур Понсонби и отмена пропаганды», в которой разбираются поднятые британским автором вопросы, актуальные и сегодня.

Ключевые слова: Первая мировая война, пропаганда, манипуляция, общественное мнение, ложь

Falsehood in War-time: Atrocity Stories, Faked Photographs, The Criminal Kaiser, and Germany's Sole Responsibility for the War

Arthur Ponsonby

Translator:

Alexander B. Belousov

Institute of Philosophy and Law

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Yekaterinburg, Russia

E-mail: ektb@yandex.ru

Received 23.04.2024, accepted 05.06.2024

Abstract. The article gives the first Russian-language translation of four chapters from the book “Falsehood in War-time” (1929) by British politician and writer Arthur Ponsonby (1871–1946). The translation was made by Alexander B. Belousov, a Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The chapter “Atrocity Stories” examines in detail the stories of German troops’ atrocities, which were circulated in leaflets, pamphlets, letters, and speeches during World War I almost every day. The British author provides documented evidence of how these stories were verified, resulting in the proof of their falsity. The chapter “Faked Photographs” reveals the use of fake photography captions with various examples. It is noted that faked pictures hold special value, as they have a greater impact than any mere statements that could be criticized or denied. It was difficult to detect falsity at that time. The faking of photographs amounted almost to an industry during the war, with Ponsonby noting that the French excelled the most in this practice. The chapter “The Criminal Kaiser” traces the political logic of personifying responsibility for the outbreak of war. Ponsonby believes that in the future this played a bad joke on the governments of European states, since the lack of punishment for actions led to deep disappointment among the people. The chapter “Germany’s Sole Responsibility for the War” shows that accusing the enemy of sole responsibility for the war is a common form in every nation and in every war. After World War I, doubts arose about adequacy of the accusations, once again proving their mythical nature. The translation is provided with factual comments, as well as Alexander

Belousov's article "Arthur Ponsonby and the Abolition of Propaganda", which examines the issues raised by the British author, which are still relevant today.

Keywords: World War I, propaganda, manipulation, public opinion, lies

For citation: Ponsonby A. Falsehood in War-time: Atrocity Stories, Faked Photographs, The Criminal Kaiser, and Germany's Sole Responsibility for the War (translated by Alexander Belousov), *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 88-106. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_88

Истории зверств

Война сама по себе есть зверство. Ей присущи жестокость и страдания. В военное время, как каждый знает, имеют место насилие и варварство. Власти побуждают людей потакать примитивным животным страстям, но преувеличение и изобретение зверств вскоре становятся основным продуктом пропаганды. Истории о немецких «ужасах» в Бельгии были настолько распространены, что служили исчерпывающим доказательством отвратительной жестокости немецкой армии и тем самым вызвали всенародный гнев. Была сформирована бельгийская комиссия, работавшая под председательством лорда Брайса², выбранного, чтобы произвести впечатление на общественное мнение в Америке, где тот пользовался большой популярностью как посол. Письменные показания отдельных свидетелей были приняты в качестве неопровержимых доказательств.

Даже в малозначительных случаях человеческие свидетельства в лучшем случае ненадежны, но там, где предвзятость, сентиментальность, страсти и так называемый патриотизм возбуждают эмоции, личные заявления теряют всякую ценность.

Невозможно охватить всю сферу историй о зверствах. Из дня в день они распространялись в листовках, брошюрах, письма и речах. Известные люди с хорошей репутацией, которые не решились бы осудить своих личных врагов на основании имеющихся у них доказательств или, скорее, их отсутствия, без колебаний возглавили процесс обвинения целой нации во всех мыслимых жестокостях и противоестественных преступлениях. *Times* опубликовала написанные известным мэтром из Итона «Походные песни», где встречаются такие строки:

² Результатом работы комиссии стал «Доклад Брайса» – 320-страничное издание, выпущенное британским Бюро военной пропаганды в мае 1915 г., меньше чем через год после начала войны. В нем были собраны якобы задокументированные свидетельства о фактах преступлений немецких военных в Бельгии. Нападение Германии на «маленькую и мирную» Бельгию раскручивалось как важный пропагандистский сюжет, свидетельствующий об агрессии Германии и ее вине за развязывание войны. Доклад переведен на многие европейские языки и, как принято считать, оказал серьезное влияние на нейтральные страны, пропаганда в отношении которых считалась важнейшим направлением работы. «Доклад Брайса» является образцом для подобных пропагандистских инструментов по сей день. – *Прим. переводчика.*

*Стрелял в детей и жен он
И в маленьких детишек,
Стрелял в детей и жен он,
Смеясь над смертью их.*

Можно привести один-два примера доказанной ложности заявлений, сделанных людьми в состоянии возбуждения и негодования. Так, сообщалось, что от тридцати до тридцати пяти немецких солдат вошли в дом извозчика из Земста Дэвида Торденса, связали его, пятеро или шестеро изнасиловали в его присутствии его тринадцатилетнюю дочь, после чего подняли ее на штыки. После этого ужасного злодеяния они закололи штыками его девятилетнего сына и застрелили жену. Жизнь Дэвида была спасена благодаря своевременному прибытию бельгийских солдат. Далее утверждалось, что все девушки в Земсте подверглись нападениям и насилию со стороны немцев.

Секретарь коммуны Пол ван Бокпурт, мэр Питер ван Асбрек и его сын Луис ван Асбрек в показаниях, сделанных под присягой 4 апреля 1915 г. в Земсте, заявили, что имя, которым называли извозчика – Дэвид Торденс – им абсолютно неизвестно; что такой человек не проживал в Земсте до войны и был совершенно неизвестен в коммуне; что во время войны ни одна женщина или ребенок младше 14 лет не были убиты в Земсте; и что если бы подобное происшествие имело место, они бы точно об этом знали.

В другом опубликованном свидетельстве утверждалось, что в Тернате немцы встретили мальчика и спросили у него дорогу до Турта, а поскольку мальчик не понимал, отрубили ему обе руки³.

Заявление мэра Терната, доктора Пудта, 11 февраля 1915 г.:

Я заявляю, что в этом нет ни слова правды. Я находился в Тернате с начала войны, и невозможно, чтобы мне об этом не сообщили; это чистая выдумка.

После публикации различных свидетельств пять американских военных корреспондентов сделали следующее заявление:

Дабы стала известна правда, мы публично заявляем: истории о немецкой жестокости из того, что мы могли наблюдать, являются неправдой. Пробыв две недели вместе с немецкой армией и сопровождая войска на протяжении ста миль, мы не можем сообщить ни об одном случае незаслуженных наказаний или мер возмездия. Не можем мы подтвердить и какие-либо слухи касательно дурного обращения с пленными и мирным населением. После нахождения с немецкими войсками в Ландене, Брюсселе, Нивеле, Бюисьере, Мерб-ле-Шато, Сольр-сюр-Самбре, Бомонте мы не имеем ни малейшего повода высасывать из пальца случаи эксцессов. Множество слухов после проведенного расследования мы нашли безосновательными. Немецкие солдаты везде оплачивали свои покупки, проявляли уважение к частной

³ Цит. по: Правда: путь к справедливости и примирению (Truth: A Path to Justice and Reconciliation). – Прим. автора.

собственности и гражданским правам. Мы обнаружили, что после битвы в Бюисьере женщины и дети чувствовали себя в полной безопасности. Один гражданин был застрелен в Мерб-ле-Шато, однако никто не смог доказать его невиновность. Беженцы, которые рассказывают о жестокости и грубости, не смогли предоставить абсолютно никаких доказательств. Дисциплина в немецких войсках отличная, никакого пьянства. Бургомистр Сольр-сюр-Самбра добровольно проверг все слухи о жестокости в этом районе. Мы как журналисты даем слово, что все вышеизложенное – правда.

(Подписи) Роджер Льюис, Associated Press; Ирвин Кобб, Saturday Evening Post, Philadelphia Public Ledger, Филадельфия; Гарри Хансен, Chicago Daily News, Чикаго; Джеймс О'Донелл Беннетт, Chicago Tribune; Джон Т. МакКатcheon, Chicago Tribune, Чикаго.

В выпуске *New York World* от 28 января 1915 г. появилась следующая депеша:

Вашингтон, 27 января. Из тысяч бельгийских беженцев, которые сейчас находятся в Англии, никто не подвергался зверствам со стороны немецких солдат. Такова, в действительности, суть отчета, полученного Госдепартаментом. В отчете утверждается, что британское правительство изучило тысячи сообщений о том, что немецкие солдаты чинили произвол над бельгийскими беженцами. На начальном этапе войны колонки британских газет были полны таких обвинений. Согласно отчету американского посольства в Лондоне, представители британского правительства их внимательно изучили, опросили предполагаемых жертв и тщательно рассмотрели все доказательства. После проведенного расследования британский МИД уведомил американское посольство, что обвинения, по всей видимости, основаны на истерии и обычных предрассудках. В отчете также отмечается, что многие бельгийцы испытывали страдания, однако должны винить в этом в большей степени обстоятельства войны, нежели отдельных немецких солдат.

Следующий отрывок встречается в отзыве на «Храбрых бельгийцев» Байрона К. Баттина, опубликованном 19 марта 1918 г. в литературном приложении к *New York Times*. Бельгийский министр обороны барон де Броквиль написал предисловие к работе, высоко оценив ее правдивость и беспристрастность:

В работе приводятся свидетельства очевидцев первых трех месяцев вторжения в Бельгию, составленные из отчетов различных людей, которые внесли свой вклад в это выдающееся сопротивление – полковники, мэры, армейские капелланы, лейтенанты и т.д. В них едва ли найдется и намек на «жупел» – немецкие зверства или безымянные и бессмысленные ужасы, которые описаны в докладе комиссии Брайса.

Удивительный пример того, как ложь о зверствах может до сих пор сохраняться в сознании некоторых людей и распространяться даже сей-

час, представлен в письме, опубликованном не далее как 12 апреля 1927 г. в *Evening Star*, г. Данидин, Новая Зеландия. Автор, мистер Гордон Катто, отвечая своему адресату на тему зверств, пишет:

Моя жена, которая в 1914–1915 гг. работала медсестрой в Ramsgate General Hospital в Англии, ухаживала за бельгийскими беженцами – женщинами и детьми, ставшими жертвами алчности и жестокости гуннов; встречались женщины с отрезанной грудью и дети с отрубленными кистями рук.

Это было свидетельство практически из первых рук с указанием и места, и времени. В этой связи женщина-следователь направила запрос секретарю *Ramsgate General Hospital*, и был получен следующий ответ:

Ramsgate General Hospital, 4, Cannon Road, Ramsgate, 11 июня 1927 г.

Уважаемая мадам! Я теряюсь в догадках, откуда могла появиться информация о зверствах, совершенных немецкими солдатами в отношении женщин и детей, поскольку в Ramsgate таких случаев зафиксировано не было.

Искренне Ваша, (подпись) Сидни У. Смит.

Примером того, как человек, введенный в заблуждение полученной информацией, сам не имеет никакого желания распространять ложь, может служить случай с баптистским пастором из Шеффилда, проповедовавшим о зверствах. 28 февраля 1915 г. на проповеди в баптистской капелле *Wash Lane* в Летчфорде он рассказал прихожанам о двенадцатилетней бельгийской девочке из Шеффилда, которой немцы отрезали нос и вспороли живот, но она выжила и идет на поправку.

На запрос, действительно ли имело место подобное заявление, он ответил:

Я написал нашему бельгийскому консулу, чтобы выяснить имя и адрес девочки, чей случай я привел в качестве примера в Летчфорде. Если то, что я слышал, окажется правдой, все гораздо хуже, чем я утверждал. Я также попросил его предоставить информацию о еще одном подобном случае, которую буду рад передать вам, если и как только смогу собрать факты.

Бельгийский консул в письме от 11 марта ответил:

Хотя я слышал о ряде случаев жестокого обращения с бельгийскими девочками в той или иной форме, в процессе расследования не обнаружил ни в одном из них ни капли правды, мне также неизвестно ни о какой девочке из Шеффилда, у которой был отрезан нос или вспорот живот. Я также изучил случаи в других городах, но мне еще не удалось получить каких-либо весомых подтверждений.

Соответственно, пастор проинформировал своего собеседника:

Я сейчас пишу письмо в свою старую церковь в Летчфорде. Его прочтут в следующее воскресенье, чтобы опровергнуть историю, которую я рассказал, опираясь, казалось бы, на достоверный источник.

И я рад, что не поведал обо всех якобы имевших место фактах в том виде, в котором они были предоставлены мне.

С большой благодарностью за Ваше письмо и расследование.

Тем не менее следует опасаться, что его паства, удовлетворившись подтверждением истории с кафедры, распространила ее за пределами досягаемости для последующих опровержений.

Истории о зверствах из зарубежной прессы могли бы составить чуть ли не целую библиотеку. Беглый взгляд на любую иностранную газету покажет, что едва ли можно найти страницу в любом из номеров, свободную от таких историй. В Восточной Европе они были особенно ужасающими, став почти общепринятой формой самовыражения журналистов со всех сторон. Ожесточение европейцев было проведено весьма основательно. Но моральное негодование и даже физическая тошнота подавлялись избытком ужасов и вопиющих преувеличений. В истории журналистики не может быть более позорного периода, чем четыре года Первой мировой войны.

Выходящая в Гааге нейтральная газета (*Nieuwe Courant*) 17 января 1916 г. так подытожила эффект от пропаганды:

Военная пропаганда в газетах – отравы, которую сторонние лица могут переносить только в очень малых дозах. Если воюющие стороны продолжают применять ее, эффект будет противоположным ожидаемому. Так обстоит дело с потоком литературы по делу Кэвелл⁴ и другими формами, где нам преподносится отравы Баралонга⁵. Отведав ее, мы отворачиваемся с отвращением, раздраженные лишь горьким послевкусием – обещанным возмездием.

Фейковые фотографии

Для непосвященных в фотографиях есть что-то в значительной степени достоверное. Кажется, нет ничего более аутентичного, чем снимок. Никому не придет в голову ставить под сомнение фото, и поэтому поддельные снимки обладают особой ценностью, оказывая гораздо более сильное воздействие,

⁴ Эдит Кэвелл – британская медсестра, переехавшая в Бельгию в 1895 г. Во время немецкой оккупации оказывала помощь раненым солдатам всех воюющих сторон и помогала переправлять их в нейтральные страны, за что была казнена в 1915 г. по решению военно-полевого суда. После этого стала национальным пропагандистским символом. В ходе войны распространили множество плакатов с изображением того, как ее расстреливают, а в 1918 г. был снят фильм «Женщина, которую расстреляли немцы». – *Прим. переводчика.*

⁵ Инцидент с участием британского судна «Баралонг» произошел в 1915 г. Во время патрулирования оно обнаружило, что немецкая подводная лодка U-27 собиралась потопить британский пароход «Никосиан», перевозивший военные грузы. «Баралонг» шел под американским флагом и подал сигнал, что собирается принять на свой борт экипаж британского судна. Дождавшись, пока тот сядет в спасательные шлюпки, «Баралонг» открыл огонь и потопил U-27. Выжившие из немецкого экипажа U-27 добрались до «Никосиана», однако их расстреляли в трюме. Германия была возмущена этим инцидентом и перестала соблюдать общепринятые правила в ходе морских боестолкновений. – *Прим. переводчика.*

чем любое утверждение, которое можно раскритиковать или отвергнуть. Фальсификацию можно установить только по прошествии длительного периода времени, если это вообще когда-либо произойдет. Во время войны подделка фотографий превратилась практически в целую индустрию. В этот процесс оказались вовлеченными все страны, но самыми большими экспертами были французы. Впоследствии некоторые оригиналы фото были собраны и опубликованы в работе Фердинанда Авенариуса «Как проектировалось мировое безумие» (*How the World Madness Was Engineered*).

Описание некоторых случаев будет приведено ниже.

В *Das Echo* 29 октября 1914 г. была размещена фотография немецких войск, марширующих по сельской дороге в Бельгии. Она была перепечатана в *Le Journal* 26 ноября под заголовком «Немцы в отступлении. Эта фотография дает исчерпывающее представление об отступлении армии генерала фон Гинденбурга после битвы на Висле».

На фотографии, сделанной Карлом Делиусом из Берлина, показано прибытие мешков с почтой в полевое почтовое отделение в Кавеваре. В *Daily Mirror* от 3 декабря 1915 г. она была размещена со следующим описанием: «Заставили стирать грязное белье гуннов. Белые скоты заставляют потеть сербов, которые вынуждены обстирывать захватчиков. Как и большинство клиентов, не оплачивающих свои счета, они брюзжат и жалуются. Вот куча, которая только пришла из стирки».

Во время еврейских погромов в России в 1905 г. был сделан ряд фотографий, и некоторые из них имели хождение среди американских евреев. На одной из этих фотографий было изображено несколько трупов с собравшейся вокруг толпой. Она была перепечатана в *Le Mirror* 14 ноября 1915 г. с заголовком «Преступления немецких орд в Польше». Некоторые другие фото были перепечатаны в газетах аналогичным образом. Аргентинское издание *Critica* с их помощью изобличало зверства немцев.

На одной фотографии была запечатлена толпа в Берлине перед королевским дворцом 13 июля 1914 г. (перед началом войны). Она была воспроизведена в *Le Monde Illustré* 21 августа 1915 г. с заголовком «Энтузиазм и радость варваров» и пояснением, что это была демонстрация, где праздновалось потопление «Лузитании»⁶.

⁶ Британское пассажирское судно, затопленное немецкой подводной лодкой в мае 1915 г. Было одним из лучших в своем классе, получив «Голубую ленту Атлантики» за самое быстрое пересечение Атлантического океана. Потопление было произведено во время выполнения ею 201-го трансатлантического рейса. На борту находились почти 2000 человек, из которых 1200 погибли. Это событие вызвало резкое возмущение во всем мире и особенно в США, поскольку погибли более 100 американских граждан (российских граждан – 43). Считается, что данный случай повлиял на общественное мнение американцев, которые в то время предпочитали придерживаться нейтралитета, и поспособствовал вступлению США в Первую мировую войну. В дальнейшем выяснилось, что «Лузитания» перевозила на борту боеприпасы, взрыв которых и мог вызвать ее потопление. Также существуют версии, что британский морской флот намерено не стал конвоировать «Лузитанию», провоцируя тем самым атаку на нее немецких подлодок. Более подробную информацию можно найти в книге Эрика Ларсона «Мертвый след. Последний вояж “Лузитании”» (*Dead Wake: The Last Crossing of the Lusitania*). – Прим. переводчика.

Фотография, появившаяся на страницах берлинского издания *Tag* 13 августа 1914 г., изображала длинную очередь мужчин с тазами. Под ней было написано: «Как мы относимся к интернированным русским и французам; выстраивание интернированных лиц перед раздачей еды». Этот же снимок был воспроизведен в *Daily News* 2 апреля 1915 г. под следующим заголовком: «Немецкие рабочие чувствуют себя ущемленными. Толпа выстроилась в очередь за пайками – обычное зрелище в Германии. Так работает наша военно-морская мощь».

Фотография немецких офицеров, осматривающих ящики с боеприпасами, была размещена изданием *War Illustrated* 30 января 1915 г. как фото «немецких офицеров, грабящих сундуки во французском шато».

Фотография немецкого солдата, склонившегося над павшим товарищем, была опубликована в *War Illustrated* 17 апреля 1915 г. со следующим описанием: «Наглядное доказательство нарушения гуннами правил войны, немецкий упырь пойман прямо в момент ограбления русского».

9 июня 1914 г. в *Berlin Lokalanzeiger* появилась фотография трех офицеров кавалерии, державших кубки и другие трофеи, которые они завоевали на армейских соревнованиях в беге по пересеченной местности в Грюнвальде. Она была перепечатана в русской газете «Весь мир» под заголовком «Немецкие мародеры в Варшаве», а также в *Daily Mirror* от 8 августа 1915 г. с описанием: «Три немецких кавалериста, нагруженные грабленным золотом и серебром». Конечно же, поддельные фотографии в большом количестве рассылались в нейтральные страны.

Немецкий снимок города Ширвиндт после русской оккупации был размещен в датском издании *Illusteret Familieblad* как фото «французского города после немецкой бомбардировки».

Фото трех смеющихся молодых немецких солдат из *Das Leben in Bild* за 1917 г. было подписано так: «Снова дома. Трое крепких молодых немцев, которым удалось сбежать из французского плена». Оно же вышло в датской семейной газете 2 мая 1917 г. с другой подписью: «Сбежали из ада ураганного огня. Трое немецких солдат, по-видимому, счастливы стать французскими пленниками».

Крепость в Брест-Литовске была подожжена отступающими русскими, и фотография, появившаяся в *Zeitbilder* 5 сентября 1915 г., изображает немцев, выносящих в мешках кукурузу. Она была перепечатана в *Graphic* 18 сентября как фотография «немецких солдат, грабящих фабрику в Брест-Литовске, которая была подожжена отступающими русскими».

Издание *Illustrated War News* 29 декабря 1915 г. опубликовало фотографию военных трофеев со следующим описанием: «Сержант держит разновидность кошки-девятихвостки⁷. Для чего она была использована? Немецкий кнут среди военных трофеев. Эти военные трофеи, захваченные у немцев во Фландрии, были подарены ирландским стрелкам сержантом.

⁷ Разновидность плети с девятью и более хвостами, часто имеющими твердые наконечники. Использовалась преимущественно как орудие пытки или наказания. – Прим. переводчика.

Наличие кнута придает им курьезную многозначительность». В действительности же «кнут» был обычной немецкой выбивалкой для ковров.

В русском фильме были показаны немецкие медсестры в монашеской одежде, закалывающие раненых на поле боя.

Картинка (не фотография), получившая широкое распространение, была названа «Дорога славы» (*Chemin de la gloire*) и опубликована в серии «Увиденное» (*Choses Vues*). На заднем плане – собор в языках пламени, длинная дорога, усыпанная бутылками, а на переднем – тело маленького мальчика, приколотое штыком к земле.

Однако если бы пришлось описывать все картинки и карикатуры, этому занятию не было бы конца. Без сомнения, карикатуристы имели огромное влияние во всех странах, особенно Луис Раемакерс⁸ и журнал *Punch*⁹. Несчастные нейтральные страны заваливались карикатурами с обеих сторон.

Замечательная серия фотографий была сделана членом Королевского фотографического общества Ф.Дж. Мортимером и опубликована в 1912 г. Снимки получили широкое распространение в иллюстрированных периодических изданиях. Среди них была фотография корабля *Arden Craig*, затонувшего в январе 1911 г. возле островов Силли. 31 марта 1917 г. популярный иллюстрированный еженедельник посвятил целую страницу «фотосвидетельствам прусского пиратства», и именно эта фотография была приведена для иллюстрации «парусника, торпедированного у английского побережья преступно неразборчивыми пиратами на подводной лодке». Фотографии британских кораблей мистера Мортимера также были воспроизведены в Германии под заголовком «Картины немецкого военного флота».

28 сентября 1916 г. *Daily Sketch* разместила фотографию толпы немецких пленных со следующим заголовком: «Они еще идут! Около 3000 или 4000 пленных были захвачены за последние 48 часов (официально)». 10 октября 1918 г. *Daily Mirror* воспроизвела ту же самую фотографию, под которой было написано: «Всего лишь небольшая часть уникального собрания военнопленных гуннов сезона 1918».

Преступный кайзер

После объявления врага единственным виновником и инициатором войны следующим шагом становится его персонификация. Нация состоит из миллионов людей, и абсурдность аналогии между нею и личностью преступника может быть очевидной даже для людей со средним уровнем

⁸ Луис Раемакерс – голландский художник-карикатурист. В момент начала Первой мировой войны работал в амстердамской газете *De Telegraaf*. Был известен яростной антигерманской позицией, хотя Нидерланды придерживались нейтралитета. Его работы неоднократно становились источником напряженности в отношениях Германии и Нидерландов. В 1915 г. переехал в Лондон, заключил контракт с *Daily Mail* и за короткий срок стал знаменитостью. – Прим. переводчика.

⁹ Основанный в 1841 г. британский журнал *Punch* первым применил термин «кариатура» (*cartoon*) к картинкам юмористического содержания. – Прим. переводчика.

интеллекта. Поэтому необходимо выделить личность, на которую можно обрушить чашу гнева невинных людей, которые лишь защищают себя от «неспровоцированной агрессии». Суверен – очевидный кандидат на эту роль.

И хотя во многих случаях кайзер¹⁰ становился предметом насмешек и оскорблений из-за своего буйства и хвастовства, всего несколько лет назад его портрет появлялся в *Daily Mail* с такой подписью: «Друг познается в беде». А еще 17 октября 1913 г. в *Evening Star* писали:

Мы все признаем кайзера истинным галантным джентльменом, чье слово надежнее долговых расписок многих других, гостем, которого мы всегда рады приветствовать и которого жаль потерять, правителем, чьи амбиции ради своего народа основаны на таком же действительном праве, как и наше собственное.

Однако, когда был подан сигнал, все это можно было забыть и взять прямо противоположный курс. Кайзер оказался самой удобной мишенью для потока оскорблений. Это было сделано настолько успешно, что вскоре преувеличения стали невозможными; любое преступление в календаре событий однозначно и публично приписывалось ему, и так продолжалось всю войну. Его прошлое было пересмотрено, главным образом в целях дискредитации. Однако относительно его намерения воевать с Великобританией в то время, когда она вела войну с бурами, были противоречивые мнения, что демонстрируют две приведенные ниже цитаты.

Делькассе¹¹ с помощью царя отклонил предложение Германии по созданию континентальной коалиции против нас во время Бурской войны (Times, 14 октября 1915 г., редакционная статья об отставке Делькассе).

Во время Южно-Африканской войны¹² другие государства готовились помочь бурам, однако они поставили условие, что Германия должна сделать то же самое. Кайзер отказался. Генерал Бота (сообщение в Daily News от 3 сентября 1915 г.).

Тем не менее по поводу преступных деяний кайзера в Первую мировую войну разногласий не было. Он созвал секретный совет центральных держав в Потсдаме в начале июля 1914 г., где было решено развязать войну в Европе. Впервые о тайном заговоре сообщила нидерландская газета в сентябре 1914 г. К этой истории вернулась *Times* 28 июля 1917 г. и еще раз в ноябре 1919 г. В нее верили даже в самой Германии до тех пор, пока от офицеров, контактировавших с кайзером, не были получены отчеты о том, как он провел эти дни. После чего от нее окончательно отказались и по свидетельству всех предположительных участников признали мифом. Это произошло в 1919 г., после того как она уже выполнила свою роль.

¹⁰ Вильгельм II – кайзер Германской империи с 1888 г. – Прим. переводчика.

¹¹ Теофиль Делькассе – министр иностранных дел Франции в 1898–1905 гг. – Прим. переводчика.

¹² Другое название Англо-бурской войны. – Прим. переводчика.

Представим здесь только некоторые из тысяч упоминаний о преступных деяниях кайзера.

Он (враг) начинает осознавать безнадежный характер авантюры, в которую ввязался кайзер, начав эту бессмысленную войну (Daily Mail, 1 октября 1914 г.).

Следующее письмо покойного сэра У.Б. Ричмонда, опубликованное в *Daily Mail* 22 сентября 1914 г., представляет собой ярко выраженный пример общераспространенного мнения:

Ни Англия, ни цивилизованная Европа с Азией не станут дрожать перед ненормальным кайзером, несмотря на то что по его приказу был разрушен Реймский кафедральный собор¹³. Этот последний поступок вождя варваров лишь сплотит нас всех, чтобы избавиться от бедствия, подобного которому цивилизованный мир еще никогда ранее не видел. Безумец собирает бревна для своего собственного погребального костра. Мы не можем бояться монстра, мы стиснем зубы в решимости, что, если умрем все до последнего, современный Иуда и его порожденное адом отродье будут уничтожены. Чтобы достичь этой праведной цели, мы должны быть терпеливыми и трудолюбивыми, а также энергичными. Наша великая Англия охотно прольет свою кровь, чтобы помочь цивилизации избавиться от преступного монарха и преступного двора, которым удалось создать из послушного народа стадо дикарей.

Сэр Джемс Крайтон-Браун¹⁴ сделал в Дамфрисе следующее заявление:

Удавку – кайзеру. Расстрел стал бы для него почетной смертью солдата. Удавка – вот наказание для этого преступника.

Лорд Сесил Челвудский¹⁵ заявил:

За совершенные немцами ужасные безобразия, массовые нарушения всех законов и обычаев цивилизованной войны несут ответственность германские правители, император и его приближенные советники.

¹³ Собор, построенный во французском Реймсе, считается вершиной готической архитектуры. Во время Первой мировой войны в него попало порядка 300 снарядов, что привело к серьезным разрушениям. Это событие было использовано антинемецкой пропагандой. С осуждением выступили многие деятели культуры, в том числе Анри Бергсон, Анатоль Франс, Марсель Пруст, Ромен Роллан. А Осип Мандельштам написал стихотворение «Реймс и Кельн». – *Прим. переводчика.*

¹⁴ Джеймс Крайтон-Браун – ведущий шотландский психиатр конца XIX – начала XX вв. После гибели двух внуков в Первой мировой войне и предшествовавшей этому смерти супруги отличался крайне резкими высказываниями в адрес Германии. – *Прим. переводчика.*

¹⁵ Роберт Сесил – британский политический деятель. Из-за своих пацифистских взглядов и возраста (на момент начала войны ему исполнилось 50 лет) не пошел на военную службу и с 1916 г. занимал должность министра блокады, отвечая за выработку процедур экономического давления на Германию. Был одним из архитекторов Лиги Наций, в связи с чем в ноябре 1918 г. был назначен главой отдела Лиги Наций Министерства иностранных дел Великобритании, а в 1937 г. получил за заслуги перед ней Нобелевскую премию мира. – *Прим. переводчика.*

На них, по возможности, должны обрушиться наш гнев и возмездие (Times, 15 мая 1915 г.).

В статье, сообщающей о лишении кайзера ордена Подвязки, писали:

По приказу этого коронованного преступника были сожжены города, убиты старики и дети, изнасилованы женщины и юные девушки, утоплены безобидные рыбаки. «В тот великий день, когда весь мир будет судим» он будет призван к ответу за жертвы «Фалабы»¹⁶ и «Лузитании» (Daily Express, 14 мая 1915 г.).

В 1918 г. в карикатуре журнала *Punch* кайзера изобразили в образе Каина. Под ней написали: «Более 14 тыс. мирных жителей было убито по приказу кайзера».

На рекламных щитах был размещен плакат с портретом кайзера, где его лицо было составлено из трупов, а изо рта лилась кровь. Аналогом во Франции стал мясник Гийом (Guillaume le Boucher) – изображение кайзера с огромным ножом, с которого капает кровь. Он был во всех отношениях хорошим объектом для карикатуристов, поскольку его было очень легко нарисовать.

Этот вымысел стал популярным и получил всеобщее признание в союзных державах, а у их государственных мужей возникла настоятельная необходимость включить в начало Версальского мирного договора специальный пункт:

Союзные и Объединившиеся державы предъявляют Вильгельму II Го-генцоллерну, бывшему германскому императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров.

Далее описывается состав «специального трибунала», перед которым он должен был предстать.

Взяв на себя обязательство судить кайзера в соответствии с пунктом Версальского мирного договора, союзники были обязаны соблюсти формальности и 16 января 1920 г. направили правительству Нидерландов ноту, где подчеркивалась «огромная ответственность» кайзера и содержалась просьба о его выдаче, «чтобы его можно было отправить в суд». Отказ нидерландского правительства от 23 января 1920 г. был сразу же принят и спас правительства союзников от того, чтобы выставить себя безнадежными дураками. Но еще до того, как это решение стало достоянием общественности, и после того, как в частном порядке выяснилось, что правительство Нидерландов, куда бежал кайзер, не выдаст его, была начата кампания «Повесить Кайзера», и в 1918 г. на всеобщих выборах¹⁷ потеряли голоса кандидаты, которые не поддерживали эту политическую линию.

¹⁶ Морской инцидент марта 1915 г. с затоплением немецкой подводной лодкой британского корабля «Фалаба», в результате чего погиб первый гражданин США – инженер-механик Леон Трэшер. В отличие от крушения «Лузитании», жертвами стали всего несколько человек. – *Прим. переводчика.*

¹⁷ Выборы в декабре 1918 г. стали первыми в послевоенной Великобритании. На них впервые, хотя и с рядом ограничений, голосовали и баллотировались женщины. – *Прим. переводчика.*

Правитель (кайзер), который на протяжении 30 лет говорил о ее (Германии) гордости, величии и могуществе, ныне беглец, вскоре будет предан суду (громкие аплодисменты) тех земель, которые он в интересах своей страны пытался запугать (мистер Ллойд Джордж¹⁸, Палата общин, 3 июля 1919 г.).

На самом деле ни у кого не было ни малейшего намерения делать нечто настолько абсурдное, как суд над кайзером. Никто из тех, кто был в курсе дела, не верил в его персональную ответственность за развязывание войны. Он был, причем всегда, ничтожной марионеткой и не обладал ни мужеством развязать войну, ни способностью ее остановить.

Его биограф Эмиль Людвиг¹⁹ написал в адрес Вильгельма II самое суровое из когда-либо опубликованных на каком-либо языке обвинений, где разоблачал его тщеславие, манию величия и некомпетентность. Будучи далек от того, чтобы обвинять кайзера в желании войны или ее подготовке, автор раз за разом настаивает на его мирной позиции:

Во всем европейском развитии событий между 1908 и 1914 г. император был более миролюбивым и даже более дальновидным, чем его советники.

Во время марокканского кризиса «император был настроен мирно», и, говоря о Германии, Австрии и России в последние дни июля 1914 г., Эмиль Людвиг утверждает:

Три императора, открыто выступавшие против войны, из-за амбиций, мстительности и некомпетентности своих министров были вовлечены в конфликт, опасность которого для своей власти они осознавали с самого начала и именно по этой причине пытались его избежать.

Даже лорд Грей теперь, когда все уже закончилось, заявляет:

Если бы ситуация зависела от него (кайзера), не было бы никакой европейской войны, возникшей из-за австро-сербских разногласий («Двадцать пять лет», т. 2, с. 25).

Тем не менее вплоть до 1919 г. кайзер как главный злодей пьесы выступался в союзных державах воплощением всех беззаконий.

Эта очень простая форма пропаганды оказала огромное влияние на чувства людей. Нет никаких сомнений, что тысячи ушедших на войну людей были уверены, что ее главная цель – поимка этого монстра, и плохо понимали, что война подобна шахматам: вы не можете схватить короля пока продолжается игра, это против правил. Это испортило бы игру. Аналогичным образом никогда не бомбили с обеих сторон генеральные штабы,

¹⁸ Дэвид Ллойд Джордж на момент начала войны был министром финансов, затем возглавил Министерство вооружений, а после гибели Герберта Китченера был назначен военным министром. После отставки Генри Асквита в 1916 г. стал премьер-министром. – *Прим. переводчика.*

¹⁹ Имеется в виду написанная Эмилем Людвигом книга «Кайзер Вильгельм II». – *Прим. автора.*

потому что, как прямо заявил один солдат: «Разве вы не понимаете, что это положило бы конец всему кровавому бизнесу?»

Обнаружив с сожалением, что кайзер не был схвачен или убит во время войны, люди поверили в то, что он будет осужден и повешен, когда война закончится. Если все действительно было так, как описывали, это самое малое из того, чего следовало ожидать.

Когда спустя месяцы и годы выяснилось, что никто из ответственных лиц в действительности никогда не верил в персональную вину кайзера, что клич «Повесить кайзера» был частью сознательного блефа, и что когда все закончилось и миллионы невинных людей были убиты, ему, преступнику, монстру, заговорщику и инициатору всей этой катастрофы, позволили комфортабельно и мирно жить в Голландии, то разочарование простых, неосведомленных людей было гораздо больше, чем можно было себе представить. Именно разоблачение этой грубой лжи впервые заставило многих простых людей задаться вопросом, не были ли они аналогичным образом одурачены и в других отношениях.

Исключительная ответственность Германии за войну

Обвинение врага в исключительной ответственности за развязывание войны – стандартная формулировка каждой нации в каждой войне. Что касается нас, если взять некоторые недавние случаи, то русские (в Крымской войне), афганцы, арабы, зулусы и буры были, в свою очередь, беспричинными агрессорами. Это необходимая ложь, основанная на текущем предвзятом мнении одной из сторон в споре, и она становится незаменимой основой для всей последующей пропаганды. Передовицы газет в начале каждой войны посвящены изменениям на эту тему и сформулированы настолько похоже, что создается впечатление, что газетные заготовки были припасены заранее, а, когда приходит момент, остается только подставить имя врага, кем бы он ни оказался. Постепенно, по мере того как возвращается благоразумие и укрепление мира становится настоятельной необходимостью для всех наций, обвинения снимаются официально. Едва ли есть необходимость приводить многочисленные примеры всеобщего признания исключительной ответственности Германии, преступности и злых намерений. Подобные заявления можно собирать в каждой стране по обе стороны линии фронта.

Это [объявление войны] едва ли является неожиданной новостью из-за длинной цепочки фактов, которые свидетельствуют о том, что Германия намеренно вызвала кризис, нависший сейчас над Европой (Times, 5 августа 1914 г.).

Только Германия и Австрия хотели этой войны (сэр Валентайн Чирол²⁰, Times, 6 августа 1914 г.).

²⁰ Игнатиус Валентайн Чирол — британский дипломат, историк и журналист. Во время Первой мировой войны путешествовал по Балканским странам, встречаясь с официальными лицами, чтобы убедить их присоединиться к Антанте. – Прим. переводчика.

И на ком же лежит эта ответственность? ...На одной и только на одной державе, и эта держава – Германия (из выступления мистера Асквита²¹ в Гилдхолле, 4 сентября 1914 г.).

[Мы боремся] чтобы победить самый опасный заговор, когда-либо замышляемый против свободы наций, умело, тщательно, коварно и тайне от всех спланированный во всех деталях с беспощадной и циничной решимостью (из выступления Ллойда Джорджа, 4 августа 1917 г.).

Лорд Нортклифф, отвечавший за военную пропаганду, понимал, насколько важно было сделать эти обвинения основой всей своей деятельности.

Положение союзников в отношении Германии определяется тем фактом, что ответственность за войну несет она... Союзники никогда не должны уставать настаивать на том, что являются жертвами преднамеренной агрессии (из книги «Тайны дома Крю»).

Среди многочисленных сторонников умеренных взглядов в августе 1914 г. был лорд Розбери²², который писал:

Это было настоящей искрой среди огромного порохового погреба, который народы Европы строили последние двадцать или тридцать лет... Я не знаю, был ли тот, кого можно назвать устройтеlem всего этого... И я не стал бы в отсутствие доказательств возлагать такое бремя на кого бы то ни было.

Тем не менее обвинения выдвигались во всех странах Антанты настолько неистово и настойчиво, что правительства были вынуждены внести их в Версальский мирный договор:

Ст. 231. Союзные и Объединившиеся правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных Союзными и Объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников.

Когда накал войны начал спадать, постепенно утихли и обвинения. Сами политические деятели их и сняли.

Чем больше читаешь мемуары и книги, написанные в разных странах о том, что происходило до 1 августа 1914 г., тем больше осознаешь, что на тот момент никто из глав государств не имел намерения воевать. Это было нечто, во что они втянулись или, вернее сказать, потеряли устойчивость и свалились, возможно, по глупости, и я не

²¹ Герберт Генри Асквит был премьер-министром Великобритании с 1908 по 1916 г. Ушел в отставку в самый разгар войны из-за того, что потерял поддержку Палаты общин. Его речь в Гилдхолле вошла в книгу «Великие речи военного времени» (Great Speeches of the War), выпущенную в 1915 г. – Прим. переводчика.

²² Арчибалд Филипп Примроуз, 5-й граф Розбери – премьер-министр Великобритании в 1894–1895 гг. – Прим. переводчика.

сомневаюсь, что обсуждение все могло бы предотвратить (из выступления Ллойда Джорджа, 23 декабря 1920 г.).

Я не могу утверждать, что Германия и ее союзники были единственными ответственными за войну, которая опустошила Европу... Те заявления, которые мы все делали во время войны, были орудием, использовавшимся в то время; теперь, когда война закончена, они не могут выступать в качестве серьезного аргумента... Когда появится возможность тщательно изучить дипломатические документы времен войны и время позволит нам судить о них спокойно, станет понятно, что настоящей и основной причиной мирового конфликта была позиция России (из выступления Франческо Нитти²³, бывшего премьер-министра Италии).

Найдется ли хоть один мужчина или женщина, позвольте мне спросить, найдется ли хоть один ребенок, который не знает, что война в современном мире произрастает из торгово-промышленной конкуренции? ...Это была промышленная и коммерческая война (из выступления Вудро Вильсона²⁴, 5 сентября 1919 г.).

Я не утверждаю, что Австрия или Германия изначально имели сознательное продуманное намерение спровоцировать всеобщую войну. Никакие из существующих документов не дают нам права предполагать, что в то время планировалось нечто столь систематическое (из выступления Раймона Пуанкаре²⁵, 1925 г.).

*Осмелюсь сказать, что вера в исключительную вину Германии невозможна даже для господина Пуанкаре. Но если кто-то может выстроить политику, основанную на теории об исключительной вине Германии, то ясно, что он должен строго придерживаться этой теории или, по крайней мере, создавать видимость убежденности (из выступления генерала Сухомлинова, российского военного министра²⁶, цит. по: *Journal Officiel*, 5 июля 1922 г.).*

Пресса и публицисты также сменили свой тон.

Возлагать на Германию единоличную ответственность за войну, исходя из того, что нам уже известно, а будет известно еще больше, аб-

²³ Франческо Саверио Нитти занимал пост премьер-министра Италии с 1919 по 1920 г., в 1911–1914 гг. был министром сельского хозяйства, торговли и промышленности, с 1917 по 1919 г. – министром финансов. – *Прим. переводчика.*

²⁴ Томас Вудро Вильсон – президент США с 1913 по 1921 г. Его вторая выборная кампания проходила в 1916 г. – в самый разгар Первой мировой войны – под лозунгом «Он уберег нас от войны». Через несколько месяцев после переизбрания был найден повод для вступления США в войну. – *Прим. переводчика.*

²⁵ Раймон Николая Ландри Пуанкаре – президент Франции с 1913 по 1920 г. Был убежденным германофобом, на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. выступал за оккупацию Рейнской области. – *Прим. переводчика.*

²⁶ Владимир Александрович Сухомлинов – военный министр Российской империи с 1909 по 1915 г. Был уволен со своего поста в связи с коррупционным скандалом. – *Прим. переводчика.*

сурдно. Составлять договор, основываясь на абсурде, несправедливо. С человеческой, моральной и исторической точки зрения Версальский мирный договор заслуживает осуждения, не говоря уже о его экономической чудовищности (Остин Харрисон, редактор English Review).

Совершали ли мстительные нации что-либо более подлое, жливое или жестокое, чем то, когда союзники посредством Версальского договора сделали Германию козлом отпущения, чтобы она одна несла вину, которая лежала на всех? Какая нация не запятнала свои руки и сердце? (Чарльз Ф. Доул).

В 1923 г. представители стран создали Временную смешанную комиссию, чтобы разработать проект Договора о взаимной помощи под эгидой Лиги Наций. Полностью осознавая, что именно их правительства объявили действия Германии ужасающим и неоспоримым примером неспровоцированной агрессии, они оказались совершенно неспособны дать определение такой агрессии. Бельгийская, бразильская, французская и шведская делегации в ходе подготовки меморандума заявили:

Недостаточно просто повторять формулу «неспровоцированная агрессия», поскольку в условиях современных способов ведения войны представляется невозможным даже теоретически решить, что представляет собой случай агрессии.

Эта точка зрения была фактически принята и Комитетом юристов, когда во время консультаций было предложено отказаться от термина «агрессия». В соответствии с Пактом Лиги Наций, в будущем, если нации откажутся следовать рекомендациям Совета Лиги Наций или вердикту Суда и прибегнут к оружию, эти случаи будут трактоваться как военная агрессия.

В 1925 г., в преамбуле Локарнского договора²⁷, заключенного между Германией, Францией и Великобританией, не остается ни малейшего отголоска обвинений, более того, в него включается следующая фраза:

Стремится удовлетворить желания безопасности и защиты, что воодушевляет народы, на которые обрушились бедствия войны 1914–1918 гг. (les Nations qui ont eu à subir le fléau de la guerre).

Здесь не место осуждать вопрос ответственности, сваливать вину с одной нации на другую или демонстрировать степень действительной вины Германии. Исключительная ответственность очень сильно отличается от некоторой ответственности. Немцы и австрийцы были заняты, не без веских оснований, обвинением России. Но споры, неразбериха и удручающая некомпетентность дипломатии всех сторон в последние несколько недель были причиной войны не больше, чем убийство эрцгерцога, хотя

²⁷ Локарнские договоры – семь договоров, подписанных в октябре 1925 г. и вступивших в силу в сентябре 1926 г., когда Германия стала членом Лиги Наций. Они разделяли европейские границы на две категории: западные, незыблемые по договору, и восточные, в отношении которых не было дано никаких гарантий. – Прим. переводчика.

для создания ложного впечатления всегда разрабатываются специальные документы.

Причины уходили корнями глубоко в прошлое, и представляется сомнительным, что даже историки будущего смогут распределить вину между вовлеченными сторонами с какой-либо степенью точности.

Лорд Сесил Челвудский недавно указал на одну из самых несомненных из всех сопутствующих и непосредственных причин. Выступая в Лондон Сити в 1927 г., он ссылался на «гигантскую конкуренцию в области вооружений перед войной»:

Никто не может отрицать, что состояние умов, вызванное гонкой вооружений, подготовило почву, на которой вырос ужасный побег, принесший в конечном итоге плод в виде Первой мировой войны.

Приведенного выше ряда цитат достаточно, чтобы показать, что исключительная вина врага является, как всегда, мифом военного времени. Тем не менее огромный успех пропаганды надолго запечатлевается в умах тех, кто хочет оправдать перед самим собой свои действия в поддержку войны, и тех, кто не потрудился проследить последовавшие затем отмены и отказы от того, что утверждалось ранее. Более того, этому мифу позволяют сохраняться, насколько это возможно, в общественном сознании в форме страха перед «неспровоцированной агрессией», и он становится главным и, по сути, единственным оправданием подготовки к новой войне.

Лесив Б.В. Правовой реализм против юридического формализма: вердикт судьи О. Холмса // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 107-139. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_107

УДК 340.12

DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_107

Правовой реализм против юридического формализма: вердикт судьи О. Холмса

Богдан Васильевич Лесив

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
E-mail: forbod@bk.ru

*Поступила в редакцию 08.02.2024, поступила после рецензирования 29.04.2024,
принята к публикации 29.05.2024*

Подход к праву, разработанный известным американским судьей О. Холмсом, остается малоизученным в России по ряду причин методологического характера. Одна из них заключается в том, что исследования не предваряются целенаправленной концептуализацией формализма как общего импульса, побудившего американское юридическое сообщество XIX–XX вв. рассматривать юридическую практику с точки зрения новых ценностей. Реалистический подход к праву зародился не в абстрактных рассуждениях, а в качестве ответа на конкретные проявления формалистского подхода. Следовательно, содержание одного из них (и его познание) в определенной степени обусловлено содержанием другого (и его познанием, вернее, познанием его «неправильных» элементов). В свою очередь, критика других течений правовой мысли – позитивизма, естественно-правовой

© Лесив Б.В., 2024

и исторической школ – стала скорее закономерным проявлением общей антиформалистской установки, нежели спором с каждым течением в отдельности. Еще одной методологической проблемой является такая особенность американского реалистического подхода, как направленность на *common law* (или американское право), но не право в целом как общесоциальный феномен. О. Холмс и другие правоведы отвечали в первую очередь на «практический» судебный формализм в Англии и США, достигший пика в XIX столетии. Восполнение указанных упущений и методологически последовательное обращение к учению О. Холмса актуально в двух аспектах: во-первых, для определения предметных границ и аксиологических координат правового реализма в американской юриспруденции с целью внесения уточнений в стандартную типологизацию правового мышления; во-вторых, для объяснения конкретных практических закономерностей развития американского права (особенно судебного) с точки зрения воплощения одной из самых авторитетных моделей правового мышления. Целью настоящей статьи является уточнение отправных точек реалистического подхода к праву в трудах О. Холмса через определение того, что понималось под юридическим формализмом, а также прояснение решений, которые предложили реалисты взамен формалистских практик. Корреспондирующей особенностью работы стали акценты на те положения, которые органично подтверждаются примерами из практики *common law*, в частности, доктрина свободного рынка идей.

Ключевые слова: правовой реализм, формализм, историческая школа права, формальная логика, источники права, общее право, судебное правотворчество, аналогия права, свободный рынок идей

Legal Realism vs Legal Formalism: Justice Holmes' Judgment

Bogdan V. Lesiv

National Research University Higher School of Economics (HSE University)

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

E-mail: forbod@bk.ru

Received 08.02.2024, revised 29.04.2024, accepted 29.05.2024

Abstract. The approach to law elaborated by the distinguished American judge Oliver Wendell Holmes Jr. remains poorly studied in Russia due to several methodological obstacles. One of the problems arises when the study is not preceded by a deliberate conceptualization of legal formalism as a general impetus that prompted the American legal community in 19th – 20th centuries to discuss legal practice from the perspective of new values. The realistic approach to law was not the creation of abstract reasoning, but rather it was a response to concrete manifestations of another approach – the formalistic. Accordingly, the substance of the particular approach (and its cognition) is to a certain extent determined by the substance of the other (and cognition of it – or rather, cognition of its “wrong” elements). Moreover, realists criticized other movements of legal thought, i.e. positivism, natural law theory, and the historical school, also as an expression of a common anti-formalist attitude, rather than beginning a separate dispute with each of them. Another methodological issue relates to such a peculiarity of the American

realistic approach as a focus on contemplating the life of common law (or American law), but not law as a universal social phenomenon. Justice Holmes and other American jurists responded primarily to the “practical” judicial formalism in England and the USA, which peaked in the 19th century. Making up for these two omissions is essential for methodologically consistent reference to Holmes’ teachings and is relevant in two aspects: first, for enhancing and clarifying the standard classification of legal doctrines; secondly, it reveals the reasons for specific practical patterns of the development of American law (especially judicial) influenced by one of the most authoritative models of legal thinking. The article aims to clarify the starting points of the American realistic approach to law through Holmes’ works and by virtue of his definition of legal formalism. One of the key questions is what the solutions are that realists proposed instead of formalist practices. The corresponding feature of the article is the emphasis on those Holmes’ pieces which are organically confirmed by examples from the common law, in particular, the free market of ideas doctrine.

Keywords: legal realism, formalism, historical school of law, formal logic, sources of law, common law, judicial law-making, analogy of law, free market of ideas

For citation: Lesiv B.V. Legal Realism vs Legal Formalism: Justice Holmes’ Judgment, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 107-139. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_107

Понятие и виды юридического формализма

Сама по себе постановка вопроса о юридическом формализме в качестве концепции, противопоставляемой правовому реализму¹, на первый взгляд кажется довольно необычной. Традиционными объектами внимания и критики реалистов считаются школы естественного права и правового позитивизма, и обычно историография правовых учений в данной части строится именно на соотношении указанных течений. Каким же образом в этот ряд мог попасть юридический формализм?

Юридический формализм не является нейтральной категорией или течением правовой мысли: в самом понятии скрывается доля скепсиса, подразумевающая нечто выходящее за рамки здравого смысла². С учетом этого не совсем понятно, почему нечто негативное стало предметом общественно-правовой дискуссии, да еще и с глобальными последствиями в виде формирования целого блока теоретико-идеологических постулатов в рамках полномасштабного движения правовых реалистов.

¹ В настоящей статье термины «реализм» и «реалисты» используются в широком смысле для обозначения *реалистического подхода к общему праву*, как он описан в первых двух разделах, и не сводятся к идейному течению американского правового реализма 1920–1930-х гг. или его радикальным ответвлениям.

² Формализм – это формальность, то есть подкрепленная только внешними атрибутами мелочность действия, бездействия, решения и их аргументации, доведенные до системных масштабов, позволяющих охарактеризовать происходящее одним словом с характерным для такой цели суффиксом *-изм* (имеет значение мыслительного течения, системного стиля, в нашем случае – характера действия).

Школы позитивизма и юснатурализма вопросов в данном плане не вызывают. Это концепции бытия права, их внимание сосредоточено на том, каким право есть и должно быть, каковы его источники. С научно-теоретической точки зрения данные концепции нейтральны и представляют собой часть здоровой политико-правовой дискуссии, с ними можно соглашаться или нет. Общая теория права как наука изучает их равным образом в качестве объективного феномена, самоценных результатов мыслительной деятельности. Но формализм не укладывается в диапазон уступчивости по принципу плюрализма мнений, и в привычном нам понимании оставаться нейтральным к нему практически невозможно.

В американской юриспруденции сложилось особое представление о формализме. Речь идет не о конкретном течении правовой мысли, а о типе правового мышления при решении вопросов права и методологических подходах к работе с правовым материалом. Этот тип мышления реалисты противопоставляли типу судебно-правового мышления, который, как они полагали, присущ (или должен быть присущ) судам в системе *common law* – прецедентного (общего) права. Истоки такого противопоставления усматриваются в изначальном антагонизме восприятия римского права в Англии и континентальной Европе, в результате чего сформировались два разных методологических подхода к решению правовых вопросов – основанный на казусах и основанный на абстракциях (Лесив 2022а: 52–63). Первый представлял собой «метод перевода конкретных общественных отношений [на язык права]», второй – схоластический метод (Томсинов 1993: 128, 131), не работающий непосредственно с жизненной эмпирикой³. Методология традиционного *common law* казуистична: оно формировалось децентрализованно в процессе разрешения конкретных дел и имеет больше сходств с римской классикой. В свою очередь, метод симметрического построения кодифицированного континентального права при помощи формального анализа источников права больше напоминает постклассический период господства Свода Юстиниана.

В XIX в. второй подход получил новый виток развития, начал широко применяться в Европе и оказывать влияние на системы общего права, вызвав бурную реакцию американских представителей *common law*. Обычно правовой реализм (социологию права) рассматривают как прогрессивное и новаторское движение конца XIX – первой половины XX вв., но в действительности их можно было бы назвать консерваторами, отстаивавшими исконный (традиционный) подход *common law*. Камнем преткновения между реализмом и формализмом стали тезисы последнего о том, что систему права можно построить при помощи формальной логики, используя только ее приемы. Реалисты были в корне не соглас-

³ Казуистический характер английского и американского права отсылает к методу классического римского права, тогда как симметрическая система кодифицированного континентального права заинтересована в «синтетическом анализе» и больше характеризуется как постримская, нежели подлинно римская.

ны с тем, что систему права может создать, не выходя из кабинета, клерк, ученый, философ или даже их группа, пусть самая интеллектуальная и образованная, но имеющая лишь *представления* о жизненном опыте, не работающая с ним *непосредственно* в процессе изучения и создания права.

Становится ясно, что в таком ключе и позитивизм, и школа естественного права могут представлять проявления формалистского подхода и, следовательно, быть «антагонистами» правового реализма: позитивизм – если речь идет о создании оторванных от жизни и не обусловленных ничем, кроме воли (разума) правителя, «команд»; естественное право – когда из одних «высших» общих принципов «выводятся» другие, конкретные. То есть скорее именно из-за формалистских проявлений указанные концепции получили львиную долю критики реалистов, а не из-за априорного несогласия с их положениями. Эта линия является центральной в трудах судьи Верховного Суда США Оливера У. Холмса (1841–1935).

Прежде чем приступить к анализу проблематики юридического формализма сквозь призму взглядов американского судьи, необходимо сделать еще одну контекстуальную оговорку, касающуюся двух известных проявлений этого феномена. В одном случае речь идет о жизненных ситуациях, еще не разрешенных при помощи права, другими словами, когда отсутствует (еще не принята законодательно или не сформирована прецедентной практикой) правовая норма. В отечественной юриспруденции об одной из разновидностей таких ситуаций принято говорить как о «пробелах в праве», имея в виду, что нормы не существует, хотя следовало бы (поскольку имеется практическая необходимость). В правопорядках, основанных на европейской традиции «рецепции» римского права, на этот случай предусмотрены понятия аналогии закона и аналогии права, то есть нормативные аналогии, в основе которых лежит исключительно логическая деятельность судьи: размышление над законодательными текстами, анализ наиболее близких по смыслу правовых институтов, выявление системно-структурных связей «вокруг» недостающей ячейки в системе права с целью формулировки решения, «восполнения» пробела вместо законодателя (можно сказать, повторяя мыслительную модель его нормотворческой техники)⁴. Формализм в таких случаях может проявляться в том, что для принятия решения по делу (а фактически – для создания нормы разрешения спора, для «восполнения» пробела) не используется *ничего, кроме инструментов формальной логики*.

Именно такому проявлению юридического формализма посвящены труды О. Холмса, поскольку здесь возникает проблема источников и методов судебного правотворчества, то есть проблема в масштабе системы

⁴ В одном из флагманских гражданских кодексов Европы – ГК Швейцарии – так и сказано: в случае отсутствия законодательного положения или правового обычая судья решает дело в соответствии с правилом, которое он сам бы создал в качестве законодателя (п. 2 ст. 1). См.: Swiss Civil Code (December 10, 1907) // Fedlex Die Publikationsplattform des Bundesrechts. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/en (дата обращения: 07.02.2024).

права как таковой. Тип юридического мышления влияет в данном случае на то, как определяется содержание правил, по которым должно жить общество, то есть поднимается вопрос об эпистемологической модели получения знания о надлежащем поведении. Следовательно, затрагивается в том числе вопрос и об источнике права, а в этой перспективе открывается путь к оценке и позитивизма, и естественного права. Так, например, формализм и рационализм как ключевые методологические компоненты деонтологических теорий этики больше ассоциируются с нормативизмом и естественно-правовой аксиоматикой, а эмпирическая методология – с прагматизмом, утилитаризмом и реализмом.

Вторая проблемная ситуация – формалистское применение *существующих* норм. Речь о сугубо формальном и буквальном приведении в исполнение судом законодательного текста вразрез со здравым смыслом ситуации. Это то, что современник О. Холмса, выдающийся российский судья А.Ф. Кони называл бездушной канцелярской формалистикой (Кони 1989: 301) и автоматическим применением закона (Кони 2018: 21). Одному из судей окружного суда, который скрывался от здравого смысла за формальными предложениями, А.Ф. Кони присвоил «звание» тупого формалиста (Кони 1989: 127). Он не был одинок в таких взглядах: и министр юстиции Российской империи того времени И.Г. Щегловитов, и декан юридического факультета Московского университета И.Т. Тарасов выделяли в качестве системных проблем правоприменительной практики законные должностные действия, которые имеют под собой только формальную справедливость (Щегловитов 1887: 109); формально правильные, но придиричivé и разорительные требования (Тарасов 1887: 33-35). Если говорить о сегодняшних реалиях, не может не вызывать одобрения принципиальная попытка Верховного Суда России пресечь подобную практику нижестоящих судов⁵, что в то же время свидетельствует о сохраняющейся остроте рассматриваемой проблемы.

В отличие от ранее указанного, второе проявление юридического формализма не привлекает значительного внимания О. Холмса. Этот вопрос определенно не менее важен для торжества законности в обществе, но, в отличие от формализма в правотворчестве, здесь все кажется очевидным. Сложно представить беспристрастного юриста, который утверждал бы, что «тупой формализм» (если пользоваться характери-

⁵ В п. 17 Постановления № 21 от 28 июня 2022 г. Пленум Верховного Суда РФ предписал судам учитывать, что законность оспариваемых решений, действий (бездействия) нельзя рассматривать лишь как формальное соответствие требованиям правовых норм, а также запретил обременять граждан обязанностями, отказывать в предоставлении им какого-либо права лишь с целью удовлетворения формальных требований, если соответствующее решение может быть принято без их соблюдения. См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31334/> (дата обращения: 07.02.2024).

кой А.Ф. Кони) благотворно влияет на правовую систему. В действительности этот тип юридического мышления диссонирует с самим существом судебной власти, поскольку фактически представляет собой нежелание судей выполнять основную обязанность – *разбираться* в делах и всесторонним образом учитывать совокупность обстоятельств, *имеющих значение* для конкретного дела; вместо этого считается достаточным установить формальный *минимум* по составу фактов и слепо применить букву закона.

Предпосылки и предмет дискуссии о юридическом формализме в прецедентном праве

История *common law* в качестве самобытной системы разрешения социальных противоречий началась в XII–XIII вв. с формированием особого принципа принятия судебных решений. Вместо централизованной подготовки писаных форм права, текстовое содержание которых признавалось бы самодостаточным, безусловным и единственным источником познаний о том, как следует разрешить конкретное дело, английские монархи легализовали децентрализованную систему принятия решений, в основе которой лежали два столпа справедливости: жюри местных жителей в качестве эквивалента среднего благоразумия и максима аналогичных дел (*like cases maxim*).

Конечно, существование писаного права на любой стадии развития *common law* не отрицалось. Первоначально это были специфические кодифицированные акты⁶, затем законодательные акты короля и конституционные акты Англии (Великая и Кларендонская ассизы, Великая хартия вольностей и др.), впоследствии акты Парламента. Важно не то, что писанные формы права существовали, а то, *как* они существовали (действовали) в системе права. На этом вопросе начинается водораздел двух подходов к разрешению споров: по сути, это и есть один из истоков дискуссии о формализме и реализме в юриспруденции. Ответ на него в наиболее упрощенной форме можно представить следующим образом: в системе *common law* правовые тексты не рассматривались в качестве единственного источника права, а суды не были «техническим инструментом» применения этих источников (путем дедукции или других логических приемов). Англия не пошла по пути придания тексту незыблемого юстиниановского авторитета, «в соответствии с которым мысль, воплощенная в тексте, истинна сама по себе и не может быть опровер-

⁶ Их суть может быть передана различными понятиями – от закона, кодекса до правды, судебного. Наиболее известным собранием таких текстов является *Tome of Rochester* (лат. *Textus de Ecclesia Roffensi per Ernulphum episcopum*), содержащий более 30 актов, изданных до правления Генриха II, с которым связаны ключевые события в истории зарождения *common law*. См. текст на сайте Библиотеки Манчестерского университета: *Textus de Ecclesia Roffensi per Ernulphum episcopum*. URL: <https://luna.manchester.ac.uk/luna/servlet/detail/Man4MedievalVC~4~4~990378~142729> (дата обращения: 07.02.2024).

гнута реальной жизнью» (Томсинов 2010: 262-264). Указанные источники стали действовать на фоне принципа справедливого разрешения дел при помощи механизма принятия умеренных, взвешенных решений, синонимом-воплощением чего стало обеспечение *юридического равенства* (с погрешностью на структуру феодального общества). Писаное право существовало наряду с децентрализованно формируемыми нормами прецедентного права, и вместе они образовали систему, состоящую из двух взаимосвязанных элементов.

Обращаясь к вопросу соотношения источников общего права лишь вскользь, только в целях постановки проблемы настоящего исследования, необходимо отметить, что институт жюри стремительно сместил акцент с формального текста на *жизненный опыт*. Жюри издавна ассоциируется с опытом повседневной размеренной (законопослушной, не причиняющей вреда) жизни людей, что теоретически приближает этот институт к идеалу справедливости не только за счет понятной демократичности, но и обеспечиваемого им равенства («суд равных» в противовес субъективному мнению и «дедуктивным способностям» государственного агента). Профессор Дж. Тайер в этой связи приводит слова из трактата Р. Глэнвилла⁷ назвавшего жюри «благим даром» монарха, благодаря которому у англичан появилась возможность решать споры при помощи «института, истекающего из наивысшего равенства» (Thayer 1898: 41). О непревзойденном конституционном значении этого механизма непосредственного обращения к опыту (жизни) как источнику права и об отношении к нему в качестве фундаментальной гарантии гражданских прав свидетельствуют ключевые документы Американской революции, именующие институт жюри «бесценной привилегией быть судимыми судом своих равных соседей», лишение «блага» которой названо одной из «обид», пробудивших новую нацию⁸.

Что касается максимы аналогичных дел, составляющей ядро, принцип функционирования прецедентного права, то буквально она означает, что одинаковые обстоятельства должны оцениваться одинаково, одинаковые события должны влечь за собой одинаковые последствия. Такой подход восходит к «Никомаховой этике» Аристотеля и является естественным требованием человеческого разума, поскольку иное не находит достаточного объяснения в природе вещей и сводится лишь к произволу. Известный американский правовед К. Ллевеллин подтверждает, что этот принцип приобрел системообразующее значение в *common law*, где правосудие всегда требовало, чтобы с похожими

⁷Tractatus de legibus et consuetudinibus regni Angliae («Трактат о законах и обычаях Английского королевства»).

⁸The Declaration and Resolves of the First Continental Congress (October 14, 1774). Res. 5 // American History Central. The Online Encyclopedia of United States History. URL: <https://www.americanhistorycentral.com/documents/first-continental-congress-declaration-and-resolves-text/> (дата обращения: 07.02.2024). См. также: Jefferson T. et al. 1997. The Declaration of Independence with Short Biographies of Its Signers. Bedford : Applewood Books. 36 p.

людьми обращались похожим образом при похожих обстоятельствах (Llewellyn 2008). В четкой юридической формулировке максима требует, чтобы аналогичные дела разрешались аналогичным образом (like cases should be treated alike).

По мере развития прецедентного права очевидным стало конституционное значение запрета отступать от «уже разрешенного» в качестве одной из основных сдержек властного произвола в угоду тем или иным интересам, возникающим от дела к делу. С одной стороны, это означает, что нельзя обосновать принципиально другое решение по делу, аналогичному уже разрешенным ранее, путем вольного схоластического толкования формальных признаков права – правовых текстов, логически разработанных понятий, институтов и т.д. С другой стороны, важно, что речь идет об обеспечении тождественности правового результата *по сути, а не по форме*. С учетом ранее обозначенных позиций об опыте в качестве источника прецедентного права было бы неприемлемо к аналогичным обстоятельствам формально принимать абсолютно тождественное решение, если бы это не приводило к аналогичному по сути правовому результату.

Подходя к существу противостояния формализма и реализма в *common law*, достаточно обозначить, что причиной стало *несоблюдение* описанных выше фундаментальных принципов. Как и любая система, зависящая от человеческого фактора (свободной мыслительной деятельности), прецедентное право не обладало абсолютным иммунитетом от связанных с этим негативных эффектов. К началу XIX в. общее право представляло собой одну из богатейших (с точки зрения опыта последовательного функционирования) правовых систем, и с развитием человеческой цивилизации, науки, техники появлялись новые вопросы, на которые не было ответа в рамках издревле существующей системы правовых координат. Строгость процедуры в судах *common law* и жесткость доктрины прецедента, умноженные на «почтенный возраст» прецедентных норм, постепенно привели к застою, когда преодолеть ранее сформулированную позицию временами было даже труднее, чем принять новый закон⁹. Среди английских, а затем и американских судей распространилась практика формального применения доктрины прецедента – *stare decisis* («стоять на решенном»), когда они видели в прецеденте формальный состав фактов и примененную к ним норму, не погружаясь в *причины ее принятия и цели правового регулирования ситуации* в целом в качестве общественного отношения. Под эгидой профессора К. Лангделла сторонники такого подхода считали, что из судебных прецедентов должны быть выведены правовые нормы в точных формулировках, чтобы затем все возникающие перед судами ситуации (наборы фактов) могли быть разобраны как младшие посылки и подведены под одну из текстовых формул (старших посылок) в обширном библиотечном каталоге

⁹ Согласно оценке Палаты лордов, английское прецедентное право является «жестким» и трудноизменяемым (Lobingier 1946: 995).

судебных прецедентов. Следовательно, последующие правовые решения попали в зависимость от формальных рассуждений, что оградило их содержание от эмпирического исследования.

Впоследствии судьи стали прибегать к несвойственным для традиционной системы общего права техникам – толковать формально закрепленные в правовых источниках (в том числе прецедентах) понятия логическим путем, *отвлеченно от обстоятельств, побудивших их к жизни, и факторов, повлиявших на их первичное содержание*. Эти техники стали напоминать логическую интерпретацию абстрактных формул, характерную для систем, основанных на рецепции римского права. Р. Паунд называл такие подходы механической юриспруденцией (Pound 1908).

Одним из ярких примеров такого отклонения от истоков *common law* стала подхваченная в английском прецедентном праве позиция, получившая в XIX в. развитие в практике американских судей в качестве полноценной *доктрины встречной небрежности*. Они использовали негибкий набор формальных суждений для того, чтобы уклониться от власти жюри, члены которого представляли реальные жизненные заботы (интересы), были не чужды состраданию, милосердию, страху перед коллективным (корпоративным) гнетом (Friedman 1987: 351, 367), но не стремились удовлетворять интересы стремительно развивавшегося в то время бизнеса (промышленности, железнодорожных корпораций и т.д.).

С одной стороны, можно с уверенностью констатировать, что неспособность прецедентного права в определенный период обеспечить адекватность содержания права содержанию развивающихся отношений стала причиной активного развития парламентского правотворчества. С другой стороны, именно такая «оторванная от жизни» практика осуществления судебной власти стала первопричиной зарождения одного из самых масштабных течений правовой мысли в США – социологии права и правового реализма. Небрежное отдаление от исконной связи общего права с опытными, жизненными (эмпирическими) источниками привело к тому, что юридическая наука и судьи-реалисты, приверженные описанным ранее ценностям, дали *отпор юридическому формализму*. Они стремились показать, что не только парламентарии, но и судьи все еще способны удовлетворять насущную потребность общества в качественном правотворчестве. Другими словами, влиявший на практику «нормативный» формализм, а не теоретические концепции правопонимания побудили американских правоведов, в том числе самих судей, вступить в эпохальную дискуссию. Последовавшая за этим «научная» полемика стала лишь вторичным продуктом основного, обновленного подхода к американскому праву. Его флагманами были не ученые, а судьи-реалисты, сформировавшие первичный ценностно-понятийный базис на основе истории и практики *common law*.

В отличие О. Холмса, известного своими образными и зачастую эпатажными выражениями юридической мудрости, максимально точно проблематика дискуссии о юридическом формализме и правовом реализме обозначена современным американским судьей Р. Познером в книге «Раз-

мышления о деятельности судьи». Во-первых, он указал, что под формалистскими подходами к праву понимает «подходы, основанные на убеждении, что любой правовой вопрос может быть решен при помощи логики, текста, прецедента», в то время как личные качества судьи, культурно-исторический бэкграунд либо реальный жизненный опыт не имеют ни малейшего значения (Posner 2013: 1-2). Во-вторых, он прямо заявил, что является представителем реалистического подхода к праву, сформированного поколениями американских судей именно в качестве антагониста формалистским подходам. Этот антагонизм является онтологическим элементом самого реализма: именно на отрицании формализма зиждется самобытность реализма, он существует «в смысле отрицания формалистских подходов к праву» (Posner 2013: 1-2).

Одновременно с удачной попыткой предложить с учетом имеющихся сегодня знаний очень доступное современное понимание поставленной проблемы, Р. Познер все же подтверждает, что «программу» и основные поворотные точки правового реализма в качестве неугасающего типа правового мышления определили работы и практическая деятельность таких именитых судей, как Дж. Маршалл, О. Холмс, Л. Брендайз, Б. Кардозо, Р. Джексон, Р. Трейнор и др. (Posner 2013: 1-2). Именно они и, надо добавить, Р. Паунд заложили основу нового отношения к праву, которое, как отметил еще задолго до Р. Познера профессор Д. Инджерсолл, было направлено в первую очередь на *демифологизацию* изучения права в Соединенных Штатах (Ingersoll 1981: 490), то есть на выработку надлежащего *метода практической работы* с системой *common law*, формирование правильного отношения практикующих юристов к предмету их профессии.

Мысли Р. Познера о выделении общего сохраняющего актуальность «реалистического подхода» в американской юриспруденции в сравнении с «угасшим, хоть и не без следа» (Posner 2013: 1-2), движением «научных» или «радикальных» правовых реалистов, на самом деле не новы. Такой же логики придерживался Р. Паунд, не разделявший социологию права и правовой реализм, объединенные прагматическими установками. Этот общий, сдержанный и наиболее авторитетный реалистический подход к праву, как утверждает Д. Инджерсолл, не совпадает с более поздними «попытками изучения судебного бихевиоризма и более научных исследований судебного процесса» (Ingersoll 1981: 490), а является их идейно-ценностным предшественником. Не говоря уже о новом правовом реализме конца XX в., представители которого, по справедливому замечанию К. Санстейна и Т. Майлза, также продвигали эмпирическую методологию в праве, но делали право еще более научным, стремясь «понять источники решений, принимаемых судами, беря за основу поддающиеся [научной] проверке гипотезы и массивы больших данных» (Miles, Sunstein 2008: 831-832).

Исходя из вышесказанного, необходимо разграничивать изучение правового реализма как течения в научной юриспруденции и изучение *реалистического подхода к общему праву в качестве реально действующей*

системы. Первое представляет собой совокупность мнений о том, каково есть, каким может и должно быть право, которые никогда не найдут между собой общего языка (Escorihuela 2003: 753)¹⁰. Второе же, и это следует иметь в виду при изучении работ О. Холмса¹¹, есть не теоретическая концепция, а судейская (как объяснил Р. Познер), она спорила не с именами великих теоретиков, а с подходами к *common law*. Она оказала влияние на первое, чем интересна для понимания основных идей последующих течений, и одновременно касается практики, что представляет ценность для понимания закономерностей конкретно взятой системы права.

В приведенном судейском ряду О. Холмс занимает особое место, разделяя (и одновременно соединяя), с одной стороны, пожалуй, самого известного главного судью США Дж. Маршалла, который заложил «зерно» реалистического подхода самой своей судебной практикой (достаточно вспомнить дело *Marbury v. Madison*), когда речи о доктринальном оформлении реализма еще не было, и, с другой стороны, членов Верховного Суда Л. Брендайза, Б. Кардозо, Р. Джексона, а также именитых судей Г. Френдли и Р. Трейнора, которые работали уже на фоне соответствующей активно развивающейся общественно-юридической дискуссии. Именно О. Холмс стал связующим звеном между поколениями американских судей¹² – «предвестником» правового реализма и вдохновителем названного «фона», глубоко осмыслившим онтологию прецедентного права с самых его истоков и напомнившим о значении опыта в качестве источника права, института жюри в качестве эквивалента средневзвешенного благоразумия в конкретных ситуациях, методологии экстракции правовых закономерностей из казусов, возникающих и разрешаемых в реальной жизни.

Таким образом, труды О. Холмса представляют особый интерес для изучения двух подходов к праву – юридического формализма и правового

¹⁰ В процитированном исследовании, выполненном на базе Гарвардской школы права, отмечается, что научные (теоретические) направления правовой мысли (в том числе научный правовой реализм) бесконечно спорят между собой. Скандинавские реалисты обвиняли позитивизм, школы естественного и свободного права, Г. Гурвича и Г. Кельзена, а также американцев в нереалистичности; американские правовые реалисты обвиняли социологическую юриспруденцию в том же самом; последние же вместе с движением свободного права выдвигали аналогичные обвинения в адрес американского правового реализма.

¹¹ Профессор Ф. Келлог, отграничивая реалистический подход О. Холмса от научных ветвей правового реализма первой половины XX в., подчеркивает, что его мысль «отличается от доминирующих представлений юридического реализма» (Kellog 2018: 88-89).

¹² К. Ллевеллин, подчеркивая его особое место в ряду американских судей и правоведов, писал: «Холмс изваял Америку... [Необычно наблюдать], что обычного члена Верховного Суда, одного из девяти, причем не титулованного председателя, чествуют как самого выдающегося гражданина этой нации. [Необычно наблюдать] президента, призывающего в качестве само собой разумеющегося уделять внимание нации судье, который давно ушел на покой» (Llewellyn 1935: 485).

реализма. Особенность его работ в данном плане в том, что они основаны на изучении *common law* в качестве уникальной модели судебной деятельности и правотворчества: его выводы не только следуют из *common law*, они еще и прямо направлены на эту систему. А значит, вопреки мнению некоторых современных правоведов (Груздев 2021: 296), сложно согласиться с обвинением О. Холмса в банальном списывании идей у европейских реалистов (в частности, Р. Иеринга), которые основывали свои исследования не просто на другом, а на существенно отличающемся эмпирическом материале. Тот факт, что судья Холмс не отделял в привычном понимании вопросы теории права (юриспруденции) от вопросов практики *common law*, затрудняет корректное восприятие его идей континентальными юристами. Дополнительные сложности создают контекстуальный отпечаток времени создания его центральных трудов, характерный стиль изложения, а также то, что его позиции позднего периода, которые стали существенным дополнением к основным работам (и имели непосредственную практическую ценность, выходящую за рамки идей Р. Иеринга или кого-либо другого), разбросаны по различным материалам практики Верховного Суда США. Однако изучение его ответа юридическому формализму не теряет своей актуальности и способно раскрыть факторы, повлиявшие, во-первых, на выбор путей дальнейшего развития американского правового реализма, во-вторых (что не менее важно), на тенденции развития практики судов США в XX столетии и характер принимаемых ими решений.

О «неправильной» логике

О. Холмс обозначил свою позицию в рамках представленной дискуссии однозначно и довольно категорично. Правда, в отличие от Р. Познера он не стал сопровождать свои выводы о *common law* прямолинейными объяснениями, что их следует рассматривать как идеологическую антитезу юридического формализма. Вместо этого он последовательно и всесторонне описал систему прецедентного права, действующую по исконно реалистичным принципам, сопроводив возникавшие или предлагавшиеся в то время отклонения от них соответствующей критикой. Возможно, поэтому одно из самых известных его изречений, ставших постулатом социологической и реалистической юриспруденции, редко рассматривается как прямое и недвусмысленное отрицание юридического формализма в обозначенном ранее понимании: «Жизнь права никогда не шла путем логики – только путем опыта»¹⁵ (Holmes 2009: 3). Это сложно мгновенно воспринять при первичном обращении к трудам О. Холмса, но именно логика стала краеугольной категорией в его критической системе по отношению к юридическому формализму.

В отечественной юриспруденции понятие «логика» имеет положительный оттенок, поэтому при прочтении трудов О. Холмса (особенно

¹⁵ Еще один вариант перевода: «Жизнь права никогда не была логикой, она всегда была опытом».

переводов на русский язык) трудно ассоциировать его с чем-то плохим, негативным. Однако, когда О. Холмс использовал данное понятие в критическом ключе, он связывал его именно с методологией формализма и юридической схоластикой, понятие которой приобрело негативную окраску как в русском, так и англоязычном юридическом лексиконе. Имелась в виду совокупность приемов *формальной логики*, которые как до падения Римской империи (постклассический период римского права), так и после (глоссаторы, комментаторы, легисты в Европе, отчасти позитивисты в Англии) были положены в основу, как считал О. Холмс, искусственно создаваемой системы права.

Первичный мотив неприятия американским судьей модели, основанной на так называемой рецепции римского права (включая континентальную парадигму кодификации частного права), проистекает из сути реалистического подхода к праву с самим *обществом* в центре внимания. Отторжение вызывало, прежде всего, предположение о том, что нормы для регулирования отношений в конкретно взятом обществе с его собственной культурой, традициями, ценностями могут создаваться на основе материалов, не имеющих никакого отношения к *этому обществу*, да еще и путем логических манипуляций – подстраивания, адаптирования под текущие условия. Другими словами, данные нормы не являются порождением реальной жизни общества, не следуют из *конкретного опыта*, их эффективность, уместность и жизнеспособность не проверялись, не подтверждены практикой отношений; напротив, они искусственно вводятся извне «сведущими» людьми. Судья Холмс категорически не соглашался с таким подходом, и эта позиция стала ориентиром для оценки любых других идей о праве, доктринах, законодательских предложениях или судебных техниках.

Так, например, трактат по уголовному праву Дж. Стивена в части, касающейся вопросов защиты владения, и книга «Институт владения в общем праве» Ф. Поллока и Р. Райта подверглись изящной критике О. Холмса за попытки отыскать «бесполезную квинтэссенцию» права в целом, одинаковую для всех общественных устройств (формально-логическое размышление), вместо того чтобы исследовать «точную анатомию» одной из систем (реалистичный взгляд на право) (Holmes 1997: 1006). По убеждению О. Холмса, из-за этого их стремление подвергнуть правовые явления анализу тщетны, тогда как, если закончить его мысль, научное исследование эмпирики конкретной правовой системы, действующих в ней правовых механизмов могло бы принести гораздо больше пользы за счет выявления закономерностей ее функционирования в условиях конкретного общества и прояснения уязвимых мест¹⁴.

Не обошел стороной судья Холмс и Дж. Остина, который, по его убеждению, был плохим специалистом в английском праве¹⁵ и теорети-

¹⁴ Корреспондирует ранее сделанному выводу о различии теоретических течений и реализма судей как практико-ориентированного подхода к праву.

¹⁵ «Проблема Остина была в том, что он не знал достаточно английское право» (Holmes 1997: 1006).

зировав без глубокого погружения непосредственно в действующий закон, в складывающуюся юридическую практику, особенности функционирования правовой системы Англии (грубо говоря, был исключительно теоретиком, отдаленным от повседневной «жизни» права, развивавшейся в английских судах). Но при этом Холмс сделал существенный акцент, с одной стороны, отчасти смягчающий тяжесть предъявленных «обвинений», с другой – проводящий красную линию разграничения реализма и формализма в качестве глобальных типов мышления, влияющих на подход к праву. Он отметил, что труды и Дж. Остина, и его предшественников Т. Гоббса и И. Бентама, и достойных преемников Т. Холланда и Ф. Поллока посвящены осмыслению действующей системы права и способны принести хотя бы какую-то практическую пользу, в отличие от обращения к римскому праву, совет изучать которое О. Холмс относит к одной из главных «нереальностей» юридического образования (Holmes 1997: 1006). Напротив, о вышедшей в то время небольшой книге Ф. Поллока он говорит, что она пронизана меткостью, которая свойственна многим трудам британского юриста, и, что важнее, «совершенно свободна от извращающего влияния римских моделей (образцов)» (Holmes 1997: 1006).

Сотнями страниц своих историко-правовых трудов О. Холмс стремился показать, что в сообществе людей первичными являются практика общественных отношений, определение опытным путем границ разумного, дозволенного, допустимого, «прощупывание» правильности той или иной модели поведения в естественном процессе человеческого общежития с центральным ориентиром – необходимостью предотвращения вреда друг другу¹⁶. Прежде чем будет создано право, должен произойти указанный общественный процесс, созерцание и осмысление полученной эмпирики, чтобы понять, как эффективно урегулировать разногласия между конкретными людьми в конкретном сообществе. Нельзя случайному прохожему зайти со стороны и установить, продемонстрировав чудеса формальной логики, некие (обязательно самые лучшие, с его точки зрения) абстрактные правила. Таков подход реализма.

Именно по этим причинам О. Холмс и другие именитые американские юристы, на которых он оказал влияние, скептически относились к наследию римского права. В этом плане они, конечно, являются оппонентами идей исторической школы права (хотя, казалось бы, историческая школа ассоциируется, прежде всего, с теорией национального духа, историей нации, то есть с тем, что похоже на категорию опыта жизни людей в конкретном сообществе и на отношение О. Холмса к истории правовых институтов). Но Ф.К. фон Савиньи под знаменем убеждения народа (затем национального духа) и исторического метода стремился вовсе не утвердить авторитет национального права германских земель, а, напротив, очистить

¹⁶ Позднее стало модным называть это процессом столкновения и согласования интересов, или свободных волей.

современные ему пандекты от примесей канонического и национального права, а их применение и толкование – от влияния каких-либо идей, помимо истинного духа римского права (Фролова 2017: 296-300), чтобы приблизить пандектное право к источникам римского права в их подлинном виде. А его последователь Г. Пухта предложил концепцию формально-логической пирамиды понятий, при которой новая норма может быть выведена дедуктивным методом из формальной системной связи понятий (Puchta 1841: 35).

Пандектная и институционная системы частного права (а романо-германскую модель часто называют системой гражданского права) стали воплощением идей о том, что систему права можно построить на основе приемов формальной логики, как математическую систему, где каждое звено занимает свое, заранее отведенное место. За счет этого каждое из них системно связано с другими, и, следовательно, выводы об одном могут быть сделаны посредством анализа других, подобно тому, как в математике решаются формулы с неизвестными значениями, где недостающее звено «вычисляется» при помощи известных. М. Хофлиш в статье «Право и геометрия: юридическая наука от Лейбница до Лангделла», как уже ясно из названия, проводит наглядные параллели между математикой и юриспруденцией, построенной на так называемой геометрической парадигме, которая возникла в результате схоластического подхода при изучении римского права (уподобление права набору математических аксиом). Автор отмечает, что средневековых юристов поразили не язык и не систематика кодификации Юстиниана, а упорядоченность, логика и измерительная точность, которую они нашли в римской правовой аргументации и благодаря которой работали «способность выводить общие положения, как эксплицитные, так и имплицитные, из Дигест и применять такие положения в силлогистической манере к детализированным фактическим схемам (factual patterns)» (Hoeflich 1986: 97).

Проблема в том, что математика – это наука о неживой природе, чего нельзя сказать о праве. В представленной парадигме отношения к праву специальные нормы могут быть выведены путем толкования и разложения (дедукции, редуцирования) общих положений, а в случае отсутствия нормы может применяться логическое выведение недостающего звена исходя из анализа абстрактного смысла всей совокупности имеющих положений или даже общих идей о правовых идеалах и ценностях. Этому может помочь «квадрат толкования» Ф.К. фон Савиньи, и нет ситуаций, которые нельзя решить при помощи логики и правовых текстов. Реалистически настроенные американские судьи и правоведа стали называть такой подход к праву формалистским, что было особенно актуальным на фоне популярных в XIX в. идей о необходимости систематизации в таком же духе огромного массива прецедентов, накопленных более чем за 500 лет.

Именно этому подходу О. Холмс посвящает следующие размышления в эпохальной статье «Путь права»: «[Одно из] заблуждений, о кото-

ром я веду речь, заключается в том, что будто бы единственная сила, довлеющая над [формированием и развитием] права – это логика» (Holmes 1997: 997). И продолжает: «[Существует опасность] в допущении, что конкретно взятую правовую систему, например нашу, можно разработать, подобно математике, из некоторых общих поведенческих аксиом. Это естественное заблуждение юридической науки, но оно не ограничивается ею» (Holmes 1997: 998). Эти тезисы можно было бы назвать субъективным мнением и одной из идей, которых только в истории политико-правовых учений насчитывают сотни, а в целом за историю юриспруденции еще больше. Но О. Холмс снискал широчайшее признание именно за то, что не был далеким от жизни философом; свои выводы он подтверждал работой с непосредственными источниками *common law* не только в качестве историка права, но и практикующего судьи. Он не упустил возможности подтвердить приведенные выше постулаты в официальной позиции Верховного Суда, поддержанной большинством судей, и в свойственной ему манере заявил: «Положения Конституции США – это не математические формулы, черпающие содержание из своей формы (текста. – Б.Л.), а органичные живые институты, пересекающиеся с английской почвой»¹⁷, то есть из *common law*. Даже здесь налицо противоположение: с одной стороны, формализм, с другой – реализм.

Следуя описанным установкам, О. Холмс довольно емко объясняет суть названного ранее постулата правового реализма о соотношении логики и опыта: «Ощущение общественных нужд конкретного времени, доминирующие моральные и политические теории, интуитивное чутье публичной политики, осознанное и очевидное для всех или бессознательное, и даже существующие в судейском сообществе предубеждения – все это, а не абстрактные силлогизмы, вносило посильный вклад в процесс определения правил, которые должны руководить [поведением] людей. В праве воплощена многовековая история национального развития, и с ним нельзя работать так, будто оно состоит, как учебник математики, исключительно из аксиом и неизбежно следующих из них выводов (заклучений, следствий). Чтобы понять, что есть право, нам следует понять, каким оно уже было (имеющийся опыт. – Б.Л.) и каким тяготеет стать (какова тенденция, общая закономерность развития, исходящая из накопленного опыта. – Б.Л.)» (Holmes 2009: 3).

Что касается исторической школы права, относимость к ее наработкам приведенных выше выводов О. Холмс демонстрирует на примере института владения, *практическое значение* которого можно установить из английского права, но в Европе он «попал в руки философов, а с ними превратился в краеугольный камень более чем одной сложной структуры» (Holmes 2009: 187). Эти доктрины, по убеждению О. Холмса, были выработаны на основе взглядов на римское право, которые имели «наиболее спекулятивные юристы Германии, от Савиньи до Иеринга,

¹⁷ Gompers v. United States (Decided: May 11, 1914) // U.S. Supreme Court. Vol. 233. P. 605.

не только занимавшие профессорские должности по римскому праву, но и находившиеся под влиянием, если не сказать под контролем, некоторого рода кантианской или посткантианской философии» (Holmes 2009: 187). Немецкая спекуляция, как называл ее О. Холмс, в формировании понятия о владении опиралась не на исторически складывавшиеся отношения между людьми по поводу владения вещами и не на реальную цель, для которой люди ввели соответствующие правила и защитные механизмы (эмпирические причины), а на концепцию свободы человеческой воли в качестве самоопределяющейся вещи в себе, которая не требует доказательств и всего лишь признается и обеспечивается обществом или государством (Holmes 2009: 187). Посягательство на нее – зло само по себе, поэтому должно пресекаться независимо от каких-либо причин, «и тому подобное в духе Канта», к чему О. Холмс относит в том числе и аксиому Г. Пухты: «Воля, которая имеет волю по отношению к самой себе, то есть признание своей собственной субъектности, должна быть защищена» (Holmes 2009: 187). Тенденциозность первичных установок и недостаток опыта обесценивают претензии подобных теорий на универсальность, их эффективность может быть опровергнута конкретной эмпирикой.

Критический концепт антиформализма выглядел бы незавершенным, если бы судья Холмс не указал альтернативный вариант правовой работы, который соответствовал реалистическому подходу. Сделал он это, как и другие свои теоретические выводы, с опорой на историческую онтологию и эмпирику *common law*. Для раскрытия указанного варианта необходимо сквозь призму трудов О. Холмса проследить ответ на ключевой вопрос: что делать, если правовой нормы нет, но она необходима¹⁸, и при этом нельзя следовать схоластическому (формалистскому) подходу?

Весьма неожиданным может показаться ответ – доктрина свободного рынка идей. На первый взгляд, доктрина, ассоциирующаяся в первую очередь с практикой Верховного Суда США по первой поправке к Конституции (свобода слова), не особо сопоставима с полемикой правового реализма и юридического формализма. Но не стоит забывать, что именно судья Холмс стал основоположником широкого применения этой доктрины в американской юриспруденции (и она до сих пор является доминирующим принципом законодательства о свободе слова), теоретически и эмпирически обосновав содержание идеи «свободный обмен (торговля) идеями» (*free trade in ideas*) в условиях рыночной конкуренции в особом мнении к постановлению Верховного Суда США по делу *Abrams v. United States*¹⁹.

¹⁸ В том числе если дело, рассматриваемое судом, является необычным, сложным или неоднозначным, что не позволяет со всей очевидностью применить к нему конкретную существующую норму.

¹⁹ *Abrams v. United States* (Decided: November 10, 1919) // U.S. Supreme Court. Vol. 250. P. 616-631.

Дело в том, что, как объяснил известный исследователь деятельности О. Холмса профессор Ф. Келлог, на ранней стадии развития какого-либо социального противоречия (появление неурегулированных спорных ситуаций – неважно, сегодня или несколько веков назад), найти его справедливое разрешение, основываясь на жизненном опыте (определить усредненный здравый рассудок сообщества, *common sense*, применительно к данным новым фактам и условиям) не представляется возможным, это только предстоит сделать. Обращаться к правовым текстам (где тоже еще ничего об этом не сказано) и формальной логике бессмысленно по ранее обозначенным причинам. Что тогда делать? Должна быть обеспечена полная свобода юридических притязаний/требований (*legal claims*) с тем, чтобы они демонстрировали полную палитру социального опыта по данному вопросу, чтобы они полностью отражали «все возможные соображения, имеющие отношение к разрешению [данного противоречия]» (Kellog 2011: 218-219). Понятия о единственно правильном варианте поведения еще нет, его нужно определить, и сделать это нужно, согласно реалистическому подходу, не в результате схоластических рассуждений, а в ходе естественной социальной борьбы конкурирующих интересов на свободной и, что немаловажно, открытой арене судебного форума, доступ к которой имеют все члены сообщества. Они могут принять участие в этом процессе в качестве истцов, ответчиков, заинтересованных лиц, членов большого или ординарного жюри или же, наконец, в качестве слушателей (общественного контроля) в зале суда. Внести вклад в эту свободно развивающуюся общественную дискуссию способны свидетели, эксперты и специалисты, «друзья суда» (*amicus curiae*). Судья под контролем жюри обязан соединить все это воедино, сопоставить совокупность представленных идей и суждений, крупиц жизненного опыта с уже накопленным поколениями опытом других разрешенных дел и принять взвешенное решение под натиском эмпирического массива и противоборствующих интересов. Любое представленное суждение оценивается, а в случае отклонения обосновывается в сопоставлении с суждением, которое принимается. Это честный процесс за счет состязательности и открытости.

У самого О. Холмса по этому поводу было интересное наблюдение, которое он выразил в особом мнении еще задолго до дела *Abrams*: «Каждое мнение (взгляд на ту или иную социальную проблему. – Б.Л.) стремится стать законом»²⁰. Но не каждое им станет. Именно для того, чтобы показать, как происходит этот судебный «отбор» взглядов, суждений и правовых ощущений, претендующих именоваться законом, О. Холмс предпринимал большинство своих правовых исследований. В позиции по делу *Abrams* он резюмирует: «...высшее желаемое благо лучше всего достигается за счет свободной торговли в сфере идей – лучшим испытанием истины является способность мысли добиться признания в условиях рыночной конкуренции,

²⁰ *Lochner v. New York* (Decided: April 17, 1905) // U.S. Supreme Court. Vol. 198. P. 76.

и эта истина является единственной почвой, на которой желания людей могут быть *безопасно* реализованы»²¹.

Следовательно, в отличие от подхода, который в американской юриспруденции назван формалистским и который акцентирует внимание на уже существующем тексте и якобы заранее заложенном в нем решении (авторитет-истина не в жизни, а в тексте или, если угодно, воле законодателя, если не конкретной, то хотя бы абстрактной), реализм утверждает: нет нормы – ситуация свободна. То есть надо допустить максимальную свободу мнений, идей, опыта, которые при помощи независимого открытого суда перед жюри *докажут* свою полезность, безопасность, практичность, укоренение в почве общественной поддержки. По мере расширения практики рассмотрения аналогичных дел и принятия по ним взвешенных и заранее не определенных решений происходит то, что О. Холмс называл процессом последовательного приближения (Лесив 2023: 165–173, 197–207). Появляется возможность выявить правовую закономерность, общий смысл принятых решений (цель, которую общество стремится достигнуть в данных обстоятельствах) для того, чтобы сформировать представление о конкретном общем правиле (норме). Оно будет иметь реальное эмпирическое (а не формально-логическое) содержание и обладать свойством эмпирического, а не формального демократизма.

Таким образом, согласно О. Холмсу, право должно быть выстрадано самим обществом, чтобы отражать его, а не чьи-то интересы. Да, он настаивал, что нельзя создать «хорошее» право впопыхах и на скорую руку кого бы то ни было. Необходимо запастись терпением и обратиться к ходу повседневной жизни (а не к текстам), чтобы закрепить правила, не только действительно полезные для этой жизни, но и, что важнее, долговечные (*common law* во многом тому пример). Да, он не отрицал, что поначалу придется разрешать ситуации казуально, но с опорой на жюри и в условиях открытой конкуренции суждений, что обеспечивает большую справедливость и умеренность казуальных решений, чем если бы они разрешались одним человеком на основании формально-логического толкования текстовых формул или идеальных абстракций в рамках его субъективной системы ценностей. Ситуации повторяются и если разрешаются в среднем справедливо (жюри плюс конкуренция), то решения должны быть (и есть, как показывает многовековая практика *common law*) примерно одинаковыми по своей сути. Точнее, решения в каждом деле отличаются (удовлетворить, отказать, какую сумму присудить и т.п.), но суть их одна. В скором времени у судов, особенно апелляционной инстанции, появится возможность проследить эту суть сквозь множество решений, принимаемых по всей стране, и вычленив из них цель (необходимость) регулирования, чтобы составить эмпирически обоснованное представление о норме. Пригодность и эффективность этой нормы проверена самой

²¹ *Abrams v. United States* (Decided: November 10, 1919) // U.S. Supreme Court. Vol. 250. P. 630.

жизнью (практикой общественных отношений) и доказана в публичном демократическом состязании. Реалисты считают такой подход к правообразованию более справедливым и демократичным, чем любую систему, построенную на формальной справедливости (создание нормы заранее для теоретически возможных ситуаций при помощи формальной концепции народного представительства, но без реального решения конкретных и весьма сложных жизненных ситуаций с участием непосредственно общества). Реалистический подход призвал перестать витать в облаках, дискутируя об абстрактных категориях типа общей воли, и вернуться к самому обществу, ради которого право и существует, поскольку закон должен быть «реакцией общества на самого себя» (Holmes 1894: 9), то есть на конкретные поступки людей.

О «правильной» логике

Вышесказанное представляет «дихотомическую ценность» для понимания концепции права, которой придерживался О. Холмс. С одной стороны, через выявление некоторых характерных проявлений логики в праве мы находим объяснение сути формалистского подхода к нему, а через его инверсию – объяснение реалистического подхода, сосредоточенного на отрицании первого. С другой стороны, становится ясно, что О. Холмс признавал не только возможность, но и необходимость позитивного влияния логики как величайшего изобретения человеческого разума на право. Основная загвоздка и ключ к корректному пониманию идей правового реализма, заложенных американским судьей, заключается в правильном разграничении двух проявлений логики.

Суть одного из них, которая отрицается, раскрыта в предыдущем разделе. Что касается второго, то сам О. Холмс после ранее процитированной мысли (логика не может быть единственной силой, руководящей формированием права) признает неизбежность соприкосновения права с логикой в определенной степени: «Действительно, это так, но только в самом широком смысле этого слова» (Holmes 1997: 997). Объясняя свой подход, он рассуждает о том, что Вселенная в целом построена на принципе качественной взаимосвязи между каким-либо явлением, его предпосылками и последствиями. Если и существует объект вне таких устойчивых отношений, то это не что иное, как чудо. Такой объект как раз и неподвластен логике и разумному объяснению, трансцендентен для человеческого сознания и относится к разряду метафизики. Но право, по мысли О. Холмса, не является таким объектом; это такая же часть нашей жизни и окружающего мира, такое же творение человеческого разума и рук, как и все остальные, что мы в состоянии познать. Подобные явления подчиняются вселенскому закону причины и следствия, а значит, формирование права как такового является результатом логического развития (Holmes 1997: 997-998). «Опасность, о которой я говорю, исходит не от допущения, что [логические] закономерности, управляющие другими явлениями, так же управляют правом...» (Holmes 1997: 998), а от понимания логики, согласно которому конкретную

систему и нормы права можно разработать при помощи приемов формальной логики.

Анализ ключевых трудов О. Холмса – цикла лекций «Общее право» и статьи-лекции «Путь права» – позволяет выделить *три элемента «правильной» логики*, которая не только может, но и должна присутствовать в праве.

Во-первых, *логичность системы права* на финальной стадии правообразования, то есть логичность права как результата этого процесса – как системы, созданной не посредством приемов формальной логики, а в результате работы с реальным жизненным опытом. Другими словами, когда первоначально разрозненные неурегулированные ситуации находят свое разрешение, проверяется правильность принятых решений, постепенно накапливается опытная эмпирика для установления точной нормы, все эти нормы должны быть обобщены и приведены в непротиворечивую систему (Holmes 1870)²². Однако далее эти нормы действуют, исходя из смысла, придаваемого им указанной эмпирикой, а не текстовой формулировкой *per se*.

Во-вторых, *логичность применения права* – правоприменительные решения, основанные на уже существующем законе, должны приниматься при четком и жестком соблюдении законов логики. Это гарант рациональности правоприменения в том смысле, который емко описала профессор Е.А. Фролова (Фролова 2023: 7-11), противоположностью является принятие правоприменительных решений по произволу и прихоти конкретных людей, что решительно отвергалось американской юриспруденцией со времен основания США (это один из центральных постулатов революции против произвола короля).

Требование соблюдения законов логики особенно сильно по отношению к юридической деятельности²³: применение права, в первую очередь правосудие, строится на установлении связей между причинами и следствиями, это ядро такой деятельности, без него она бессмысленна. В частности, требование логичности и непротиворечивости наиболее очевидно в отношении правоприменительной практики по аналогичным делам: нельзя одни и те же ситуации сегодня решать одним образом, а завтра по-другому. Это противоречило бы здравому смыслу и основам человеческого разума, вносило бы смуту и беспокойствие в общественные отношения, делало бы их нестабильными. Данная позиция подтверждается О. Холмсом применительно к *common law*, где по мере накопления и обобщения судебного опыта происходит сужение сферы неопределенности. Он признает, что исключения (особые объяснения ситуаций) могут встречаться в категориях дел, где правило склонно быстро меняться, например, в некоторых вопросах медицинской помощи. В других случаях, если определенное суждение

²² В этом суть процесса кодификации в системах *common law*, как она показана О. Холмсом в цитируемой статье «Кодексы и принципы организации права».

²³ Например, в прикладной политике гораздо менее строгий ценз логики, а грубые логические ошибки могут быть обыденностью, если имеет место популизм или демагогия.

является верным в ясных схожих делах, «это находит свое продолжение в логических последствиях» (Holmes 2009: 112-113), то есть в необходимости «стоять на решенном» и обеспечивать логичную непротиворечивость правовых отношений.

В-третьих, *обеспечение логики развития права* (процесс последовательного приближения, который упоминался ранее). Именно этот элемент можно назвать системообразующим для реалистического подхода к судебному правотворчеству в традициях американских судей-реалистов. Он стал ответом на «прецедентный застой» XIX столетия: право не должно оставаться мертвой формальностью в конкретном прецеденте (наборе фактов), оно должно развиваться вместе с общественными отношениями (живое право) и по мере накопления необходимого жизненного и судебного опыта расширять понимание и содержание ранее примененных правил и выявленных индуктивным путем закономерностей (доктрин). В этом заключается еще один антитезис, разделяющий формалистский и реалистический подходы к праву.

В лекции «Путь права» О. Холмс поделился историей об одном мировом судье из штата Вермонт, который рассматривал спор двух фермеров – один обвинял другого в поломке маслобойки. Судья долго сомневался, но в итоге заявил, что изучил законы (статуты) и ничего в них не нашел о маслобойках, поэтому решил вынести постановление в пользу ответчика (отказать в иске). О. Холмс, будучи на тот момент членом Верховного Суда Массачусетса, приходит к выводу, что точно такой же уровень правового мышления и логического развития отражают многие сборники судебных прецедентов и учебники по юриспруденции того времени, где под многообещающими заголовками типа «Железные дороги», «Телеграфы» или «Морское право» скрывается на самом деле применение рудиментарных норм (Holmes 1997: 1005-1006). Такой подход не одобряется реализмом как проявление совершенно заурядного судейского интеллекта и одной из крайностей формализма. Очевидно, что в названных разделах нет ничего о развитой железнодорожной инфраструктуре, новых поездах, новых способах связи, новых практиках морских перевозок и много чего еще, что по известным причинам стало обыденностью в XIX – начале XX в. Неужели суд может отказать лицам, ищущим правовой защиты, только лишь со ссылкой на формальное отсутствие определенных слов в тексте закона или прецедента, хотя смысл добросовестного поведения в названных сферах не поменялся? О. Холмс дает категорически отрицательный ответ на этот вопрос. Вместо этого он отсылает к глубинной сути решений, скрывающейся в томах прецедентного права, «как в укромном месте», к идейным образам права, общим закономерностям опыта и целям (причинам) регулирования по тому или иному общественно значимому вопросу. Он объясняет, что нужно взять уже имеющийся опыт, экстрагировать из него общий смысл, определить общее правило для этого рода ситуаций и распространить (расширить) до аналогичной (хотя и не тождественной) ситуации, находящейся на рассмотрении суда в данный момент, стремясь достигнуть обнаруженную цель регулирования.

Это и есть суть ответственного подхода к осуществлению судебной власти в системах *common law*, которая, по объяснению О. Холмса, не должна устраняться от своей главной обязанности – решать социальные конфликты посредством обращения к реально существующим нормам, сложившимся в сообществе и являющимся очевидными (наличными) в прецедентной практике. Именно в смысле *расширения понимания и содержания* существующих правил, проведения обоснованных опытом аналогий, а не в смысле произвольного фантазирования и рационалистической схоластики, в концепции О. Холмса развивается «живое право» и, если угодно, осуществляется *судебное правотворчество*. Такому подходу к работе с правом, вероятно, способствует практика обучения юристов в США, которая, особенно после введения К. Лангделлом в конце XIX в. кейс-метода, напоминает лабораторную модель (Stevens 1983: 35), сосредоточенную на уяснении норм посредством ознакомления с множеством решений настоящих дел, позиции судов по которым приобретают силу закона²⁴.

В лекции «Путь права» приводится еще один наглядный пример, но уже по уголовной проблематике. Со времен античности была установлена ответственность за кражу, но отсутствовало формализованное понятие присвоения или растраты (Holmes 1997: 1001-1002). По своей сути это схожие проступки, заключающиеся в противоправном хищении чужого имущества, и по «правильной» логике оба должны признаваться преступлениями. Однако отсутствие четкого указания в законе (было понятие *larceny*, но не было *embezzlement*) приводило к тому, что виновники, прибегая к формальным уловкам, касающимся состава *larceny*, избегали ответственности. Мысль О. Холмса заключается в том, что такой формализм *не только бесполезен, но и вреден* для правопорядка, поскольку чинит препятствия там, где с точки зрения здравого смысла нет никакого спора. То есть вместо того, чтобы сглаживать конфликты и предупреждать споры, закон и судебная система, напротив, их провоцируют. В отношении примера воровства-растраты судья подытожил последствия формалистского подхода: «...закон был ущербным от того, что норма не имела воплощения в такой ясной *форме*, которая способна *достигнуть своей очевидной цели*» (Holmes 1997: 1007). Подобные примеры можно найти и в практике английских судов Новейшего времени²⁵.

Другое дело, когда судьи, пользуясь «правильным» (в обозначенном смысле) логическим инструментарием и огромным опытом, накопленным за века практической судебной деятельности, распространяют (а не создают новые) сложившиеся принципы и применяют их к новым и новым обстоятельствам, при необходимости дополняя и конкретизируя. Именно такую работу с эмпирическим материалом, а не абстрактные логические теоретизации О. Холмс называет теорией права (юриспруденцией), обозна-

²⁴ Хотя О. Холмс и К. Лангделл очень по-разному определяли предназначение изучения студентами опытной (прецедентной) эмпирики.

²⁵ См., напр.: Smith v. Hughes (June 16, 1960) // The Weekly Law Reports. July 29, 1960. P. 830-833.

чая ее как высочайшее мастерство юридической профессии. Теоретические способности заключаются в умении распознать общие закономерности накопленного опыта, определить тенденцию правовой политики, здравый смысл, который остается единым, несмотря на калейдоскоп фактических обстоятельств.

Практическую сторону данного вопроса О. Холмс рассматривает на примере положений *common law* о сроках давности, которые «никогда не были надлежащим образом объяснены или теоретизированы» (Holmes 1997: 1007). Ключевым в процессе теоретизации для логического расширения принципа действия ранее установленного правила является, как следует из сказанного, установление его очевидной цели, то есть уяснение проблемы, ради решения которой оно было пробуждено к жизни в конкретных ситуациях. Можно назвать это определением исторически обусловленной телеологической направленности правового регулирования²⁶. Как отмечает О. Холмс, конечная (формальная) цель норм о сроках давности вполне очевидна – не допустить по истечении определенного периода времени возможности судебного разбирательства и оспаривания определенных фактов. «Но как можно обосновать лишение человека его прав в результате истечения времени, [то есть оправдать] чистое, насколько это возможно, зло?» (Holmes 1997: 1007). Некоторые оправдывают такой подход утратой всех доказательств, но, по мнению американского судьи, это имеет второстепенное значение. Другие более предметно погружаются в тему и называют причиной желание жить в мире и спокойствии (не трогать то, что уже давно «не болит»), но судья вновь не соглашается: «Почему спокойствия через двадцать лет должно хотеться больше, чем до этого? Весьма вероятно, что [спустя столько лет] это случится и без помощи законодательства» (Holmes 1997: 1007).

В условиях этой якобы неразрешимой проблемы О. Холмс обосновывает важность теоретического и историко-правового осмысления нормы для выявления ее действительного содержания. На примере *law of prescription* он показывает, что ситуация может быть разрешена диаметрально противоположным образом в зависимости от того, следовать ли слепо формальным нормам, применяемым обычно к таким отношениям, или же вникнуть в причинную составляющую установленного регулирования и понять социальную потребность, для удовлетворения которой норма должна быть применена. Как отметил О. Холмс в контексте своего известного постулата о логике и опыте в жизни права, «чтобы узнать, что есть право, мы должны знать не только, каким оно было все это время, но и каким стремится стать. Мы должны попеременно обращаться к истории и действующим законодательным доктринам» (Holmes 2009: 3).

²⁶ В.С. Груздев называет это социальной телеологией, указывая, что именно предположение о заложенных в правовое регулирование рациональных целях позволяет праву приобрести инструментальный характер в понятиях О. Холмса о «прогнозировании» результатов рассмотрения дел судами, что противопоставляется моделям объяснения судебных решений, отсылающим к иррациональности и случайности (Груздев 2021: 403).

В результате глубокого проникновения в историю *law of prescription* О. Холмс обосновывает, что не стремление к всеобщему спокойствию, а не совершение в течение стольких лет²⁷ действий, направленных на защиту собственности, лишает владельца права требовать такой защиты в суде. В проведенном им исследовании раскрывается реальное содержание правил *common law* о сроках давности, без которого вряд ли возможно понять масштаб и правоприменительный потенциал нормы. По прошествии времени из-за бездействия происходит реальная «диссоциация» права с одним лицом и постепенная «ассоциация» с другим, за первым право держится только на формальных основаниях. «Иногда говорят, что если человек пренебрегает защитой своих прав, то он должен пенять на себя, если через некоторое время закон последует его примеру» (Holmes 1997: 1007). При этом судья обращает внимание, что одной такой общей фразы, без глубокого анализа, недостаточно для оправдания (обоснования) рассматриваемого законодательного регулирования.

Таким образом, согласно мысли О. Холмса, право (речь идет о *common law*) опирается на логику правового мышления, которая формировалась столетиями юридической практики. Основные принципы общественного взаимодействия в большинстве сфер уже сложились и продолжают действовать, если фактические обстоятельства по логике соответствуют тем, что были раньше, но изменилась лишь, к примеру, их внешняя форма. Именно такой логике и такой теории как инструментам деятельности юриста есть место в праве с точки зрения реалистического подхода.

Такой подход «в действии» был продемонстрирован еще одним судьей-реалистом Б. Кардозо при разрешении дела *MacPherson v. Buick Motor Co.*²⁸ Человек получил ранение в результате неисправности и разрушения одного из колес своей машины, однако согласно доктрине *privity* производитель как лицо, не состоявшее в отношениях с конечным покупателем, не несет ответственности. Кроме того, ранее суды в похожих ситуациях привлекали к ответственности только, если речь шла о вещи, штатная (обычная) функция которой – травмировать или уничтожить. Формальной нормы для разрешения спора (удовлетворения требований покупателя) не было – судья мог легко отказать в иске, последовав примеру «того самого» судьи из Вермонта. Несмотря на это, Б. Кардозо руководствовался исследованными в настоящей статье принципами реализма и определил общий смысл регулирования: осознанно работая с опасными для жизни людей вещами, любой благоразумный член сообщества обязан предпринять все необходимые меры заботы и осмотрительности, чтобы не допустить ошибки, в противном случае должен возместить весь причиненный

²⁷ 20 лет пользования земельным участком с согласия собственника, данного представителю якобы по сделке с пороком субъектного состава.

²⁸ *MacPherson v. Buick Motor Co.* (New York Court of Appeals. Decided: March 14, 1916) // Case Law. URL: <https://case-law.vlex.com/vid/macpherson-v-buick-motor-885340501> (дата обращения: 07.02.2024).

ущерб. Содержание ранее применявшейся нормы было расширено, причём не произвольно, а в результате полномасштабного анализа прецедентного и сопутствующего правового опыта, а также следуя *like cases maxim*. Для этого были проанализированы разнообразные ситуации, в которых суды постепенно отступали от доктрины *privity* (ущерб от строительных лесов, кофейной урны, бутылок с газировкой и т.д.). Гарантия от судебного произвола была в том, что Б. Кардозо не мог принять принципиально противоположное решение, выдумав новую норму «с нуля», «из головы». Он мог только основываться на *stare decisis*, проводя при этом аналогию: аналогичные обстоятельства влекут аналогичные последствия. Аналогия по самому своему определению не предполагает произвольности. Усмотрение судьи здесь ограничено и сводится к оценке сути наблюдаемых и уже запечатленных в прецедентах обстоятельств, установлению аналогий между ними. Такая оценка, безусловно, вторично (как следствие) влияет на содержание права, но вовсе не тождественна изобретению правовых норм с «чистого листа» или с опорой только на формальные источники (текстовые формальности). Сам О. Холмс недвусмысленно предостерегал юристов от понимания судебного правотворчества в качестве прямой «промульгации норм» (Holmes 1870).

Таким образом, реализм не предполагает, что если нормы не существует, то судья может создать принципиально новую самостоятельно здесь и сейчас (пришлось бы обращаться к жюри за опытом, «открывать» свободный рынок идей, начинать этот круг с нуля, как было описано в предыдущем разделе). Но когда опыт уже накоплен, его последовательная прогрессия, закреплённая поколениями судей в прецедентах, связывает руки и разум судьи, он обязан руководствоваться ими и вынести решение, как говорил О. Холмс, «поблизости» от генеральной линии здравого смысла (*common sense*). Таков его реалистический подход к логике, праву и судебному правотворчеству.

Заключение

Вопреки широко распространённой ассоциации американского реалистического подхода к праву с отсутствием прочной нормативной системы и неограниченным влиянием судейского усмотрения (а также других внеправовых факторов) на содержание правил разрешения споров, настоящая статья не только объясняет, почему реалисты обвиняли другие концепции права в том же самом, но и демонстрирует это на ряде примеров из *common law*. Благодаря конвергенции теории и практики появляется возможность увидеть границы судейского реализма и понять, что в рамках этой концепции судьи не могут принимать произвольные решения и творить то, что заблагорассудится.

В результате проясняется суть реалистического подхода к американскому праву, ценностно-телеологическим ядром которого стал антиформализм. Этот подход выступал против формализма, склонного не только к несправедливости на практике, но и к произвольности-неограниченности

в правотворчестве. Последнее объясняется возможностью создавать правовые нормы формально логичные, но вне связи с реальной жизнью, возможностью придумать любую норму, даже если она не обусловлена закономерностями общественных отношений и не соответствует критерию жизненной (общественной) необходимости. Кроме того, сведение правотворчества к приемам формальной логики ставит объективное право в зависимость от когнитивных способностей субъекта правотворчества, и его мастерство логики становится единственным фактором, влияющим на качество правотворческого процесса и его результатов.

Провозглашение права системой понятий (норм), построенной за счет формальной логики и подчиняющейся ее законам, как показывали реалисты, приводит к формализму не только при создании этой системы, но и при возникновении трудноразрешимых ситуаций на практике (пробельность права). Имплементация идей школы свободного права в законодательство некоторых европейских государств привела к тому, что именно судья создает правовую норму, «как если бы это сделал законодатель», опираясь на логическую интерпретацию системы понятий. Эта норма – мнение судьи о законе и практике, фактически его свободное рассуждение (отсюда название – движение свободного права).

Реалистический подход О. Холмса в каждой спорной ситуации отсылает судью не к абстрактным формулировкам, а к последовательной прогрессии прецедентного опыта, обстоятельствам конкретных дел, из которых можно понять суть принятых решений, то есть принцип их урегулирования. Судье надлежит индуктивно выводить суть этого опыта для определения цели урегулирования и достигать ее в представшем перед ним деле. В отсутствие необходимого опыта (в том числе в силу общественного прогресса) судьи обязаны вместе с жюри открыть арену для формирования нового правила по принципам свободного рынка идей, допустить к участию всех заинтересованных со стороны общества. В таком подходе мало общего с идеями В. Эггеншвилера о суверенной роли каждого отдельного судьи во всей его психической «иррациональности», то есть даже, как заметил И.А. Покровский, судьи «ненормального» (Покровский 1916: 32).

Заложенный О. Холмсом подход, несмотря на постулаты «право никогда не было логикой, только опытом» и «общие положения не решают конкретных дел», вовсе не отрицал логику в праве в качестве бесспорного и величайшего достижения человечества. Не отрицалась ее польза как нормативной системы интеллектуальной деятельности, в том числе в сфере права (логичность и непротиворечивость правового регулирования и правоприменения). Отрицалась логика в значении непосредственного источника права и в качестве типа юридического мышления, определяющего правомерность и противоправность поведения в той или иной ситуации только посредством приемов формальной логики.

Исследованный подход к соотношению формализма и реализма в праве и судебном правотворчестве может быть интересен для систем

континентального права, в том числе российской²⁹, как минимум в трех аспектах. С одной стороны, реалистический подход, отвергающий возможность формально обоснованного навязывания конкретному обществу с его собственной историей и опытом правовых идеалов извне, актуален для осмысления новых вызовов, которые бросает современным правопорядкам естественно-правовая глобализация. С другой стороны, он позволяет уяснить различия фактически осуществляемых в указанных системах практик судебного правотворчества, что иногда, особенно с учетом интереса судейского сообщества к постулатам реализма (Момотов 2022а: 7), важнее, чем априорные попытки установить между ними точки соприкосновения и потенциальной конвергенции. Наконец, проблема юридического формализма сама по себе глобальна и не чужда любому правопорядку. В конечном счете неготовность прибегать к тщательному анализу сложных ситуаций и брать ответственность за нетривиальное решение, восполняющее недосказанность существующих источников права, вызывает как у американского, так и у континентального судьи схожую реакцию – проще скрыться за буквой прецедента или абстрактной буквой закона. Поэтому ознакомление с проблемами, стоявшими перед одной из самых опытных судебных и правовых систем, и с выработанными ею ответами на вызовы формализма, может быть полезно для расширения границ антиформалистского мышления и осмысления доступных, *mutatis mutandis*, возможностей в стремлении к действительно справедливым и взвешенным правовым решениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Груздев В.С. 2021. Реализм в юриспруденции: теоретико-методологический и исторический аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 528 с.
- Кони А.Ф. 1989. Избранное. Москва : Советская Россия. 496 с.
- Кони А.Ф. 2018. Закон и справедливость. Статьи и речи. Москва : Эксмо. 640 с.
- Лесив Б.В. 2022а. Правовой реализм: доктрина Оливера Холмса о судебном правотворчестве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 280 с.
- Лесив Б.В. 2022b. Методология судебной проверки дискреционных решений (действий) органов власти в Европе: национальные практики и универсальная ценность // Российская юстиция. № 6. С. 71-80. DOI 10.52433/01316761_2022_06_71
- Лесив Б.В. 2023. Правовой реализм Оливера У. Холмса: учение об онтологии прецедентного права. Москва : Проспект. 296 с.

²⁹ Правовая система России тоже прибегает к творческой деятельности судей для восполнения пробелов в праве и формулированию руководящих обобщений судебной практики (Момотов 2022b). Кроме того, можно говорить о сложившейся практике развития Конституционным Судом РФ созданных им самим правил: рассматривая одну за другой ситуации правовой неопределенности, он опирается на ранее сформулированные правовые позиции, при необходимости раскрывая их смысл применительно к новым ситуациям и развивая тем самым содержание ранее установленных принципов. При этом он исходит из целевой направленности принципов, не ограничиваясь формальными рамками конкретного текста или дела.

Момотов В.В. 2022а. О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства: российский опыт в исторической ретроспективе // Российская юстиция. № 9. С. 3-10. DOI 10.52433/01316761_2022_09_03

Момотов В.В. 2022б. Судебное правоприменение и правотворчество в современном российском правовом порядке // Российская юстиция. № 12. С. 11-16. DOI 10.52433/01316761_2022_12_11

Покровский И.А. 1916. «Прагматизм» и «релятивизм» в правосудии // Вестник гражданского права. № 5. С. 18-39.

Тарасов И.Т. 1887. Организация административной юстиции // Юридический вестник. Т. 26, № 9. С. 32-67.

Томсинов В.А. 1993. Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества: историко-сравнительное юридическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Гродно. 352 с.

Томсинов В.А. 2010. О сущности явления, называемого «рецепцией римского права» // Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. Москва : Зерцало. С. 262-279.

Фролова Е.А. 2017. История политических и правовых учений. Москва : Проспект. 512 с.

Фролова Е.А. 2023. Рациональные основания права: классика и современность. Москва : Проспект. 576 с.

Щегловитов И.Г. 1887. К вопросу о пределах повиновения незаконным распоряжениям и действиям должностных лиц // Юридический вестник. Т. 25, № 5. С. 103-109.

Escorihuela A.L. 2003. Alf Ross: Towards a Realist Critique and Reconstruction of International Law // European Journal of International Law. Vol. 14, iss. 4. P. 703-766. DOI 10.1093/ejil/14.4.703

Friedman L. 1987. Civil Wrongs: Personal Injury Law in the Late 19th Century // American Bar Foundation Research Journal. Vol. 12, iss. 2-3. P. 351-378. DOI 10.1111/j.1747-4469.1987.tb00541.x

Hoeflich M.H. 1986. Law & Geometry: Legal Science from Leibniz to Langdell // The American Journal of Legal History. Vol. 30, iss. 2. P. 95-121. DOI 10.2307/845705

Holmes O.W. 1870. Codes, and the Arrangement of the Law // The American Law Review. Vol. 5, iss. 1. P. 1-13.

Holmes O.W. 1894. Privilege, Malice, and Intent // Harvard Law Review. Vol. 8, iss. 1. P. 1-14. DOI 10.2307/1322381

Holmes O.W. 1997. The Path of the Law // Harvard Law Review. Vol. 110, iss. 5. P. 991-1009. DOI 10.2307/1342108

Holmes O.W. 2009. The Common Law. Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press. 393 p.

Ingersoll D.E. 1981. American Legal Realism and Sociological Jurisprudence: The Methodological Roots of a Science of Law // Journal of the History of the Behavioral Sciences. Vol. 17, iss. 4. P. 490-503.

Kellog F. 2011. The Abuse of Principle: Analytical Jurisprudence and the Doubtful Case // Archiv für Rechts und Sozialphilosophie. Vol. 97, iss. 2. P. 218-223. DOI 10.25162/arsp-2011-0017

Kellog F. 2018. Oliver Wendell Holmes Jr. and Legal Logic. Chicago : University of Chicago Press. 224 p.

Llewellyn K.N. 1935. Holmes // Columbia Law Review. Vol. 35, iss. 4. P. 485-492.

Llewellyn K.N. 2008. The Bramble Bush. The Classic Lectures on the Law and Law School. New York : Oxford University Press. 230 p.

- Lobingier C.S. 1946. Precedent in Past and Present Legal Systems // Michigan Law Review. Vol. 44, iss. 6. P. 955-996.
- Miles T.J., Sunstein C.R. 2008. The New Legal Realism // The University of Chicago Law Review. Vol. 75. P. 831-851.
- Posner R.A. 2013. Reflections on Judging. Cambridge ; London : Harvard University Press. 400 p.
- Pound R. 1908. Mechanical Jurisprudence // Columbia Law Review. Vol. 8, iss. 8. P. 605-623. DOI 10.2307/1108954
- Puchta G.F. 1841. *Cursus der Institutionen*. Bd. 1: Einleitung in die Rechtswissenschaft und Geschichte des Rechts bey dem römischen Volk. Leipzig : Breitkopf und Härtel. 720 s.
- Stevens R. 1983. Law School: Legal Education in America from the 1850's to the 1950's. Chapel Hill : University of North Carolina Press. 334 p.
- Thayer J.B. 1898. A Preliminary Treatise on Evidence at the Common Law. Boston : Little, Brown, and Company. 636 p.

References

- Escorihuela A.L. Alf Ross: Towards a Realist Critique and Reconstruction of International Law, *European Journal of International Law*, 2003, vol. 14, no. 4, pp. 703-766. DOI 10.1093/ejil/14.4.703
- Friedman L. Civil Wrongs: Personal Injury Law in the Late 19th Century, *American Bar Foundation Research Journal*, 1987, vol. 12, no. 2-3, pp. 351-378. DOI 10.1111/j.1747-4469.1987.tb00541.x
- Frolova E.A. *History of Political and Legal Doctrines*, Moscow, Prospekt, 2017, 512 p. (In Russ.).
- Frolova E.A. *Rational Foundations of Law: Classics and Modernity*, Moscow, Prospekt, 2023, 576 p. (In Russ.).
- Gruzdev V.S. *Realism in Jurisprudence: Theoretical, Methodological and Historical Aspects*. D.Sc. thesis, Moscow, 2021, 528 p. (In Russ.).
- Hoeflich M.H. Law & Geometry: Legal Science from Leibniz to Langdell, *The American Journal of Legal History*, 1986, vol. 30, no. 2, pp. 95-121. DOI 10.2307/845705
- Holmes O.W. Codes, and the Arrangement of the Law, *The American Law Review*, 1870, vol. 5, no. 1, pp. 1-13.
- Holmes O.W. Privilege, Malice, and Intent, *Harvard Law Review*, 1894, vol. 8, no. 1, pp. 1-14. DOI 10.2307/1322381
- Holmes O.W. The Common Law, Cambridge, *The Belknap Press of Harvard University Press*, 2009, 393 p.
- Holmes O.W. The Path of the Law, *Harvard Law Review*, 1997, vol. 110, no. 5, pp. 991-1009. DOI 10.2307/1342108
- Ingersoll D.E. American Legal Realism and Sociological Jurisprudence: The Methodological Roots of a Science of Law, *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 1981, vol. 17, no. 4, pp. 490-503.
- Kellog F. *Oliver Wendell Holmes Jr. and Legal Logic*, Chicago, University of Chicago Press, 2018, 224 p.
- Kellog F. The Abuse of Principle: Analytical Jurisprudence and the Doubtful Case, *Archiv für Rechts und Sozialphilosophie* [Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy], 2011, vol. 97, no. 2, pp. 218-223. DOI 10.25162/arsp-2011-0017
- Koni A.F. *Law and Justice. Papers and Speeches*, Moscow, Eksmo, 2018, 640 p. (In Russ.).
- Koni A.F. *Selected Works*, Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1989, 496 p. (In Russ.).

Lesiv B.V. *Foundations of Legal Realism: O.W. Holmes Jr.'s Doctrine of Judicial Law-Making*. PhD thesis, Moscow, 2022, 280 p. (In Russ.).

Lesiv B.V. Methodology of Judicial Review of Discretionary Decisions (Actions) of Authorities in Europe: National Practices and Universal Value, *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justice], 2022, no. 6, pp. 71-80. (In Russ.). DOI 10.52433/01316761_2022_06_71

Lesiv B.V. *O.W. Holmes' Legal Realism: Ontology of the Common Law*, Moscow, Prospekt, 2023, 296 p. (In Russ.).

Llewellyn K.N. Holmes, *Columbia Law Review*, 1935, vol. 35, no. 4, pp. 485-492.

Llewellyn K.N. *The Bramble Bush. The Classic Lectures on the Law and Law School*, New York, Oxford University Press, 2008, 230 p.

Lobingier C.S. Precedent in Past and Present Legal Systems, *Michigan Law Review*, 1946, vol. 44, no. 6, pp. 955-996.

Miles T.J., Sunstein C.R. The New Legal Realism, *The University of Chicago Law Review*, 2008, vol. 75, pp. 831-851.

Momotov V.V. Judicial Law Enforcement and Lawmaking in the Modern Russian Legal Order, *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justice], 2022, no. 12, pp. 11-16. (In Russ.). DOI 10.52433/01316761_2022_12_11

Momotov V.V. On the Influence of Judicial Practice on the Development of Russian Legislation: Russian Experience in Historical Retrospect, *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justice], 2022, no. 9, pp. 3-10. (In Russ.). DOI 10.52433/01316761_2022_09_03

Pokrovsky I.A. "Pragmatism" and "Relativism" in Justice, *Vestnik grazhdanskogo prava* [Herald of Civil Law], 1916, no. 5, pp. 18-39. (In Russ.).

Posner R.A. *Reflections on Judging*, Cambridge & London, Harvard University Press, 2013, 400 p.

Pound R. Mechanical Jurisprudence, *Columbia Law Review*, 1908, vol. 8, no. 8, pp. 605-623. DOI 10.2307/1108954

Puchta G.F. 1841. *Cursus der Institutionen. Bd. 1: Einleitung in die Rechtswissenschaft und Geschichte des Rechts bey dem römischen Volk* [Lectures on Institutions. Vol. 1: Introduction to Jurisprudence and the History of Roman Law], Leipzig, Breitkopf und Härtel, 720 p. (In German).

Shcheglovitov I.G. On the Issue of Limits of Obedience to Unlawful Orders and Actions of Officials, *Yuridicheskij vestnik* [Legal Herald], 1887, vol. 25, no. 5, pp. 103-109. (In Russ.).

Stevens R. *Law School: Legal Education in America from the 1850's to the 1950's*, Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1983, 334 p.

Tarasov I.T. Arrangement of Administrative Justice, *Yuridicheskij vestnik* [Legal Herald], 1887, vol. 26, no. 9, pp. 32-67. (In Russ.).

Thayer J.B. *A Preliminary Treatise on Evidence at the Common Law*, Boston, Little, Brown, and Company, 1898, 636 p.

Tomsinov V.A. *Jurisprudence in Moral Culture of Ancient and Medieval Society: Historical and Comparative Legal Survey*. D.Sc. thesis, Grodno, 1993, 352 p. (In Russ.).

Tomsinov V.A. On the Essence of the Phenomenon called "Reception of Roman Law", *Vinogradov P.G. Essays on Legal Theory. Roman Law in Medieval Europe*, Moscow, Zercalo, 2010, pp. 262-279. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богдан Васильевич Лесив

кандидат юридических наук, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения, научный сотрудник Института исследований национального и сравнительного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ассистент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0001-8085-3983;
ResearcherID: JPK-0026-2023;
SPIN-код: 6897-6491;
E-mail: forbod@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bogdan V. Lesiv

Doctor of Philosophy (Ph.D) in Law, Associate Professor, Department of Legal Theory and Comparative Jurisprudence, Research Fellow, Institute of National and Comparative Legal Studies, National Research University Higher School of Economics (HSE University); Teaching Fellow, Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-8085-3983;
ResearcherID: JPK-0026-2023;
SPIN-code: 6897-6491;
E-mail: forbod@bk.ru

Макаров А.В., Голубенко О.И. Программы комфортной городской среды в России: институты, регулирование, финансирование // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 140-160. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_140

УДК 342.55:332

DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_140

Программы комфортной городской среды в России: институты, регулирование, финансирование

Андрей Владимирович Макаров

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Россия
E-mail: andreymakarovh@mail.ru

Ольга Игоревна Голубенко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
г. Москва, Россия
E-mail: golubenko-oi@ranepa.ru

Поступила в редакцию 05.02.2024, поступила после рецензирования 26.04.2024, принята к публикации 29.05.2024

В статье рассматриваются ключевые трудности правового регулирования процесса создания комфортной городской среды и благоустройства городов России. В настоящее время такие программы активно реализуются, и на соответствующие цели выделяются значительные бюджетные средства. Вместе с тем в данной сфере возникли существенные проблемы: 1) правовые нормы и институты не сформировали достаточные гарантии учета мнения жителей в рамках благоустройства, что приводит к ущемлению их прав и социальным конфликтам; 2) институциональные рамки финансирования благоустройства, в том числе проблемы жестких и мягких бюджетных ограничений в программах благоустройства; 3) проблема жестких регламентов благоустройства, что мешает творчески подходить к благоустройству городской среды, учитывать должным образом мнение местных жителей и собственников. Авторы статьи, принимая во внимание сложившееся региональное законодательство и международный опыт, предлагают меры по совершенствованию институтов и принципов в сфере благоустройства. С одной стороны, расходы на благоустройство должны быть соразмерны возможностям как государства (региона), так

© Макаров А.В., Голубенко О.И., 2024

и бизнеса и общества. Благоустройство не должно превращаться в тяжелое бремя и источник извлечения ренты. С другой стороны, необходима существенная либерализация регламентов благоустройства, чтобы перейти от бюрократических нормативов к уважению мнения местных жителей и собственников. Именно их мнение, а не соблюдение абстрактных нормативов должно лежать в основе принятия решений; также жителям не должны навязываться ненужные правила и программы. Для этого необходимо возрождение института публичных слушаний как по градостроительным проектам, так и по проектам благоустройства; необходимо законодательно закрепить право вето местных жителей и учет их позиции. Практика показала, что возможны различные форматы защиты прав жителей – от проведения местных референдумов до создания общественных советов. Важную роль в общественном обсуждении могут играть и иные акторы (политические партии, некоммерческие организации и т.д.), но для полноценного диалога необходимы фундаментальные меры по развитию местного самоуправления и гражданского общества.

Ключевые слова: комфортная городская среда, благоустройство, правовое регулирование, градостроительная политика, публичные слушания, местное самоуправление

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Programs for Comfortable Urban Environment in Russia: Institutions, Regulation, and Finance

Andrey V. Makarov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia
E-mail: andreymakarovh@mail.ru

Olga I. Golubenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia
E-mail: golubenko-oi@ranepa.ru

Received 05.02.2024, revised 26.04.2024, accepted 29.05.2024

Abstract. The article considers key difficulties in regulation of creating a comfortable urban environment in Russian cities. Such programs are actively developed nowadays, and significant budget funds are allocated for urban environment development. At the same time, serious problems have arisen in this area: 1) legal norms and institutions have not created sufficient guarantees for taking into account the opinions of residents within the framework of improvement, which leads to the infringement of their rights and social conflicts; 2) the institutional framework for improvement programs, including the problems of hard and soft budget constraints; 3) the problem of strict regulation and legal

acts, which prevents a creative approach to the improvement of the urban environment, and makes it difficult to take into account local residents' opinion. The authors of the article, considering the existing regional legislation and international experience, propose measures to enhance the institutions and principles in the field of urban improvement. On the one hand, costs of improvement programs should be adequate to the capabilities of the government (regions), business, and society; improvement should not turn into a heavy burden and a source of rent extraction. On the other hand, it was shown that significant liberalization in this field should be achieved in order to move from bureaucratic regulation towards respecting the opinion of local residents and property owners. The opinion of residents and owners (rather than abstract standards) should form the basis of decision-making, and unnecessary improvement projects and rules should not be imposed. This requires the revival of the public hearings institution, both in urban planning projects and in improvement projects, and it is necessary to guarantee the veto right of local residents and take into account their position. In practice, various formats can be used for protecting the rights of local residents – from local referendums to creating public councils. Other actors (political parties, nonprofit organizations, etc.) can also play an important role in public discussion, but for an effective dialogue, fundamental measures are needed to develop local democracy and civil society.

Keywords: comfortable urban environment, urban improvement, legal regulation, urban planning policy, public hearings, local democracy

Acknowledgements: The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

For citation: Makarov A.V., Golubenko O.I. Programs for Comfortable Urban Environment in Russia: Institutions, Regulation, and Finance, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 140-160. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_140

Институциональные рамки программ благоустройства и общественного обсуждения

В России все более активно реализуются программы благоустройства в рамках задачи формирования комфортной городской среды, которая превращается в приоритетное направление государственной политики, как на федеральном, так и на местном уровне. Вместе с тем, к сожалению, далеко не всегда мы можем отождествлять проект благоустройства с общественным благом, что происходит в том числе и в связи с институциональными проблемами в данной сфере. Возникает ряд проблемных вопросов. Как обеспечить учет общественного мнения и запроса жителей конкретной территории при реализации проекта благоустройства? Каким образом выбрать формат взаимодействия государства, жителей, общественных организаций при планировании благоустройства? Как обеспечить оптимальность расходов на благоустройство, как с точки зрения расходов государства, так и издержек бизнеса? Как не допустить превращения программ благоустройства в источник извлечения ренты? Каким образом предотвратить бюрократизацию сферы благоустройства, когда многочисленные регламенты мешают гибко подходить к конкретному проекту, учитывать мнение местных жителей и собственников? В рамках настоящей статьи планируется рассмотреть эти

и некоторые другие вопросы, а также предложить меры по совершенствованию институтов, принципов финансирования и регулирования в сфере благоустройства, чтобы смягчить возникающие дисбалансы.

После начала реализации в России национальных проектов, программы благоустройства стали рассматриваться как приоритетное направление государственной политики на федеральном уровне (Одинцова 2019). В федеральном проекте «Формирование комфортной городской среды»¹, реализуемом в рамках национального проекта «Жилье и городская среда», ставится задача к 2030 г. благоустроить 62265 общественных территорий, обеспечить прирост специально разработанного среднего индекса качества городской среды с 8 % в 2021 г. до 22 % в 2024 г. и до 50 % в 2030 г. Доля городов с благоприятной средой (индекс качества выше 50 %) в общем их количестве должна вырасти с 40 % в 2021 г. до 60 % в 2024 г. и до 80 % в 2030 г. Проект предусматривает равное федеральное и региональное финансирование в размере 78.5 млрд руб.

Развитие общественных пространств все чаще воспринимается как важное направление городского развития. Исследование Всемирного банка (Kaw, Lee, Wahba 2020) показывает, что качественные общественные пространства позволяют повысить конкурентоспособность за счет укрепления социальной сплоченности, улучшения здоровья и благополучия граждан, привлечения инвестиций и роста предпринимательства. Авторы приводят примеры, как развитие общественных пространств способствует росту продаж бизнеса, стоимости земли и недвижимости, увеличению муниципальных доходов. Так, в Пекине в результате реализации проекта по восстановлению исторического района Дашилань (Dashilan)², в первую очередь пешеходной зоны Янмэйчжу (Yangmeizhu), зафиксирован значительный рост числа новых предприятий. Общий доход от продаж на Янмэйчжу вырос с менее чем 1 млн юаней (151 тыс. долл. США) в 2012 г. до 85 млн юаней (12.9 млн долл.) в 2018 г. Стоимость недвижимости за указанный период повысилась более чем вдвое (Kaw, Lee, Wahba 2020: 5-6, 195-210). В Тбилиси цены на аренду и покупку недвижимости вдоль отреставрированной пешеходной зоны проспекта Давида Агмашенебели удвоились с 2015 по 2017 г., поэтому резко возросли поступления в бюджет от уплаты налога на имущество расположенных там коммерческих организаций (Kaw, Lee, Wahba 2020: 6, 390-396).

Необходимо отметить, что, несмотря на рост внимания к градостроительству, вопросам благоустройства и дискурсу урбанизма, существуют очень разные подходы в этой сфере. Омские исследователи пишут о наличии как минимум трех типов урбанистической идеологии: дискурс высокой урбанистики, который ставит задачу формирования индустриального, модернистского города; дискурс левой урбанистики, нацеленный на решение социальных проблем; дискурс хипстерской урбанистики, актуализирующий

¹ Приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды» // Правительство России. URL: <http://government.ru/projects/selection/649/> (дата обращения: 03.02.2024).

² Также распространены варианты названия с эризацией – Dashilanr/Dashilar.

запрос жителей на комфортную, удобную для жизни среду с современным дизайном общественных пространств (Оводова, Чупин, Жигунов 2018). Екатеринбургские ученые, исследуя альтернативы урбанистического развития, выделяют стратегии креативного города и права на город. Первая ориентирована в большей степени на запросы обеспеченных людей, занимающих креативные экономические ниши; вторая нацелена на выравнивание прав и одинаковый доступ к городской инфраструктуре всех горожан (Кочухова, Мартьянов 2019). В этой связи и на общественном, и экспертном уровне могут возникать дополнительные сложности, связанные с тем, что участники дискуссии по-разному понимают цели и принципы городского развития.

Важной особенностью федеральных программ в России стала декларируемая цель закрепления институтов общественного обсуждения и общественного контроля в сфере благоустройства. Установлен важный целевой показатель – вовлечение 30% граждан в обсуждение проектов благоустройства. Такая постановка задачи выступает крайне позитивной тенденцией, люди получают возможность участвовать в обсуждении благоустройства своего двора и общественных пространств. Для этого проводятся как личные встречи с гражданами, так и онлайн-голосование на региональных платформах, когда жители могут выбрать приоритетные объекты, определить тот или иной формат реконструкции, оставить замечания и предложения. Например, некоторые решения в сфере благоустройства Москвы обсуждались на интернет-портале «Активный гражданин»³, а Московской области – на цифровой платформе «Добродел».

Согласно международным рекомендациям, в том числе Всемирной организации здравоохранения (Бартон, Цуру 2004), именно жители должны играть ключевую роль в городском планировании и развитии, могут быть предложены разные форматы участия и учета их мнения с опорой на информирование, консультации и делегирование полномочий. Можно отметить некоторые позитивные изменения в этом направлении в России. Так, закон «О регулировании дополнительных вопросов в сфере благоустройства в Московской области» в 2018 г. был дополнен важной ст. 69.2, где отмечается, что «все решения по благоустройству территорий должны приниматься открыто и гласно, с учетом мнения жителей соответствующих территорий»⁴. Некоторую роль в организации общественного контроля сыграл приказ

³ Более подробно см.: (Ерохина 2021).

⁴ В статье рекомендуется «размещение проектов, а также информации об их реализации на официальном сайте органа местного самоуправления... При организации общественных обсуждений проектов благоустройства необходимо предусматривать оповещение о проведении общественных обсуждений на официальном сайте органа местного самоуправления... информационных стендах дворовых территорий, а также иными способами, обеспечивающими доступ участников общественных обсуждений к указанной информации». См.: Закон Московской области от 30 декабря 2014 г. № 191/2014-ОЗ «О регулировании дополнительных вопросов в сфере благоустройства в Московской области» // Министерство благоустройства Московской области. URL: <https://minblag.mosreg.ru/download/document/7075235?yclid=lyl4un4icj406204264> (дата обращения: 03.02.2024).

Минэкономразвития России⁵, согласно которому государственные закупки стоимостью более 1 млрд руб. должны проходить обязательное общественное обсуждение. Это актуально, например, для ряда программ в Москве.

Также следует отметить возможность непрямого общественного контроля в сфере благоустройства через полномочия муниципальных депутатов, которые теоретически могут влиять на программы благоустройства и контролировать их качество, отражая запросы избирателей своего округа. Даже в Москве, где традиционно были крайне невелики полномочия органов местного самоуправления, муниципальные депутаты получили право ежегодно согласовывать адресный перечень дворовых территорий и общественных пространств⁶ для проведения благоустройства, список многоквартирных домов (МКД) для капитального ремонта.

Другое дело, что позитивная роль муниципальных депутатов требует наличия приемлемого уровня субъектности местного самоуправления, в том числе с точки зрения возможности электоральных процедур учитывать реальные запросы населения. В общественном восприятии местные депутаты нередко превращаются фактически в «проводников» решений исполнительной власти (Лейбович, Шушкова 2010). Изменения в избирательном законодательстве зачастую направлены на снижение роли местного самоуправления и муниципальных депутатов (Мальковец 2021). Например, мы наблюдаем тенденцию отмены выборов по партийным спискам в муниципальные советы депутатов, сложности с регистрацией самовыдвиженцев и иных кандидатов на выборах, что приводит к снижению их возможности представлять интересы избирателей. Для исправления ситуации необходимо возрождение партийных списков на выборах (50% для всех муниципалитетов, за исключением, возможно, самых небольших сельских территорий), переход к альтернативе внесения денежного залога для регистрации на выборах⁷. Нередко местные депутаты лишались полномочий и в градо-

⁵ Приказ Министерства экономического развития РФ от 30 октября 2015 г. № 795 «Об утверждении Порядка обязательного общественного обсуждения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в случае, если начальная (максимальная) цена контракта либо цена контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), превышает один миллиард рублей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201512140026> (дата обращения: 03.02.2024).

⁶ Муниципальные депутаты получили полномочия согласования планов благоустройства парков и скверов. См.: Закон г. Москвы от 11 июля 2012 г. № 39 «О наделении органов местного самоуправления муниципальных округов в городе Москве отдельными полномочиями города Москвы» // Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/5769220/?ysclid=ly15im8cmi618651839> (дата обращения: 03.02.2024).

⁷ До 2009 г. партии могли внести залог в размере 15% от максимального размера избирательного фонда, чтобы принять участие в федеральных выборах; для региональных выборов залог не мог быть менее 10%. Он возвращался, если кандидат набрал по итогам выборов не менее 5% голосов избирателей, а федеральный список кандидатов должен был набрать более 3%. Таким образом, залог помогал кандида-

строительной сфере. Так, принятый в 2020 г. Федеральный закон № 264-ФЗ⁸ позволил передавать полномочия для принятия правил землепользования и застройки (ПЗЗ) от совета депутатов к главе муниципалитета.

Вместе с тем в российских городах за последние десятилетия появилось достаточно много общественных организаций и объединений граждан, неравнодушных к судьбе своего микрорайона и города, которые пытаются решать локальные проблемы, в том числе в сфере благоустройства, взаимодействуя с органами власти. Однако, как отмечают исследователи, таким ассоциациям не хватает четкости целей, происходит концентрация на отдельных локальных аспектах, что не способствует системному решению городских проблем (Оводова, Чупин, Жигунов 2018; Кольба, Кольба 2019). Существенным барьером становятся апатия и равнодушие многих жителей, о чем свидетельствуют интервью с активистами (Оводова, Жигунов 2018). Еще одна серьезная проблема связана с активными миграционными процессами: недавно приехавшие жители, как правило, слабо идентифицируют себя с микрорайоном и городскими проблемами, демонстрируют низкую гражданскую активность (Кольба, Кольба 2019).

Как отмечают пермские социологи, для городского общественного движения в России базовой проблемой стало исключение из него наиболее активных в социально-экономическом аспекте граждан (Лейбович, Шушкова 2010). Если в западной социологии нередко подчеркивается, что местная политика – это удел состоятельных и образованных людей, то отечественные исследования показывают, что бизнесмены и представители интеллигенции часто пассивны в политическом и социальном отношении, решают с чиновниками только личные вопросы, массово не ходят на выборы (чем выше уровень комфорта жилого комплекса, тем ниже явка на выборах). Для изменения ситуации население должно обладать гражданской городской культурой, которая, как отмечают екатеринбургские ученые, формируется поколениями (Мартьянов, Руденко 2012).

Вместе с тем в России имеют место успешные объединения граждан, которые смогли решить волнующие их городские проблемы. В качестве примера приведем кейс из статьи краснодарских ученых (Кольба, Кольба 2019) о конфликте в Юбилейном микрорайоне, жители которого хотели отстоять набережную и зеленую зону вокруг от застройки. Массовые протесты привели к тому, что городская администрация провела социологический опрос, в ходе которого 81,3% жителей микрорайона выступили против застройки, что позволило сохранить зеленую зону. Этот пример показывает, как создается прямой механизм демократического самоуправления, когда решение принимается на основании опроса местных жителей (фактически

там, имеющим определенную поддержку в обществе, принять участие в выборах, не сталкиваясь с проблемами непрозрачности проверки подписей.

⁸ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012022007310076?ysclid=l9l649dp8f337931918> (дата обращения: 03.02.2024).

референдума). Здесь можно вспомнить опыт Швейцарии, где референдумы стали неотъемлемой частью механизма принятия решений. Также приведенный пример свидетельствует о важнейшей роли социального капитала и объединения усилий общественных организаций: успех местных жителей во многом объясняется как их самоорганизацией (из числа активистов был создан общественный совет микрорайона), так и помощью структур гражданского общества (региональные отделения политических партий «Яблоко», «Патриоты России» и КПРФ, некоммерческая организация «Экологическая вахта по Северному Кавказу», общественное движение «За Краснодар»).

Однако, несмотря на позитивные примеры учета общественного запроса, остается ряд базовых проблем низких институциональных и правовых гарантий защиты прав местных жителей при реализации проектов благоустройства и городского развития. Выделим некоторые из них.

Во-первых, риски формального общественного обсуждения проектов благоустройства, когда жителям предлагается не выбрать, а одобрить фактически готовое решение. В этой связи представляется, что общественное обсуждение должно как минимум проводиться не по проекту благоустройства, но по выбору одного из нескольких проектов, с возможностью доработки выбранного варианта с учетом предложений и замечаний жителей.

Во-вторых, отсутствие у жителей формального права вето. Даже если замечания и предложения вносятся в протокол общественного обсуждения, это не закрепляет обязательств учитывать их. Данная проблема актуальна и для градостроительной деятельности. Как отмечают екатеринбургские исследователи (Харинов, Синицына 2022), законодательство оговаривает, что должны быть приведены аргументированные доводы о целесообразности или нецелесообразности учета внесенных участниками обсуждения предложений и замечаний, но на практике эта норма часто не соблюдается. Теоретически проект благоустройства может быть реализован, даже если все участники обсуждения высказались против. В этой связи представляется важным нормативно закрепить право вето местных жителей: при несогласии 50% участников общественных обсуждений (лучше предусмотреть существенно меньший порог) проект должен отправляться на доработку для поиска компромиссных решений. Здесь можно вспомнить позитивный опыт московского закона о реновации 2017 г.⁹, в рамках которого снос дома и переселение жителей происходят только при согласии не менее чем 2/3 собственников квартир. Представляется, что подобные требования должны быть распространены и на иные градостроительные решения (принятие проектов планировок, поправок в ПЗЗ и т.д.), а также на утверждение проектов благоустройства. При этом формальный подход недопустим: даже если меньшинство жителей (четверть или треть) активно возражают против

⁹Закон г. Москвы от 17 мая 2017 г. № 14 «О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве» // Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/36411220/?ysclid=ly19blunqq882807363> (дата обращения: 04.02.2024).

решений по благоустройству территории, их мнения должны быть учтены для выработки компромиссных решений.

В-третьих, цифровизация взаимодействия государства и граждан, помимо его упрощения, влечет за собой значительные риски ослабления демократических процедур. Так, например, в градостроительной сфере после принятия в 2017 г. Федерального закона № 455-ФЗ¹⁰ многие муниципалитеты отказались от очных публичных слушаний в пользу общественных обсуждений с возможностью подачи обращений через Интернет, почту и т.д. (Медведев 2018). Однако это приводит к сокращению живого диалога между руководителями администрации и гражданами; письменные ответы от уполномоченных работников не могут заменить прямой дискуссии с непосредственными руководителями муниципалитета. Опыт Москвы – портал «Активный гражданин» – показывает, что многие протоколы общественных обсуждений содержат просто отказ от учета критических замечаний по формальным основаниям, не выглядят как результат содержательной дискуссии с местными жителями. К тому же, если очные встречи часто критиковались за попытки застройщиков и иных лиц привлечь оплаченную «массовку» для одобрения проекта, то онлайн-обсуждение только упростило эту задачу – организовать размещение положительных комментариев легче, чем привести людей на слушания.

В-четвертых, онлайн-голосования порождают риски масштабного участия незаинтересованных лиц. Так, на портале «Активный гражданин» некоторые жители принимают участие в голосовании не с целью высказать мнение, а ради бонусных баллов, нажимая на почти случайный вариант ответа. Очевидно, что это может исказить реальную картину общественного мнения.

В-пятых, личные встречи с гражданами могут назначаться в рабочее время, что не позволяет многим принять участие в общественном обсуждении.

Проблемы финансирования программ благоустройства

Что касается институциональной рамки финансирования программ благоустройства, то в этой сфере могут складываться проблемы как мягких, так и жестких бюджетных ограничений. Богатые регионы часто сталкиваются с критикой, что на программы благоустройства тратятся значительные суммы, которые полезнее было бы направить на программы развития социального обеспечения, здравоохранения, образования, особенно с учетом крайне неравномерного распределения доходов между субъектами РФ (Чаннов 2019). Так, в 2020 г. расходы бюджета на душу населения составили в Москве 249.7 тыс. руб., в Петербурге 135.2 тыс., но,

¹⁰ Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 455-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201712290084> (дата обращения: 04.02.2024).

например, в Орловской, Ивановской, Тамбовской областях не превышали 50 тыс.¹¹ При этом в 2011–2019 гг. столичные власти потратили на благоустройство 1.5 трлн руб.¹², что почти достигло суммарных трат всех остальных субъектов РФ (1.7 трлн руб.). Эта статья расходов выросла за указанный период с 6 до 13% бюджета и в какой-то момент превысила расходы на образование. Как отмечает Н.В. Зубаревич, расходы Москвы на благоустройство на душу населения в 15–16 раз превышают показатели всех других регионов суммарно. При этом по душевым расходам на социальную политику в период Ю.М. Лужкова столица опережала другие регионы в 2.6–2.8 раз, в 2016 г. – в 2.3 раза, в 2017 г. – в 1.9 раз (Зубаревич 2018).

В небольших населенных пунктах денег на благоустройство часто не хватает. Федеральный центр начал активно финансировать благоустройство российских городов, но это повлекло за собой не только позитивные последствия. С одной стороны, такого рода целевое финансирование иногда не учитывает действительно актуальные проблемы малых городов, складываются ситуации, когда им не хватает средств на решение важнейших проблем в здравоохранении, образовании, на социальную поддержку уязвимых категорий населения и т.д. При этом значительные средства тратятся на благоустройство условного сквера, что нарушает логику приоритетности госпрограмм.

С другой стороны, финансирование благоустройства превращается в ресурс, который должен быть освоен, даже если речь идет об избыточном благоустройстве, вызывающем возражения жителей. В качестве примера приведем конфликт 2020 г. вокруг благоустройства Парка XXII Партсъезда в Екатеринбурге. Жители близлежащих домов возражали против возведения сада камней, прокладки велосипедных дорожек, создания искусственного рельефа, строительства летнего кинотеатра, амфитеатра и т.д.¹³ В ответ мэрия заявила: «Мы осваиваем парк, они протест»¹⁴. Эта фраза показывает, что городские власти не воспринимали парк как ценный, требующий охраны объект, напротив, в рамках такой идеологии он стал предметом освоения. В итоге благодаря переговорам проект частично скорректировали¹⁵. Но, ко-

¹¹ Бюджеты субъектов РФ в цифрах // Бюджет.ru. URL: <https://bujet.ru/article/396309.php> (дата обращения: 04.02.2024).

¹² Благоустройство Москвы в этом году оказалось дороже Крымского моста // Ведомости. 13.12.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/12/12/818607-blagoustroistvo-moskvi> (дата обращения: 04.02.2024).

¹³ Мэрия изменит проект реконструкции парка за Дворцом молодежи по требованию местных жителей // E1.ру. 22.05.2020. URL: <https://www.e1.ru/text/gorod/2020/05/22/69273586/> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁴ «Мы осваиваем парк, они протест». Высокинский – о выступлениях из-за парка 22 Партсъезда // БезФормата. URL: <https://ekaterinburg.bezformata.com/listnews/visokinskiy-o-vistupleniyah-iz-za-parka/86050086/> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁵ Проект реконструкции парка XXII Партсъезда изменен, у активистов новые инициативы // МК-Урал. 09.07.2020. URL: <https://eburg.mk.ru/social/2020/07/09/proekt-rekonstrukcii-parka-xxii-partsezda-izmenen-u-aktivistov-novyie-iniciativy.html> (дата обращения: 04.02.2024).

нечно, требуется изменить мотивацию органов власти, перейти от идеологии освоения к бережному отношению к городским пространствам и экосистемам.

В менее богатых субъектах РФ власти часто не имеют значительных средств на благоустройство; возникает феномен жестких бюджетных ограничений, когда жители жалуются на низкие темпы благоустройства или вообще на них перекладываются расходы. Например, в программы благоустройства дворов может входить только минимальный набор (ремонт освещения и т.д.), а за дополнительные мероприятия (озеленение, модернизация детских площадок) с местных жителей требуется доплата.

В качестве примера приведем Татарстан, где широкое распространение получило так называемое самообложение. Местные власти в небольших населенных пунктах проводили референдумы, на которых жители должны были проголосовать за введение для себя дополнительного налога (на ремонт дорог, иных объектов). Суммы были небольшими, однако в данном случае критику вызывает сам принцип. Теоретически институт самообложения подразумевает, что жители добровольно решают профинансировать какой-то особенный локальный проект, например, построить спортивную площадку повышенной комфортности. Другое дело, когда государство фактически начинает требовать доплаты за предоставление базовых услуг. В результате жители иногда отказывались голосовать за введение дополнительного местного налога, некоторые референдумы признали несостоявшимися по причине низкой явки¹⁶. Очевидно, что необходимы реформы в сфере границ практики самообложения, это должно быть исключением для особых мероприятий, а не стандартным способом усиления фискальной нагрузки, при этом инициатива должна исходить от населения, а не местной администрации.

В качестве еще одного примера приведем ситуацию в Белгороде, где местные власти разработали новые правила благоустройства, которые переносили избыточные издержки с муниципалитета на местных жителей. В частности, жители должны убирать и обслуживать не только свои земельные участки, но и прилегающую городскую территорию – 30 м по периметру МКД и 100 м вокруг участков личных подсобных хозяйств. Жители выходили на митинги против подобного перекладывания базовых издержек муниципалитета на них¹⁷.

Зачастую недооценивается проблема издержек соблюдения правил благоустройства. Если реализовывать их строго и формально, появятся

¹⁶ Самооблагаться отказались: наблюдатели сорвали референдум в Татарстане // Новые известия. 29.11.2019. URL: <https://newizv.ru/news/2019-11-26/samooblagatsya-otkazalis-nablyudateli-sorvali-referendum-v-tatarstane-298564> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁷ В Белгороде провели митинг против новых правил благоустройства // Fonar.tv. 20.01.2019. URL: <https://fonar.tv/photorep/2019/01/20/v-belgorode-proveli-miting-protiv-novyh-pravil-blagoustroystva>; Белгородцы протестуют против новых правил благоустройства // Комсомольская правда. 22.01.2019. URL: <https://www.bel.kp.ru/daily/26932/3982335/> (дата обращения: 04.02.2024).

значительные неоправданные расходы со стороны как бизнеса, так и населения. Это касается, например, требований мгновенного ремонта фасадов зданий. Для объектов культурного наследия или исторического центра действительно важно поддерживать фасад в идеальном состоянии, но если речь идет о продуктовом магазине на окраине города или тем более частном доме в деревне, то оптимальное время ремонта должно все же определяться собственником с учетом доступных денежных средств; вмешательство государства тут нельзя считать оправданным.

Проблема издержек касается и регламентов содержания территории. Например, если в муниципалитете зафиксировано требование об уборке снега в срок не более чем несколько часов после снегопада, то формально это означает, что любой продуктовый магазин или ресторан должен содержать штат дворников, которые даже в ночные часы мгновенно уберут снег на прилегающей территории. Большие издержки возникнут, если соблюдать прописанные регламенты полива зеленых насаждений на прилегающей территории. И таких примеров можно привести очень много. Но проблема недостаточного учета практических издержек соблюдения правил, при всей ее важности, не является единственной.

Проблемы регламентов и гибкости подходов к благоустройству

Не менее важной проблемой выступает доминирование многочисленных регламентов, которые мешают учитывать мнение местных жителей, креативно развивать территорию, свободно проявлять творчество при оформлении пространства. Здесь можно вспомнить Ж.-Б. Кольбера, знаменитого государственного деятеля эпохи Людовика XIV, который полагал, что главное в любом деле – установить регламент. К сожалению, «философия избыточных регламентов» часто проявляет себя и в сфере благоустройства.

Это можно наблюдать, например, в ситуациях, когда детские площадки, архитектурные сооружения и другие объекты, установленные местными жителями, демонтируются коммунальными службами по формальным основаниям, как не соответствующие ГОСТам и другим регламентам, хотя они не создавали реальных рисков и активно использовались местными жителями¹⁸. Например, недовольство местных жителей вызвал демонтаж динозавра из труб и покрышек (шинозавра) – арт-объекта, который многие годы простоял в Москве на улице Мневники и был объектом туристического притяжения, хотя и не вписывался в стандартные схемы благоустройства дворовой территории¹⁹.

¹⁸ См., напр.: Горка раздора // Администрация городского округа Химки. 03.02.2021. URL: <https://www.admhimki.ru/novosti/novosti/gorka-razdora/> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁹ «Шинозавр разрушен». Почему в Москве демонтировали главный символ ЖКХ-арта // Мослента. 11.07.2022. URL: <https://moslenta.ru/city/sreda-obitaniya/shinozavr-razrushen-pochemu-v-moskve-demontirovali-glavnyi-simvol-zhkkh-art>. htm (дата обращения: 04.02.2024).

Другой показательный пример – избыточная борьба с граффити²⁰. Законы в этой сфере предполагают существенные сложности при их согласовании в Москве²¹. В Московской области согласование, вероятно, является более простым, предусмотрено разрешение через оформление колористического паспорта в муниципальной комиссии. Но в любом случае сложно ожидать от уличного художника, что он будет собирать десятки справок для узаконивания изображения. В ряде городов, в том числе в Петербурге, выделили специальные зоны, где уличные художники могут наносить изображения без согласований²².

Очевидно, что нужен компромисс между защитой облика ценных зданий и развитием уличного искусства (и признание его таковым). Либерализация в сфере граффити позволит развивать туристические места и творчество. Целесообразно отменить согласование изображений для территорий, где можно ожидать положительных решений собственников (зоны индивидуального жилищного строительства и садоводческих товариществ, пансионаты и зоны отдыха, отдельные места внутри промышленных зон и т.д.). Собственники вполне могут самостоятельно выбрать красивые изображения для нанесения на фасады без лишних согласований. Для иных территорий рекомендуется использовать опыт Петербурга, то есть выделение специальных зон для свободного творчества художников. Граффити – хороший пример, как общественные пространства можно улучшить и в условиях ограниченного бюджета. Так называемый тактический урбанизм предполагает введение временных малозатратных и немасштабных изменений, что повышает вовлеченность граждан, побуждает органы власти и градостроителей налаживать контакт с жителями для совместного поиска решений.

В качестве примера рассмотрим Екатеринбург, который известен своими фестивалями уличного искусства и является общепризнанным лидером стрит-арта в стране (Филосян 2022). Эта культура зародилась в городе в 1980-е гг., однако свое активное развитие получила в 2010-е гг. В настоящее время на улицах и площадях города в сотрудничестве с органами власти реализуются различные арт-проекты. Международный фестиваль уличного искусства *Stenograffia*, который проводится в Екатеринбурге с 2010 г., объединяет участников из России и других стран. Главной целью является переосмысление окружающего пространства и превращение обезличенных построек в местные достопримечательности. В рамках мероприятия проходят мастер-классы и креативные сессии. Еще одно заметное событие – проводимый с 2020 г. фестиваль паблик-арта «ЧО», популяризирующий тему уральской идентичности, истории города и локального патриотизма. Ор-

²⁰ См., напр.: Фреска на заборе: как узаконить уличное искусство? // Циан. 09.06.2020. URL: <https://www.cian.ru/stati-freska-na-zabore-kak-uzakonit-ulichnoe-iskusstvo-306387/> (дата обращения: 04.02.2024).

²¹ Не вандализм, а искусство: как согласовать граффити в городе // РИА Новости. 01.10.2021. URL: <https://realty.ria.ru/20211001/graffiti-1752518654.html> (дата обращения: 04.02.2024).

²² В Петербурге разрешили установку первой стены для граффити // ИА Regnum. 21.05.2021. URL: <https://regnum.ru/news/3276132> (дата обращения: 04.02.2024).

ганизатор проекта – компания «Атомстройкомплекс», соорганизатором выступает Уральский филиал Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Однако в городе имеют место и нелегальные практики. Например, в рамках фестиваля стрит-арта «Карт-бланш», впервые прошедшего в 2018 г., работы создаются без согласования с властями и горожанами, поэтому такое творчество вызывает неоднозначную реакцию.

Разумеется, проблема с согласованием граффити не является единственной бюрократической сложностью в современном городе. Бюрократизация затрагивает сферу архитектуры и строительства в целом. В рамках данной статьи мы не будем подробно разбирать все проблемы архитектурного и градостроительного процесса, акцентируем внимание лишь на некоторых важных моментах.

Для начала отметим, что бюрократизация в сфере архитектуры и строительства – отчасти западная тенденция. Опасность представляют не только идеи кардинального переустройства города (в духе знаменитого архитектора Ле Корбузье, который предлагал снести центр Парижа, чтобы соорудить 18 одинаковых огромных зданий), но и нарратив жесткой защиты исторического облика. Например, в США и Великобритании со второй половины 1960-х гг. начали принимать законы о защите исторического облика города²³, подобные законы стали ужесточаться и в других странах, что порой превращалось в тоталитарную практику, разрушающую базовое право частной собственности. Владелец дома или магазина лишается прав не только на обновление фасада здания, но даже не может перекрасить внутренние стены, изменить дизайн двери и т.д. В ряде американских городов ПЗЗ и другие регулирующие документы превратились в огромные манускрипты, которые пытаются регламентировать даже самые незначительные аспекты облика здания и территории, не давая архитектору и собственнику творческой свободы, грубо и недопустимо вмешиваясь в частную жизнь. Представляется важным предостеречь от ориентации на западный опыт (в первую очередь на опыт США) при совершенствовании градостроительного регулирования в России.

Однако и в нашей стране имеет место бюрократизация строительной сферы, что проявляется в правилах согласования архитектурно-градостроительного облика (АГО), благоустройства, оформления колористического паспорта строений, сооружений, ограждений и т.п. В рамках этих правил местные чиновники-архитекторы начинают навязывать запреты по поводу окраски зданий, сочетаний цветов, ужесточают требования к строительным материалам, объемно-пространственным, архитектурно-стилистическим и иным характеристикам объекта.

Такие бюрократические требования могут носить откровенно субъективный характер и мешать творческому замыслу архитектора и собственника. Очевидно, что в этом вопросе не может быть объективной истины; вопросы цветов (нужно ли выбирать для фасада или крыльца здания зе-

²³ Более подробно см.: (Глазычев 2008).

лений или синий цвет, красиво ли сочетание красного и зеленого и т.д.), материалов (нужно ли делать крыльцо здания из кирпича или дерева и т.п.) и стилей являются предметом субъективных дискуссий разных архитектурных направлений и школ и должны решаться под конкретный строительный проект. Попытки какого-то чиновника (или урбаниста) представить личное мнение как универсальную объективную истину не могут считаться обоснованными. Возникает проблема, которую американский экономист У. Истерли называет «тиранией экспертов», когда экспертное мнение превращается в инструмент авторитарного принуждения. Исследователь подчеркивает, что подлинное социально-экономическое развитие в интересах обычных людей должно основываться на демократических принципах учета их мнений, нельзя допускать игнорирования общественного мнения под предлогом авторитарных экспертных рекомендаций (Истерли 2016). Данная проблема ярко проявляется и в градостроительном процессе.

Жесткие требования к АГО можно считать уместными для объектов культурного наследия, отчасти для исторических поселений, но не для обычного живого города. Его красота заключается в многообразии архитектурных решений, особенно если речь идет о дизайне частных домов, ресторанов, мест развлечений и т.д. В этой связи критику вызывает практика согласования АГО и колористических паспортов. В качестве примера приведем Екатеринбург, где по требованиям прокуратуры и искам Гильдии строителей Урала отменили процедуру согласования АГО²⁴. Строительные компании называли ее существенной проблемой, затягивающей реализацию проектов из-за субъективных и обременительных требований.

В соответствии с поправками, внесенными в декабре 2022 г. в Градостроительный кодекс РФ (ГрК РФ)²⁵, требования к АГО должны быть прописаны в муниципальных ПЗЗ. С одной стороны, с учетом их принятия на публичных слушаниях это может сделать процедуру более публичной и, соответственно, более проработанной. Также отметим позитивную тенденцию деbüroкратизации – в ГрК РФ закреплено, что согласование АГО не нужно для ряда объектов, например, не требующих получения разрешения на строительство. С другой стороны, возможное расширение применения процедуры вызывает опасения с точки зрения рисков бюрократизации строительной сферы, избыточного административного давления, тирании экспертов. Если традиционные параметры ПЗЗ (предельное количество этажей, вид разрешенного использования земли и т.д.) имеют возможности для объективных оценок и нормативного регулирования с учетом защиты прав соседних правообладателей, то регулирование цвета или силуэта фасада является субъективным вкусовым решением.

²⁴ В Екатеринбурге отменили муниципальный архнадзор. Прогнозы последствий // РБК. 27.11.2020. URL: <https://ekb.rbc.ru/ekb/27/11/2020/5fc10ad69a79475528b831d1> (дата обращения: 04.02.2024).

²⁵ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102090643> (дата обращения: 04.02.2024).

В этой связи представляется, что согласование АГО должно быть не общей градостроительной практикой, а вопросом исключительных ситуаций – для объектов культурного наследия, охраняемого исторического центра и т.д. Позитивной можно назвать законодательную практику Московской области²⁶, где зафиксировано, что колористические требования к фасадам зданий в рамках согласования АГО носят рекомендательный характер (хотя, к сожалению, они не были чисто рекомендательными в ряде случаев при оформлении колористического паспорта при ремонте зданий, например, МКД).

В целом представляется, что если сохранять процедуру согласования АГО, то крайне важно предусмотреть следующие институциональные меры защиты прав собственников от бюрократических преград:

- обязательные публичные слушания при установлении требований в рамках согласования АГО;
- согласование требований с предпринимателями и бизнес-ассоциациями для недопущения роста издержек;
- рекомендательный характер требований к фасадам, обязательные требования должны распространяться только на исключительные случаи (объекты культурного наследия, охраняемый исторический центр);
- любые запреты должны иметь объективное обоснование, закрепление невозможности навязывать субъективные вкусовые оценки.

Рассмотрим еще одну проблему, которая иногда возникает из-за жесткости регламентов благоустройства, – остекление балконов в МКД. Не секрет, что в советское время огромное количество домов было построено без остекления балконов; позже многие собственники (иногда цифра доходила до 100 %) самостоятельно остеклили балконы для расширения используемого домашнего пространства, в том числе с учетом холодной зимней погоды. А дальше возник вопрос легализации остекления, потому что появляется возможность признания таких работ изменением фасада дома, что означает, что формально все балконы должны быть остеклены в одном стиле, после прохождения многочисленных согласований и т.д. Защита облика города опять может превратиться в существенную бюрократическую проблему для жителей. Позитивный пример в данном случае демонстрирует Москва, где с 2011 г. не нужно согласовывать остекление балкона, поскольку это не считается перепланировкой²⁷.

Намного более тревожная ситуация начала складываться в Петербурге, где после принятия поправок в правила благоустройства чи-

²⁶ Закон Московской области от 30 декабря 2014 г. № 191/2014-ОЗ «О регулировании дополнительных вопросов в сфере благоустройства в Московской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=112030173&backlink=1&&nd=112146482> (дата обращения: 04.02.2024).

²⁷ Остекление балкона: материалы, нюансы и советы экспертов // РБК. 17.10.2021. URL: <https://realty.rbc.ru/news/6156f9219a794780192d2210?from=copy> (дата обращения: 04.02.2024).

новники и представители управляющих компаний стали требовать от граждан демонтировать остекление, которое могло быть размещено десятки лет назад. При этом жители фактически не имели возможности легализовать остекление, требовалась разработка комплексного проекта для всего дома, что влекло за собой значительные финансовые и временные затраты²⁸. После волны общественного недовольства была проведена «балконная амнистия». Региональные власти для согласования остекления предоставили срок до 1 января 2030 г. В Постановлении Правительства Санкт-Петербурга²⁹ запрещено требовать от владельцев квартир демонтировать остекление до 1 января 2028 г. Также петербургские депутаты приняли поправки о том, что жителей, которые застеклили балконы до 2021 г., не будут штрафовать за изменение облика фасада³⁰.

Данные меры можно оценить позитивно, но все-таки это не решение проблемы, а сдвиг сроков. Вряд ли к 2028–2030 гг. ситуация существенно изменится, поэтому придется либо продлевать сроки согласования, либо вновь требовать от жителей демонтажа сотен тысяч (если не миллионов) остекленных балконов, с которыми они прожили в комфорте десятки лет. Очевидно, что нужен баланс между защитой прав собственников и общественными интересами (красивый облик города). С этой точки зрения уместно требование о демонтаже несогласованного остекления, если речь идет про особо ценные объекты, здания, признанные объектами культурного наследия, и т.д. Но если мы говорим о панельной многоэтажной застройке, то странно утверждать, что остекленный балкон разрушает ценный архитектурный замысел. Здесь можно рекомендовать идти по пути защиты прав собственников и легализовать любое остекление по решению жителей, как это сделано, например, в Москве.

Заключение

В России активно реализуются проекты благоустройства городов, принимаются нормативные документы, увеличивается финансирование соответствующих программ. Однако это порождает комплекс проблем, некоторые из них проанализированы в настоящей статье. Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать ряд выводов.

²⁸ По правилам и без: чем могут обернуться попытки остекления балконов для петербуржцев? // 78.ru. 12.10.2021. URL: <https://78.ru/articles/2021-10-12/po-pravilam-i-bez-chem-mogut-obernutsya-popitki-ostekleniya-balkonov-dlya-peterburzhcev> (дата обращения: 04.02.2024).

²⁹ Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 24 декабря 2020 г. № 1186 «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 09.11.2016 № 961» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7800202012250003> (дата обращения: 04.02.2024).

³⁰ В Петербурге депутаты окончательно приняли законопроект о «балконной амнистии» // Фонтанка. 10.03.2021. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/03/10/69803804/> (дата обращения: 04.02.2024).

Правила благоустройства полезны с точки зрения комфортности городской среды, но требуют аккуратного, гибкого применения. Необходим широкий общественный консенсус, учет мнений и прав разных слоев населения, местных жителей и собственников при принятии и реализации правил.

Благоустройство не должно восприниматься как обременение, расходы на него должны быть соразмерны другим статьям бюджета, чтобы не вытеснять более важные социальные расходы. Необходимы механизмы, которые не допустят перекалывания избыточных расходов на население и бизнес, тем более в условиях экономического кризиса, когда малый и средний (а иногда и крупный) бизнес находится на грани рентабельности.

Необходимо преодоление «философии избыточных регламентов», требуются гибкие и адаптивные правила благоустройства и нормы развития городской среды с учетом запросов жителей конкретной территории. В рамках стратегического планирования следует делать акцент не на количественных показателях (объемы работ, финансирования) и соблюдении абстрактных нормативов, а на удовлетворенности запросов конечных бенефициаров – местных жителей.

Опасно излишне полагаться на экспертные рекомендации урбанистов, поскольку это может приводить и к уничтожению исторического облика города, и к практике его тоталитарного сохранения. В данной ситуации главным арбитром должны быть местные жители и собственники. Необходимо развивать различные формы их прямого участия в принятии решений (включая публичные слушания, местные референдумы, общественные районные советы и т.д.). Более сложной задачей является возрождение местного самоуправления в целом, что требует электоральных реформ, развития политических партий и общественных организаций. В этом случае можно ожидать большего учета общественного запроса как в рамках благоустройства, так и иных муниципальных программ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бартон Х., Цуру К. 2004. Здоровое городское планирование: планирование для людей. Методическое руководство ВОЗ. Москва. 212 с.

Глазычев В.Л. 2008. Урбанистика. Москва : Европа. 220 с.

Ерохина О.В. 2021. Цифровые формы политического участия в России (на примере платформы «Активный гражданин») // Власть. Т. 29, № 6. С. 54-59. DOI 10.31171/vlast.v29i6.8678

Зубаревич Н.В. 2018. Экономические и бюджетные преимущества Москвы: как они формируются и используются? // Старая и Новая Москва: тенденции и проблемы развития / под ред. А.Г. Махровой. Москва : Издательство ИП Матушкина И.И. С. 25-36.

Истерли У. 2016. Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. Москва : Издательство Института Гайдара. 496 с.

Кольба А.И., Кольба Н.В. 2019. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. № 2. С. 160-179. DOI 10.31249/poln/2019.02.08

Кочухова Е.С., Мартянов В.С. 2019. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. Т. 19, № 2. С. 45-66. DOI 10.17506/aipl.2019.19.2.4566

Лейбович О.Л., Шушкова Н.В. 2010. Власть и городские сообщества в социальном пространстве большого города (на материалах г. Перми) // Мир России. Социология. Этнология. Т. 19, № 2. С. 118-130.

Мальковец Н.В. 2021. Социальные последствия реформы местного самоуправления // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. Т. 2, № 10. С. 146-153.

Мартянов В.С., Руденко В.Н. 2012. Российские мегаполисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. № 12. С. 316-330.

Медведев И.Р. 2018. Общественные обсуждения градостроительных проектов в свете закона № 455-ФЗ // Закон. № 3. С. 126-137.

Оводова С.Н., Жигунов А.Ю. 2018. Война сообществ: репрезентация конфликта в урбанистическом дискурсе // Коммуникативные исследования. № 4. С. 112-127. DOI 10.25513/2413-6182.2018.4.112-127

Оводова С.Н., Чупин Р.И., Жигунов А.Ю. 2018. Урбанистический дискурс о благоустройстве города в городе: от нарративов к институтам // Journal of Institutional Studies. Т. 10, № 3. С. 123-138. DOI 10.17835/2076-6297.2018.10.3.123-138

Одинцова А.В. 2019. Национальный проект «Жилье и городская среда» в системе пространственного развития России // Федерализм. № 4. С. 41-58. DOI 10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-41-58

Филосян А.Ф. 2022. Как город-завод начал производить культуру? Екатеринбург от УОЛЕ до Биеннале // Управление культурой. № 4. С. 29-41. DOI 10.48164/2713-301X_2023_11_94

Харинов И.Н., Сеницына В.А. 2022. Право граждан на участие в принятии градостроительных решений в Российской Федерации: юридическая природа и защита // Антиномии. Т. 22, № 1. С. 131-152. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_131

Чаннов С.Е. 2019. Экономическое неравенство субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в контексте обеспечения конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. № 10. С. 30-41. DOI 10.12737/jrl.2019.10.3

Kaw J.K., Lee H., Wahba S. 2020. The Hidden Wealth of Cities: Creating, Financing, and Managing Public Spaces. Washington : World Bank. 423 p.

Mueller N. et al. 2020. Changing the Urban Design of Cities for Health: The Superblock Model // Environment International. Vol. 134. DOI 10.1016/j.envint.2019.105132

References

Barton H., Tsourou C. *Healthy Urban Planning. A WHO Guide to Planning for People*, Moscow, 2004, 212 p. (In Russ.).

Channov S.E. Economic Inequality of Constituent Entities in the Russian Federation and Municipalities in the Context of Providing Constitutional Rights and Freedoms of Citizens, *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 10, pp. 30-41. (In Russ.). DOI 10.12737/jrl.2019.10.3.

Easterly W. *The Tyranny of Experts. Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2016, 496 p. (In Russ.).

Erokhina O.V. Digital Forms of Political Participation in Russia (Using the Example of the Active Citizen Platform), *Vlast' [Power]*, 2021, vol. 29, no. 6, pp. 54-59. (In Russ.). DOI 10.31171/vlast.v29i6.8678

Filosyan A.F. How Did the Factory Town Turn into a Culture Producer? Ekaterinburg from UOLE to Biennale, *Upravleniye kul'turoy [Managing Culture]*, 2022, no. 4, pp. 29-41. (In Russ.). DOI:10.48164/2713-301X_2023_11_94

Glazychev V.L. *Urban Studies*, Moscow, Evropa, 2008, 220 p. (In Russ.).

Kaw J.K., Lee H., Wahba S. *The Hidden Wealth of Cities: Creating, Financing, and Managing Public Spaces*, Washington, World Bank, 2020, 423 p.

Kharinov I.N., Sinitsyna V.A. Constitutional Control Bodies of the CIS Countries: Order of Formation and Competence, *Antinomii [Antinomies]*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 131-152. (In Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_131

Kochukhova E.S., Martianov V.S. Creative City or Right Toward the City: Alternative of Urban Development in Russian Context, *Antinomii [Antinomies]*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 45-66. (In Russ.). DOI 10.17506/aip.2019.19.2.4566

Kolba A.I., Kolba N.V. Urban Conflicts as a Factor of the Local Communities' Civil-Political Activation, *Politicheskaja nauka [Political Science]*, 2019, no. 2, pp. 160-179. (In Russ.). DOI 10.31249/poln/2019.02.08

Leibovich O.L., Shushkova N.V. Power and Urban Communities in the Social Space of a Big City (Based on Materials from the City of Perm), *Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]*, 2010, vol. 19, no. 2, pp. 118-130. (In Russ.).

Malkovets N.V. Social Consequences of the Reform of Local Self-Government, *Social'naja integracija i razvitie jetnokul'tur v evrazijskom prostranstve [Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space]*, 2021, vol. 2, no. 10, pp. 146-153. (In Russ.).

Martyanov V.S., Rudenko V.N. Russian Megapolises: From Industrial Centers Towards Strategy of Multifunctional Agglomeration, *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk [Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]*, 2012, no. 12, pp. 316-330. (In Russ.).

Medvedev I.R. Public Consultations on Town Planning Projects in Light of Law No. 455-FZ, *Zakon [Law]*, 2018, no 3, pp. 126-137. (In Russ.).

Mueller N. et al. 2020. Changing the Urban Design of Cities for Health: The Superblock Model, *Environment International*, vol. 134. DOI 10.1016/j.envint.2019.105132

Odintsova A.V. National Project "Housing and Urban Environment" in the System of Spatial Development of Russia, *Federalizm [Federalism]*, 2019, no 4, pp. 41-58. (In Russ.). DOI 10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-41-58

Ovodova S.N., Chupin R.I., Zhigunov A.Yu. Urban Discourse about City Improvement: From Narratives to Institutions, *Journal of Institutional Studies*, 2018, vol. 10, no. 3, pp. 123-138. (In Russ.). DOI 10.17835/2076-6297.2018.10.3.123-138

Ovodova S.N., Zhigunov A.Yu. War of Communities: Representation of the Conflict in Urban Discourse, *Kommunikativnye issledovaniya [Communication Studies]*, 2018, no. 4, pp. 112-127. (In Russ.). DOI 10.25513/2413-6182.2018.4.112-127

Zubarevich N.V. Economic and Budgetary Advantages of Moscow: How are They Formed and Used? *Makhrova A.G. (ed.) Old and New Moscow: Trends and Problems of Development*, Moscow, Izdatel'stvo IP Matushkina I.I., 2018, pp. 25-36. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрей Владимирович Макаров

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте РФ; старший преподаватель кафедры экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0003-2268-0011;
ResearcherID: I-9509-2016;
SPIN-код: 8229-7810;
E-mail: andreymakarovh@mail.ru

Ольга Игоревна Голубенко

младший научный сотрудник Института прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте РФ; аспирант кафедры экономики промышленности Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-4844-4263;
SPIN-код: 9023-1267;
E-mail: golubenko-oi@ranepa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Makarov

Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Lecturer, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0003-2268-0011;
ResearcherID: I-9509-2016;
SPIN-code: 8229-7810;
E-mail: andreymakarovh@mail.ru

Olga I. Golubenko

Junior Researcher, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Postgraduate Student, Department of Industrial Economics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-4844-4263;
SPIN-code: 9023-1267;
E-mail: golubenko-oi@ranepa.ru

Васечко В.Ю. Идейное наследие Д.А. Дриля: становление русской уголовно-антропологической школы // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 161-185. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_161

УДК 343.9.018:340.125

DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_161

Идейное наследие Д.А. Дриля: становление русской уголовно-антропологической школы

Вячеслав Юрьевич Васечко

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

*Поступила в редакцию 13.07.2024, поступила после рецензирования 24.07.2024,
принята к публикации 25.07.2024*

Целью статьи является осмысление творческого наследия Д.А. Дриля и принципов русской уголовно-антропологической школы конца XIX – начала XX столетий, у истоков которой он стоял, применительно к современному состоянию отечественной культуры и социально-гуманитарной науки. В качестве инструментов исследования используются историко-системный, ретроспективный и рационалистический методы. Делается акцент на том, что Д.А. Дриль и его последователи, активно заимствуя достижения европейских ученых своего времени (в области как естественных, так и социальных наук), двигались собственным путем, который диктовался спецификой российских правовых и социально-политических реалий, существенно отличавшихся от того, что имело место на Западе. В своей критике так называемой классической школы уголовного права российский ученый-криминолог не копирует идеи Ч. Ломброзо и его сторонников, а четко дистанцируется от крайностей ломброзианцев. Он последовательно выступает за комплексное изучение человека, в том числе преступника, с привлечением арсенала самых разных научных дисциплин и является в этом отношении одним из провозвестников той междисциплинарной интеграции, которая все более становится одним из главных трендов современной науки. Близок Д.А. Дриль науке постнеклассической эпохи и своим нежеланием замыкаться в рамках чисто теоретического знания и убежденностью в необходимости тесного взаимодействия науки с иными формами освоения мира и личностной самореализации (правосудием, религией, нравственностью). Автор статьи приходит к выводу, что проблемы, волновавшие российское общество в эпоху Серебряного века, во многом сохраняют свою актуальность и в настоящее время. В этой связи знакомство с идеями Д.А. Дриля позволяет более адекватно обрисовать состояние, в котором находится

© Васечко В.Ю., 2024

наша страна сегодня, и лучше оценить перспективы ее ближайшего развития вообще и правоохранительной системы в частности.

Ключевые слова: Д.А. Дриль, уголовное право, русская уголовно-антропологическая школа, юридическая антропология, криминальная социология, естественно-научные методы в криминологии, междисциплинарная интеграция

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

The Ideological Legacy of Dmitry Dril: The Formation of the Russian Anthropological School of Criminal Law

Vyacheslav Yu. Vasechko

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Received 13.07.2024, revised 24.07.2024, accepted 25.07.2024

Abstract. The purpose of this article is to comprehend the creative legacy of Dmitry A. Dril and the principles of the Russian anthropological school of criminal law of the late 19th and early 20th centuries, at the origins of which he stood, in relation to the current state of Russian culture and social and humanitarian science. The author uses the historical-systemic, retrospective and rationalistic methods as research tools. It is emphasized that Dmitry Dril and his followers, actively borrowing the achievements of European scientists of their time (in the field of both natural and social sciences), pursued their own path, dictated by the specifics of Russian legal and socio-political realities, which significantly differed from those in the West. In his critique of the so-called classical school of criminal law, the Russian criminologist does not copy the ideas of Cesare Lombroso and his adherents, but clearly distances himself from the extremes of Lombrosianism. He consciously advocates for the comprehensive study of humans, including criminals, drawing on a range of scientific disciplines, thereby heralding interdisciplinary integration, which is increasingly becoming one of the main trends in modern science. Dmitry Dril is aligned with post-non-classical science in his unwillingness to be confined to purely theoretical knowledge and his conviction of the necessity of close interaction of science and other forms of world exploration and personal self-realization (justice, religion, and morality). The article concludes that the concerns of the Russian society in the Silver Age era retain their relevance at the present time. In this regard, acquaintance with Dmitry Dril's ideas allows us to more adequately describe the state in which our country is today and to better assess the prospects for its immediate development in general and the law enforcement system in particular.

Keywords: Dmitry A. Dril, criminal law, Russian anthropological school of criminal law, legal anthropology, criminal sociology, methods of natural sciences in criminology, interdisciplinary integration

Acknowledgements: The research was funded by the grant of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the form of subsidies from the federal budget for conducting major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement of July 12, 2024 No. 075-15-2024-639).

For citation: Vasechko V.Yu. The Ideological Legacy of Dmitry Dril: The Formation of the Russian Anthropological School of Criminal Law, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 161-185. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_161

Введение

Дмитрий Андреевич Дриль (1846–1910) – российский криминолог, магистр права, общепризнанный глава русской ветви *уголовно-антропологической школы*. Не будучи официально признанным при жизни в России, он тем не менее был широко известен на Западе, где криминологи и ученые социально-гуманитарного профиля в целом неизменно отзывались о нем с уважением и регулярно ссылались на его работы. Для многих мэтров западной юридической науки именно он был лицом российской криминологии или, по крайней мере, ее передовой части¹.

Подобно множеству других выдающихся деятелей российской гуманитарной науки, чья жизнь выпала на эпоху, получившую название Серебряного века, Д.А. Дриль был забыт в советское время, а его имя вычеркнуто из энциклопедий и словарей. Наблюдающееся ныне возрождение интереса к его личности и идеям, которое обозначили статья И.А. Голосенко (Голосенко 2002) и последующее переиздание его основных работ, следует рассматривать не просто как дань справедливости и запоздалое признание заслуг перед отечественной культурой и наукой, но и как свидетельство того, что многие проблемы, волновавшие некогда и самого ученого, и русское общество, не потеряли своей актуальности и сегодня.

Поскольку круг интересов Д.А. Дриля – профессиональных, академических, общественных – был чрезвычайно широк, неудивительно, что сегодня его имя фигурирует в самых разнообразных контекстах. Он упоминается в работах не только по истории социологии (как у И.А. Голосенко), но и по юридической и пенитенциарной психологии (Поздняков 2010; Кушнир 2021), при выяснении места криминологии в структуре юридического знания (Санксаев 2022), в исторических обзорах международных тюремных конгрессов (Бахарев 2021; Белова 2021) или функционирования в царской России органов, как сейчас бы сказали, социальной защиты (Горнов 2008) и даже в работах по архитектуре Санкт-Петербурга (Кириков 2008: 339-351) или дореволюционному быту (Семенова 2020). Имя ученого заслуженно успело войти и в отечественные учебники по криминологии (см., напр.: Козаченко, Корсаков 2024: 37). Тем важнее, по нашему мнению, проанализировать, каким образом отразился и преломился в его сознании и многогранной деятельности стиль и дух той сложной и своеобразной эпохи.

¹ По выражению одного из знакомых и соратников Д.А. Дриля, Европа ценила его «выше и лучше, чем его обездоленная родина» (Слобожанин 2010: 670).

При всей своей неординарности и даже уникальности Д.А. Дриль был человеком своего времени. То, что волновало и занимало тогдашнее общество, не могло не найти отклика в его научных интересах и чрезвычайно восприимчивой и отзывчивой душе. Данная проблема – взаимодействие и взаимовлияние индивидуального и социального (социокультурного) на примере одного из ведущих деятелей юридической теории и практики дореволюционной России – вполне достойна стать предметом отдельного рассмотрения. В настоящей статье мы проследим, как социальные реалии и научные веяния эпохи формировали мировоззрение, жизненные интересы Д.А. Дриля, и какова, в свою очередь, роль его собственной разноплановой деятельности в формировании русской культуры Серебряного века – ее интенций, ценностей, проектов, неповторимого облика в целом.

Краткая биография, общая характеристика научной и общественной деятельности, библиография

Несмотря на дворянское происхождение², Д.А. Дриль в детские и юношеские годы изведал нужду и собственным трудом зарабатывал на жизнь, работая, в частности, курьером. Он был вынужден уйти из пятого класса гимназии, а выпускной экзамен сдавал в Орле уже экстерном. В 1868 г. поступил на юридический факультет Московского университета, который успешно окончил в 1873 г. Параллельно проучился несколько лет на медицинском факультете и, хотя не окончил, получил знания по анатомии, физиологии, патологии, психиатрии, которые впоследствии широко использовал в своих работах, чем выгодно отличался от других юристов, обращавшихся к смежным с медициной темам.

Своим призванием Д.А. Дриль считал научную и преподавательскую работу, но из-за противодействия консервативной профессуры из числа коллег-юристов в 1879 г. потерял место в Московском университете. Его магистерская диссертация «Малолетние преступники» была отклонена в университете под предлогом ее скорее медицинского, нежели юридического характера. В 1884 г. Д.А. Дрилю все же удалось защитить свою работу в Харькове, получив степень магистра права. Однако его противники не успокоились и дошли до К.П. Победоносцева, игравшего важную роль при императорском дворе. Тот потребовал от харьковского юридического факультета объяснений. Вскоре допустивший защиту декан А.Н. Стоянов лишился должности. И хотя присужденную степень Д.А. Дрилю оставили, на его карьере произошедшее отразилось самым серьезным образом: распоряжением Министерства народного просвещения он был отстранен от чтения лекций и вообще от преподавательской работы³. Только в последние годы

² Его ближайшие предки были из малороссийских дворян, а мать – племянница М.Н. Загоскина, известного писателя, автора исторических романов.

³ Как полагал М.М. Ковалевский, в правящих сферах сложилось стойкое убеждение, что развиваемая Д.А. Дрилем «новая доктрина не может быть терпима в преподавании, так как она сводится к отрицанию карательной роли государства» (Ковалевский 2010: 684).

жизни, когда в стране появились частные вузы, он смог реализовать свою мечту и прочитал ряд курсов. На базе одного из них вышло его итоговое произведение – «Учение о преступности и мерах борьбы с нею», опубликованное уже посмертно, в 1912 г.

Зарабатывать на жизнь Д.А. Дрилю пришлось чиновничьей службой, сначала в Министерстве финансов, где он занимался статистикой, затем в Министерстве юстиции, сначала на должности юрисконсульта, затем старшего инспектора ревизионных поездок и, наконец, чиновника особых поручений V класса. Постоянно находясь в командировках и лично inspectируя тюрьмы и исправительные заведения, видя реальное положение дел в них, он получил хорошую возможность корректировать свои научные взгляды и параллельно предлагать для них более основательную аргументацию. Этим он выгодно отличается от многих своих соратников по цеху, которые часто строили свои теории о преступности и преступниках, ни разу в жизни не посетив тюрьмы.

В 1896 г. Д.А. Дриль совершил кругосветное путешествие, во время которого изучал работу пенитенциарной системы. После посещения тюрем Европы он сначала отправился в Новую Каледонию, затем на Сахалин и в Сибирь. Относительно Сахалина он пришел к однозначному выводу: система каторги и ссылки абсолютно не оправдана ни с экономической точки зрения (как колонизация новой территории), ни с точки зрения исправления преступников, возвращения их к нормальной законопослушной жизни. По сути, огромные государственные ресурсы не только разбазариваются, но и финансируют воспитание нового поколения преступников. В своих отчетах о командировке (Дриль 1898; Дриль 1899) чиновник Министерства юстиции настаивал на ликвидации сахалинской каторги или, как минимум, ее реорганизации. Очевидцы отмечали, что после этой инспекции положение каторжников облегчилось, а администрация стала вести себя менее жестоко и разнузданно. Однако, как известно, окончательно каторга на Сахалине была упразднена только после Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда южная половина острова оказалась под юрисдикцией Японии.

Но начальство Д.А. Дриля было недовольно предлагаемыми им решительными мерами, и в 1897 г. он был переведен в Главное тюремное управление на заведование делами воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних, где проработал последние 13 лет жизни. Помимо прямых инспекций, он вел обширную личную переписку с сотрудниками различных учреждений.

Д.А. Дриль регулярно представлял Россию на международных научных мероприятиях, в том числе выступал с докладами на всех конгрессах криминалистов, которые состоялись при его жизни (Антверпен, Рим, Париж, Брюссель и др.) (Люблинский 2010). Благодаря этим поездкам и хорошему знанию европейских языков он смог лично познакомиться со многими ведущими западными криминологами, в первую очередь уголовно-антропологической школы (Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало и др.), в дискуссиях с которыми шлифовал и уточнял свои взгляды.

Помимо напряженной служебной работы, Д.А. Дриль вел активную общественную деятельность, среди которой выделим:

- основание совместно с выдающимся психиатром В.М. Бехтеревым Психоневрологического института;
- участие в создании Всероссийского общества народных университетов (правда, фактически такое общество было создано лишь в Санкт-Петербурге);
- работу в Русском обществе охранения народного здоровья и созданной им Комиссии по разработке устава лечебных заведений для алкоголиков;
- борьбу против того, чтобы «питейный доход» был одним из существенных источников государственного бюджета;
- организацию I Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, прошедшего в Санкт-Петербурге с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г.;
- устройство дешевых и здоровых жилищ для рабочих по европейскому образцу⁴.

Не принадлежа ни к одной из появившихся в стране после 1905 г. политических партий, Д.А. Дриль считал себя западником в том смысле, что внимательно следил за европейскими культурными и правовыми новшествами и считал необходимым вводить их на родине. Был резким противником тогдашних русских националистов в лице Союза русского народа. Предупреждал о надвигающихся на Россию потрясениях и желал «свободного демократического строя». Одним из самых эффективных средств против засилия бюрократии, душащей любое живое дело, считал развертывание кооперативного движения по образцу Европы.

Современники и исследователи жизни и взглядов Д.А. Дриля подчеркивают, что в его представлении право, христианская религия и нравственность неразрывно связаны между собой. По его мнению, правоохранительная система и юридическая теория будут работать на пользу общества только тогда, когда будут проникнуты высокими религиозными и моральными идеалами. Вот его характерное высказывание: «Я люблю уголовную антропологию всеми силами моей души потому, что, изучая причины человеческой преступности, даже самые отдаленные, она с фактом в руках ясно и наглядно показывает обществу, что принцип общественной нравственности и идеалы – не пустые слова, а неизбежные следствия, или, правильнее, вывод из самих явлений общественной жизни»⁵.

Среди наиболее важных работ Д.А. Дриля выделим: «Малолетние преступники» (1884–1888), «Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями» (1890), «Преступность и преступники»

⁴ К участию были привлечены даже члены царской семьи. В 1902 г. был учрежден устав Товарищества устройства и улучшения жилищ для нуждающегося трудящегося населения, а построенный в Санкт-Петербурге Гаванский рабочий городок получил после смерти Д.А. Дриля его имя.

⁵ Цит. по: (Щеглов 2010: 758).

(1895–1899)⁶, «Ссылка и каторга в России» (1898), «Ссылка во Франции и России» (1899), «Бродяжество и нищенство и меры борьбы с ними» (1899), «Этюды по педагогической психологии» (1907), «Уголовное право» (1909), «Учение о преступности и мерах борьбы с нею» (1912)⁷. Стоит также отметить статью (Дриль 1904), почти совпадающую по названию с известным трактатом Л.Н. Толстого и перекликающуюся с ним по содержанию: в ней выявляется тесная связь между борьбой с преступностью и за улучшение качества социальной жизни в целом, с одной стороны, и следованием принципам Евангелия, с другой.

Критика классической школы уголовного права и основные принципы уголовно-антропологической школы

Через все работы Д.А. Дриля красной нитью проходит критика так называемой классической школы уголовного права, которая господствует в сознании юристов, особенно юристов-практиков (прокуроров, судей, работников тюремно-исправительных учреждений), а также во многом формирует взгляды общества на обыденном уровне, одновременно отражая и воспроизводя их. Эта школа берет свое начало в древности и базируется на взгляде на преступника как абсолютно *порочное*, злонамеренное существо и на необходимости *отмщения* за совершенное им деяние. Несостоятельность подобных взглядов, их несоответствие запросам современной цивилизации демонстрирует уголовно-антропологическая школа, по оценкам которой классическая школа погрязла в отвлеченных формулах, абстрактных дефинициях, выявлении тончайших и при этом малосущественных различий. Зарывшись в книгах и ставя на место живых существ словесные этикетки, она выродилась в бесплодную схоластику, ушла от жизни, а жизнь, в свою очередь, ушла от нее⁸.

Основное содержание уголовно-антропологической концепции Д.А. Дриль формулирует в *семи принципах*, неоднократно воспроизводимых в его работах (Дриль 1890: viii–x; Дриль 2010а: 61–62; Дриль 2010б: 341–343)⁹.

⁶ Именно эту работу подробно анализирует философ В.С. Соловьев, во многом соглашаясь с его принципами, посылками и выводами, но в то же время давая им критическую оценку (Соловьев 2001: 117–134).

⁷ С 2006 г. «Преступность и преступники» и «Учение о преступности и мерах борьбы с нею» были несколько раз переизданы под одной обложкой издательством ИНФРА-М. Это стало первым изданием работ ученого за всю советскую и постсоветскую эпоху.

⁸ «Эта доктрина не основывается на многообразных, тщательно наблюдавшихся фактах. В ней нет надлежащих исследований, относящихся к области жизненных явлений, и потому творческая мысль авторов, занимающихся ее разработкой, вынуждена бродить в пространстве, почти свободном от фактов и точных наблюдений над ними, и пытаться создавать почти из ничего весьма сложное и обширное нечто. Отсюда бесконечные споры, многочисленные теории и в конечном результате не основанные на естественных законах логические построения» (Дриль 2010б: 338).

⁹ Эти же принципы перечисляет В.С. Соловьев, однако больше с тем, чтобы критически разобрать их (Соловьев 2001: 126–127).

1. Основная цель наказания – не отмщение, не возмездие, не устрашение и не репрессия как таковая, но *необходимость ограждения общества от зла преступления.*

2. Преступление есть одно из явлений объективного мира, оно совершается, как и все они, по законам природы. Поэтому и изучаться оно должно при помощи *точных научных методов с привлечением арсенала естественных наук*, прежде всего, антропологии, психологии, психиатрии, анатомии и физиологии. Борьба с преступностью и с преступлениями только тогда станет осмысленной и успешной, когда мы будем ясно и четко знать, что представляет собой наш противник.

3. Преступление есть результат взаимодействия особенностей психофизической организации индивида и внешних воздействий. Поэтому изучать необходимо *действительного преступника* в многочисленных разновидностях в целях определения наиболее действенных средств воздействия на него и ограждения общества от его вредоносной деятельности.

4. Преступник – это не только злодей и враг нормального общества. Его нужно рассматривать как в большей или меньшей степени несчастную, порочную, неуравновешенную и недостаточную («оскуделую») организацию, которая вследствие своей природы и предрасположенности мало приспособлена к борьбе за существование в легальных формах. Преступник – это не только мститель за нарушение правильности общественных отношений, но и *жертва* этого нарушения. Преступник (хотя этого обычно не понимают ни он сам, ни те, кто с ним непосредственно контактирует) – это «прежде всего несчастный, самой его порочностью и преступностью неминуемо осужденный на неудачи и страдания и заслуживающий не истязаний, а необходимой ему помощи для нравственного подъема и исправления» (Дриль 2010а: 72).

5. Причины преступления следует делить на: а) *ближайшие (непосредственные)* – порочность психофизиологической организации совершающего преступление лица, более или менее стойкие физические и психические особенности его натуры; б) *более отдаленные* – неблагоприятные внешние (прежде всего, бытовые, социальные и экономические) условия, под влиянием которых постепенно вырабатываются первые; в) *предрасполагающие*, под влиянием которых уже сложившиеся порочные индивиды «наталкиваются на преступления», то есть получают реальную возможность их совершения¹⁰.

6. Преступники и совершаемые ими преступления изучаются как естественно-общественные явления во всей совокупности их разнообразных факторов, даже наиболее отдаленных. Вопрос о преступности –

¹⁰ «...Для успешной борьбы с явлениями преступности, для их устранения необходимо устранять сами их причины, и притом не только ближайшие, но и более отдаленные и глубокие. Будут существовать и останутся неустранимыми причины – будут существовать, как и везде, и их необходимые следствия. Изъятия из этого непреложного правила немислимы, и общество, охватываемое слепым чувством мщения, поражая преступника, уподобляется неразумному ребенку, который, чувствуя боль от ушиба, яростно бьет и ломает неодушевленный предмет, о который он ушибся» (Дриль 2010б: 584).

часть «великого социального вопроса нашего времени». В ее развитии виновато и само общество, его учреждения («общество вполне заслуживает своих преступников»). Поэтому для успешной борьбы необходимы самые широкие *меры предупреждения и профилактики*, предполагающие радикальные социальные, правовые и экономические реформы.

7. Невозможно заранее определить качественно и количественно меры репрессии: наказание должно быть поставлено в зависимость от изучения индивидуальных особенностей лица, совершившего преступление. Причем усиленное внимание должно уделяться правильному воспитанию и перевоспитанию детей и подростков, особенно вступающих на путь преступления¹¹.

Криминология и естественные науки

По мнению Д.А. Дриля, в постановке уголовно-правовых вопросов на действительно научную почву российские юристы должны признать приоритет европейской науки. Именно на Западе впервые были подняты такие темы, как:

- существование объективных, биологических и психофизиологических, корней преступности;
- значение внешних ее факторов (социальных, экономических, бытовых, можно даже сказать культурных – связанных с образом жизни, традициями и привычками отдельных слоев населения);
- статистическая обработка количественных и качественных данных, характеризующих состояние и динамику преступности;
- необходимость учета личности преступника в деле определения наказания и исправления.

Российский криминолог ссылается на огромное количество европейских и американских авторов XVIII–XIX вв., в том числе незаслуженно, по его мнению, забытых. Он ратует за то, чтобы их работы переводились и издавались нашей стране. Это позволит отечественным юристам, да и обществу в целом, убедиться в архаичности и несостоятельности воззрений классической школы, выработать новый – гуманный и адекватный – взгляд на сущность преступности и действенные меры борьбы с ней. Те деятели, которые имеют по долгу службы дело с криминальным миром, должны подняться на современный уровень, достигнутый науками о человеке, освободиться от дремучего невежества в этих вопросах. Будущий прогресс уголовного законодательства, убежден Д.А. Дриль, возможен не иначе, как на почве открытий естественных дисциплин: только они, с их надежными методами наблюдения, опыта, а где возможно, и эксперимента, способны вывести уголовное право на действительно научный путь; тогда как клас-

¹¹ Как подчеркивали европейские просветители, начиная с Ч. Беккариа, Вольтера и др., «не жестокость мучений более надежно предупреждает преступления, а неизбежность наказания... Лучше предупреждать преступления, нежели их наказывать». Поэтому «усовершенствование воспитания – самое надежное, хотя и самое трудное средство сделать людей менее склонными ко злу» (Дриль 2010b: 268-269).

сическая школа с ее схоластикой, с ее методами, отставшими, как минимум, на 350 лет, «может только бесплодно блуждать в области переживаний седой старины да в области отвлеченных произвольных построений» (Дриль 2010b: 340).

Благодаря науке мы можем увидеть человека, пусть даже однозначно преступного, в его сложности, целостности и конкретности, а не частично, не однобоко и не абстрактно¹². Мы можем и должны пойти дальше примитивной констатации наличия у него «злого умысла» («злой воли») и понять, *что* он, собственно, из себя представляет и *чем* объективно является. Причем изучение мира преступности, как и изучение человека вообще, является благодатной почвой для налаживания тесных контактов между естественными и общественными науками, для осознания того, что между ними нет непреодолимой пропасти и что, только тесно взаимодействуя друг с другом, они смогут увидеть ограниченность и недостаточность собственных методов.

Неоценимое значение для науки об уголовном праве имеют достижения *психологии*, в том числе такой ее раздел, как *психопатология*. Она играет роль естественно-научного базиса для социальных наук, включая юриспруденцию и особенно криминологию. Психология открывает законы душевной жизни отдельного человека, а без этого невозможно открытие законов жизни множества людей или общества (Дриль 2010a: 114). Без опоры на психологию невозможно верное понимание социологических законов, управляющих действиями масс и определяющих форму и содержание социальных явлений и процессов (а преступность есть, безусловно, одно из таких явлений). Без учета психологического фактора нельзя уяснить смысл исторической эпохи в целом, отдельных исторических событий, а также причины стойкого, длительного существования отдельных сфер жизни общества, в том числе носящих откровенно асоциальный и антисоциальный характер.

Хотя Д.А. Дриль далек от отождествления преступного образа жизни и мысли с сумасшествием, он вслед за многими западными специалистами обращает внимание на то, что среди контингента преступников процент психических отклонений гораздо выше, чем среди населения в целом, и этот факт нельзя считать случайностью. Поэтому научное изучение психических болезней и выработка методов излечения (реабилитации, как сейчас принято говорить) душевнобольных, с одной стороны, и научные исследования преступности плюс поиск на этой основе средств к социальной реабилитации тех, кто преступил закон, с другой, – процессы взаимосвязанные. Если сегодняшние юристы продолжают

¹² В этой связи вспоминается известная работа Гегеля «Кто мыслит абстрактно?», где в качестве одной из характеристик обыденного образа мышления указывается именно абстрактно-упрощенный, односторонний взгляд публики на преступника, которого везут к месту казни: «Это и называется “мыслить абстрактно” – видеть в убийце только одно абстрактное – что он убийца и называнием такого качества уничтожать в нем все остальное, что составляет человеческое существо» (Гегель 1970: 392).

отмахиваться от психиатрической науки, игнорируют ее данные и инструментарий, они тем самым демонстрируют свою профессиональную несостоятельность.

Аналогия между преступником и психбольным идет достаточно далеко: в обоих случаях мы имеем дело с отклонением от нормы. И хотя очевидно, что грань между нормальным и патологическим (анормальным, ненормальным) состоянием трудноуловима и зачастую не может быть точно установлена, она, безусловно, существует. Поэтому, подобно психиатрии, которая понимает, что важно познать образ мысли и психику не только явно больных индивидов, но и так называемых психически здоровых людей, юридическая антропология должна изучать не только уже состоявшегося, «случившегося» преступника, но и так называемых честных людей. Чем точнее мы сможем определить, что такое норма (будь то медицинская или правовая), чем полнее будет наше знание о степенях нормальности и вариациях внутри нормы, тем точнее мы сможем установить, в каких случаях и по каким причинам норма переходит в патологию и что следует сделать, чтобы вернуть данного индивида к нормальной жизни¹³.

Юридическая антропология и психиатрия перекликаются, по мнению Д.А. Дриля, еще в одном отношении. Для психиатра чье-либо сумасшествие – это не просто отдельный медицинский факт, некий медицинский казус¹⁴, но и *психологический эксперимент*, освещающий тайники и темные места здоровой (будто бы) психической жизни (Дриль 2010а: 106). По такому же пути должны идти и честные, серьезные юристы: как бы ни были отвратительны преступления и сами преступники, это тоже своего рода эксперименты, поставленные природой, обществом и обстоятельствами. Усилия, приложенные для их познания, позволяют лучше увидеть, что не так в самом обществе и культуре, раскрыть объективные социальные корни, из ко-

¹³ «...Все преступные действия человека имеют свой источник в особенностях самочувствия этого человека, которые, в свою очередь, суть результаты наследственной передачи предшествовавшего развития, пережитых и переживаемых временных органических состояний... Между душевными болезнями, расстройствами и аномалиями, с одной стороны, и явлениями преступности, извращенности и порочности, с другой стороны, в *существе*, в *механизме* нет различий; имеются различия только в степенях, в комбинациях, а часто и в устойчивости явлений». Стало быть, заключает Дриль, должны быть и общие меры *предупреждения* этих явлений, меры *общественной гигиены*: «Не может и не должно быть различий в принципе и в средствах устранения или лечения тех и других. Руководящие идеи должны быть одни и те же. В той и другой категории прежде всего необходимо выяснить и определить субъективные причины болезни и преступности. Затем, основываясь на особенностях производящих причин, необходимо выбрать средства, наиболее соответствующие цели устранения этих причин. При этом необходимо применять эти средства без участия плохих советников: злобы и раздражения, как мы должны применять и все другие средства, направленные на устранение вредоносных факторов, действующих в окружающем нас мире» (Дриль 2010b: 587-588).

¹⁴ Показательно, что латинское *casus* весьма активно используется как врачами, так и юристами.

торых неизбежно, почти автоматически вырастают отдельные преступные субъекты и мир криминала в целом¹⁵.

Юридическая антропология и криминальная социология

В России у Д.А. Дриля нашлось немало единомышленников и последователей, которые развивали более частные аспекты его принципиальных установок: Л.Е. Владимиров (Владимиров 1902), П.Н. Тарновская (Тарновская 1902)¹⁶, Л.И. Шейнис (Шейнис 1903), В.Ф. Чиж (Чиж 1894; 1895), Н.С. Лобас (Лобас 1913) и др. Сюда же можно отнести психиатра В.М. Бехтерева, вместе с которым, как мы уже отмечали, Д.А. Дриль организовывал Психоневрологический институт. Поэтому вполне уместно говорить не просто о концепции отдельно взятого русского юриста, а о существовании целой *уголовно-антропологической школы* в дореволюционной России.

Однако и самому Д.А. Дрилю, и его соратникам приходилось постоянно отвечать на упреки в *биологизаторстве*, невнимании к социальным и духовным причинам преступности¹⁷. Повод для критики давали и некоторые радикальные последователи Ч. Ломброзо в Европе, заявлявшие, что для защиты общества от представителей «преступного типа» необходимы и допустимы (даже в превентивных целях, на основании лишь антропометрических характеристик) самые крайние меры типа смертной казни, кастрации или, как минимум, пожизненного заключения без права пересмотра дела. Для самого российского криминолога не было дилеммы между органикой (биологической наследственностью) и средой. По его мнению, биологические и социальные факторы преступности должны рассматриваться не как альтернативные и взаимоисключающие, а как примерно равные по значимости, в их синтезе. Противопоставление уголовно-антропологического и социологического подходов является «странным недоразумением и каким-то научным недосмотром», своего рода «вивисекцией» науки: «Если научный работник по необходимости односторонен, то наука, напротив, должна быть всестороння... Поведение и поступки человека – это равнодействующая усилий факторов двух категорий: особенностей психофизической природы деятеля и особенностей внешних воздействий, которым он подвергается. Определить сколько-нибудь точно и взвесить доли влияния каждой из этих двух категорий факторов невозможно. Поэтому

¹⁵ «Необходимо, чтобы в самом человеке существовали внутренние задерживающие моменты. Но много ли делается в направлении развития последних? Когда совершается преступление, общество приходит в беспокойство и считает нужным самозащититься. Но где оно было и что делало оно, когда нужно было приспособлять к жизни этого уже готовившегося преступника? И потом, что дает оно весьма многим в их жизни, следующей за периодом воспитания? Наибольший грех современных обществ состоит в том, что они слишком мало заставляют вибрировать в человеке хорошие и благородные чувства, а напротив возбуждают в нем изо дня в день чувства дурные» (Дриль 2010а: 75).

¹⁶ Врач по образованию, одна из первых в стране женщин-юристов.

¹⁷ Этот упрек звучал, в частности, в работах В.С. Соловьева.

при изучении человеческой преступности мы не должны односторонне следовать ни социальной, ни органической теории. Нам, очевидно, нужна социально-органическая теория. Эта теория именно и разрабатывается уголовно-антропологической школой» (Дриль 2010b: 340-341).

Криминолог полагает, что развращающее влияние на людей оказывает жизнь в больших городах, причем с древних времен ситуация практически не изменилась. В современных городах, особенно мегаполисах Европы, Америки и России, мы имеем примерно то же, что было в императорском Риме:

- неудержимая погоня за наслаждениями, требующая все более утонченных средств;
- «всевозможные удобства и приятности для баловней судьбы и прожигателей жизни»;
- перенаселение и скученность, вызванные разорением деревень и переселением бывших крестьян и провинциалов в крупные города;
- массы безработных и нищих, живущих в отвратительных условиях;
- дороговизна продуктов и жилья;
- проституция, в том числе несовершеннолетних и малолетних, и родители, продающие своих детей в целях выживания, и т.д.

Все это закономерно ведет к «ужасной порче характеров», «извращению родового чувства» и, в конечном счете, подрывает современную цивилизацию, как некогда и цивилизации римлян, греков, египтян и др.

Отсюда понятны симпатии Д.А. Дриля к *социалистам*, которые обращали пристальное внимание общества на «язвы капитализма» и на этом основании выступали за коренные социально-экономические реформы. Ученый подробно рассказывает о деятельности Р. Оуэна, дает высокую оценку труду молодого Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», поддерживает программы европейских социал-демократов, особенно в части, касающейся улучшения условий жизни и быта трудящихся. Его удивляет, что современные люди, тщательно заботящиеся о выращивании растений, животных и птиц, не уделяют хотя бы такого же внимания воспитанию молодого поколения¹⁸.

В любом случае, заключает Д.А. Дриль, даже неблагоприятная наследственность не является для индивида роковым предопределением и не дает права ставить на нем клеймо асоциального элемента, однозначно предрешая его судьбу. Наследственность (генотип, как бы мы сказали сейчас) – это только *предрасположенность* к некоторому образу жизни и поведению, и даже если она явно негативна, ее вред может быть устранен или хотя бы минимизирован комбинированным влиянием социальных факторов.

¹⁸ «У меня есть небольшая книжечка Райта “Практическое птицеводство”. Знакомая с заботами, рекомендуемыми для воспитания домашних птиц и ухода за ними, становится даже как-то обидно, когда подумаешь об условиях воспитания массы детей рабочей бедноты» (Дриль 2010b: 594).

Наука – право – нравственность – религия

Образ мыслей Д.А. Дриля весьма созвучен современным эпистемологическим трендам постнеклассической науки в том отношении, что для него нет резкой демаркационной линии между наукой и иными сферами человеческого познания, деятельности и культуры. Научное, объективно истинное знание для него – это не нечто самодостаточное и самодовлеющее, а имеющее практическую ценность как руководство к действию. Ученый не просто отстраненно стремится изучить некое явление – он должен быть постоянно проникнут мыслью: как помочь реальному человеку, который не только становится источником страданий других людей, но и сам при этом страдает? Как вернуть его к нормальной, здоровой жизни? Изучая законы общественных явлений, наука исследует и различные человеческие типы, и внутренние и внешние условия, при которых эти типы формируются и развиваются. Это, в свою очередь, определяет социально-практическую ценность общественных наук, которые выступают «плодотворным источником совершенствования человеческих отношений, а чрез то и самого человека, и источником упорядочения жизни человечества согласно указаниям и требованиям науки» (Дриль 2010а: 115).

В этой связи нелепы адресуемые науке упреки в том, что, раскрывая причины негативных социальных явлений, она якобы подрывает нравственность, «уничтожает понятие долга и правосудия и оставляет обесщеченное общество безоружным среди развалин всех его основ». Да, наука утверждает, что данный преступник поступил именно так, как он должен был поступить, но «должен» не в смысле морального долга, а по причине определенных особенностей характера и условий окружающей обстановки. Однако признание этого отнюдь не означает, что репрессивные действия правосудия в отношении его персоны бессмысленны или аморальны: «...Антропологическая школа считает нужным применять меры репрессии не *за то*, а только *потому*, что человек оказался безнравственным и преступным, и притом *для того*, чтобы по возможности изменить его и приспособить к обществу, а в случае невозможности – обезопасить от него общество... Она знает, что преступление совершено и совершенно неслучайно и что в нем проявились вредоносные особенности личности, но она не гадает о том, мог или не мог данный преступник воздержаться и поступить иначе при данных условиях окружающей обстановки» (Дриль 2010а: 175).

Также Д.А. Дриль считает необходимым защищать антропологическую науку от обвинений в материализме, которые в дореволюционной России были равнозначны обвинению в безнравственности и атеизме и граничили с подозрением в политической неблагонадежности. Он с уважением относится к философии, особенно просветительской, но убежден, что у нее и науки задачи далеко не совпадающие. Его собственная философская позиция близка к позитивизму: наука не должна становиться ареной метафизических споров, которые часто вырождаются в беспредметные гадания и спекуляции. Она «имеет свою особую задачу – всестороннее

изучение преступника во всех его особенностях, как психических, так и физических... Поэтому учения уголовно-антропологической школы одинаково согласимы с различными общими мировоззрениями» (Дриль 2010а: 174).

Однако, не решая непосредственно философских проблем, наука не дистанцируется от проблем социальных, способствуя их правильному пониманию и разрешению, предвидя будущие процессы и работая тем самым на перспективу: «Преступление есть факт прошлого, а в области уголовного права по поводу прошлого нужно глядеть в будущее и, руководствуясь указаниями прошлого, нужно стремиться обезопасить и упорядочить это будущее. Меры репрессий – меры для будущего, которые поэтому и не могут нормироваться только по прошлому» (Дриль 2010а: 177-178). Очевидно, речь идет о том, что сейчас именуется *футурологической функцией* науки.

Именно с точки зрения науки несомненна архаичность и по большому счету бессмысленность понятий уголовной ответственности и вменяемости. Они являются пережитком теории отпущения (возмездия), которая идет из эпохи первобытной дикости и которая была (и остается) продуктом невежества и примитивных человеческих страстей. Пока эти понятия будут доминировать в сознании судей и правоохранителей в вопросе определения реакции общества на преступление, мы не сдвинемся с мертвой точки, всегда будем действовать *постфактум*, оставаясь в позиции обороняющихся. Благодаря же выводам уголовно-антропологической школы «устраняются... понятия об уголовной ответственности и вменяемости, *заменяясь понятием о выборе наиболее целесообразных мер для возможно большего исправления преступника*, с одной стороны, мерами перевоспитания, а с другой – и мерами лечения в собственном смысле... Устрашением же и мерами жестокости можно создавать диких зверей, но не возрождать человека, предназначенного жить в обществе себе подобных и возможно более приспособляться к условиям жизни в нем» (Дриль 2010б: 589). Наука, помимо прочего, определяет, какими конкретно должны быть «наиболее целесообразные меры».

Д.А. Дриль считает тупиковым стремление соразмерить, уравновесить наказание с совершенным индивидом преступлением. Эта калькуляция (чаще всего невозможная на практике) оставляет нас в плену прошлого, ограничивает возможности в плане исправления девиантов. Новая школа предлагает совершенно иной взгляд: «отказывается... от искания произвольных уравнений несоизмеримых в их существе зла преступления и зла наказания и задается по отношению к преступнику только разумно-утилитарными целями, которые вполне совпадают и с целями нравственными» (Дриль 2010а: 3). О соразмерности здесь можно говорить только в том смысле, что наказание «всегда должно быть соразмеряемо с природой преступника, со степенью его развращения и должно быть продолжаемо до его достаточного изменения, для чего, очевидно, необходимо условное заключение, т.е. заключение, не определяемое наперед в своей длительности и могущее продолжаться до исправления осуждаемого» (Дриль 2010а: 55).

Утилитарно-прагматический подход к криминологическим проблемам вполне сочетается не только с требованиями *морали*, но и *религии*¹⁹, о чем Д.А. Дриль как верующий христианин не устает напоминать, не понимая тех, кто думает, что Евангелие, например, само по себе, а жизнь, в том числе отправление государственных дел и правосудия, совсем другое. «Существует великая книга, известная нам с раннего детства. Книга эта – Евангелие, провозглашающее светлую, одухотворяющую религию мира и любви и дающее в руки основные, руководящие начала» в любом деле, в том числе в борьбе с преступностью. «К несчастью для недостаточно нравственно развившегося общества, начала эти плохо проводятся и осуществляются в жизни исповедниками Евангелия, а в отдельных случаях... они путем изворотливых толкований, к которым так склонен заинтересованный ум, даже открыто оспариваются в отношении их применимости к руководству государственно-общественной жизнью» (Дриль 2010b: 187).

Для ученого картина совершенно ясна: устранение понятий отмщения, возмездия, терроризирования и замена их на понятие спасительных мер, предназначенных оказывать целесообразные воздействия на психологию человека, «вполне совпадают с теми правилами, которые для тех же случаев нам диктуются учением Христа» (Дриль 2010b: 589). В его мировоззрении нет зазора между знанием и верой, наукой и моралью, они взаимосвязаны, проникают друг в друга. В определенном смысле можно говорить даже о том, что требование объективной истинности подчинилось у Д.А. Дриля требованиям нравственности. Один из его близких друзей вскоре после его смерти вспоминал: «Чувство любви, чувство симпатии даже к падшим и порочным натурам, стремление отыскать пути к их исправлению преобладали в нем и заслоняли объективный анализ явления... Он чувствовал, что к каким бы научным выводам мы ни приходили, эти оскуделые натуры являются обиженными судьбой, обиженными в громадном большинстве не за свои грехи, а за грехи других» (Щеглов 2010: 768). Другой соратник Д.А. Дриля, характеризуя его личность, говорил о том, что в современной литературе называется «космическим мироощущением» – о слиянии в сознании индивидуальной жизни с жизнью мировой, собственных, внутренних творческих сил с объективными творческими силами и процессами, действующими в человечестве и универсуме: «Он должен быть участником этих процессов, и не только в их зоологических течениях, но сознательно, своей деятельностью творить жизнь: содействовать людям в удовлетворении их жизненных потребностей, помогать им в использовании жизни, должен сеять вокруг себя добро и счастье, как источники своей жизни и жизни других. Тогда только он поднимется до великого значения венца природы, сознательно идущего по начертанному ему пути и исполняющего волю Великой Творческой Силы вселенной» (Слобожанин 2010: 670).

¹⁹ О происхождении, истории и актуальности религиозного взгляда на проблему обоснования социальных санкций в отношении лиц с девиантным поведением см.: (Корсаков 2015).

Д.А. Дриль отдавал себе отчет в том, что верность своим убеждениям может обернуться для него весьма неприятными последствиями. Он активно участвовал в благотворительных мероприятиях и ходатайствовал об улучшении условий содержания арестантов в тюрьмах и на каторге (что уже само по себе было нетипично для чиновника и вызывало недовольство начальства). Также он стремился помогать не только тем, кто обращался к нему по материальным, бытовым, служебным вопросам, но и тем, кто просил о заступничестве по политическим делам²⁰, что было далеко не безопасно: «Дмитрия Андреевича как “заступника” их (политических. – В.В.) нередко встречали холодно и даже с подозрением. Один из сановников весьма недвусмысленно намекнул ему как-то, что столь упорное заступничество, какое проявляет он, может окончиться для самого Дмитрия Андреевича довольно плохо» (Бехтерев 2010: 673). Однако он продолжал делать то, что считал нужным делать: одним добивался смягчения наказания, другим – улучшения условий ссылки, третьим – ускорения, выяснения или пересмотра дела и т.д., максимально используя свои юридические знания. «Он никому не отказывал в заступничестве, если только представлялась хоть малейшая возможность помочь, и хлопотал, несмотря ни на какие косые взгляды на него и неудовольствия. Он, по евангельскому выражению, возлюбил ближних своих, как самого себя, и не боялся душу свою положить за други своя. А “други” его были все нуждающиеся, все обездоленные, все несчастные. Для всех их открыл он свое любвеобильное сердце, всем глубоко заглядывал в душу и вместе с ними глубоко скорбел и страдал» (Бехтерев 2010: 673).

Кто препятствует гуманизации правосудия?

Не имея возможности свободно высказываться в подцензурной печати, Д.А. Дриль делится своими сокровенными мыслями в разговорах с друзьями. Вот отрывки из его писем последнего года жизни. Из Брюсселя: «По газетам с родины идут только сведения об усиливающейся холере. Да и о чем утешительном может поведать родина?! Как посравнишь с своим – горько и обидно становится... Сопоставишь и чудится, что здесь находишься на время в каком-то ином мире. Конечно, и здесь немало дряни, но все это в пределах определенной меры, а не так, что до бесчувствия...» (Слобожанин 2010: 664). Из Парижа, по поводу распространяющихся там «социальных опытов»: «Зародилось и распространяется движение в направлении нравственного обновления ...Ах ...хоть бы одним пальчиком удалось подействовать и одним глазком посмотреть! Нет, хороша бусурманщина!» (Слобожанин 2010: 664-665). Из Швейцарии, после описаний красот ее при-

²⁰ Если по отношению к основной массе уголовников мерами социального воздействия должны быть воспитание и лечение, «но никак не наказание, которое поддается лишь дурными инстинктами человеческой природы», то отношение к политическим должно быть иным: «Если же не от чего лечить и нет предмета для воспитания, как в преступлениях политического характера, то изолируйте, если угодно, но не вешайте и не казните: на это вы не имеете права!» (Бехтерев 2010: 730).

роды: «Прибавьте к этому чувство полной свободы и полного уважения к человеческой личности, и тогда характер настроения, вызываемого окружающими условиями, Вам выяснится вполне»; «Вы не можете себе представить, как мне больно за родину и с какой завистью (да, с завистью) я смотрю на Швейцарию, задавая себе горький вопрос: когда же и мы у себя устроимся подобно им?» (Слобожанин 2010: 665).

При всем своем идеализме и вере в возможность окончательной победы над преступностью Д.А. Дриль остается достаточно трезвым ученым и мыслителем, хорошо представляя себе не только масштабы проблемы, но и то, какие силы и почему стоят на пути ее решения. Будучи «чиновником при исполнении», он, естественно, не мог позволить себе открыто высказываться против начальства и тем более критиковать правящий режим. Тем не менее, сравнивая ситуацию в России и на Западе, он приходит к выводу, что главной силой, заинтересованной в сохранении статус-кво и препятствующей назревшим реформам, является *царская бюрократия*, причем гораздо более сильная, чем в цивилизованных европейских странах. Именно поэтому Д.А. Дриль сочувствует тем робким *демократическим преобразованиям*, которые начались после революции 1905–1907 гг., и надеется, что мы будем идти в том же направлении, что и Запад. Именно поэтому приветствует *кооперативное движение*, которое должно дать возможность пробудиться творческим силам народа и сломить могущество бюрократии.

Постоянно соприкасаясь с высшим чиновничеством и хорошо зная образ жизни и мыслей этих людей, их запросы и интересы, Д.А. Дриль не питает особых иллюзий²¹. Он видит, что репрессивная система устроена таким образом, что существование тюрем, каторги и ссылки в современном виде *выгодно* правящему слою, вполне устраивает его. Он констатирует, что «строй и система наших наказаний служат к развитию важных уголовных преступлений и понижают гражданскую нравственность или, говоря иначе... фабрикуют преступников за счет тех казенных и общественных сумм, которые не в малом числе затрачиваются на ссылку» (Дриль 1899: 172)²². Но при этом он хорошо понимает, что для тюремного начальства, включая столичное, это не является открытием²³. И низшая, и высшая администрация

²¹ Свидетельство М.М. Ковалевского: «Бюрократия стала внушать ему заслуженные опасения только с тех пор, как он сам попал в ее среду. Его последние разговоры со мной свидетельствовали о тяжелых впечатлениях, какие он вынес из своих поездок с целью осмотра тюрем и из того отношения, какое он встретил к предложенным им мерам со стороны местных губернаторов...» (Ковалевский 2010: 684).

²² Отзыв А.Ф. Кони: «Стойкий противник тюремной системы, которая, по остроумному выражению одного публициста (видимо, В.М. Дорошевича. – В.В.), лишает нашу тюрьму не только воспитательного, но и карательного значения, создавая из нее "питательный бульон для микробов преступности", Дриль собрал при своих ревизионных поездках богатейший материал для обрисовки темных сторон и несостоятельности этой системы в ее практическом применении» (Кони 2010: 676).

²³ Об этом ранее писал А.П. Чехов в книге «Остров Сахалин» и многие другие писатели и публицисты, начиная с «Записок из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского и заканчивая «Сахалином» В.М. Дорошевича.

прекрасно осведомлена об истинном положении дел; если она и пойдет на какие-то уступки и послабления, то только под достаточно сильным общественным давлением. Поэтому Д.А. Дриль рассматривает собственную активную общественную деятельность не просто как хобби или прихоть, но как необходимое звено, элемент борьбы, без которой никаких изменений к лучшему в работе пенитенциарной системы не произойдет.

Чем интересен Д.А. Дриль сегодня?

Несмотря на то что после смерти Д.А. Дриля прошло сто с лишним лет, нельзя говорить, что его идеи устарели или утратили свое значение. Если посмотреть на современность его глазами, открывается картина настоятельной потребности и даже неизбежности серьезных преобразований в данной сфере.

Про многих нынешних криминалистов можно сказать примерно то же, что и про их коллег времен Д.А. Дриля: они мало озабочены тем, чтобы *изучать и знать человека*, изучать закономерности его физической, интеллектуальной и психической жизни. По-прежнему справедливо его суждение: «... криминалист, зная правила кодексов, всего менее знает человека и законы, его жизнью управляющие» (Дриль 2010b: 290). И это неслучайно: удельный вес дисциплин, которые давали бы будущим юристам требуемые знания в данной области (например, «Психология в профессиональной деятельности юриста», «Юридическая антропология», «Судебная психиатрия», «Судебная (юридическая) медицина» и др.) крайне невелик, и они либо выносятся в элективный раздел, либо вообще не значатся в образовательных стандартах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что иные юристы со стажем, к сожалению, даже порой кичатся тем, что знания такого рода их не интересуют: их активное неприятие данной тематики – следствие, скорее всего, того, что они просто не имеют о ней ясного представления.

Актуальным остается указание, что *репрессия в отношении преступника должна быть индивидуализированной, точной и адекватной* – не в смысле ее арифметического равенства преступлению, а в смысле эффективности как средства защиты общества от криминала²⁴. Такого рода индивидуализация очевидно требует радикальной перестройки работы судов и системы исправительно-трудовых учреждений, а это, насколько можно судить из данных СМИ, пока не стоит на повестке дня.

Также не потеряла значения идея о тюрьмах, которые устроены таким образом, что не являются исправительными учреждениями, а воспитательными выступают лишь в том смысле, что воспитывают новые поколения преступников. Сходство и различие нынешних российских

²⁴ Репрессивные меры «вследствие крайнего различия лиц, на которых они предназначены воздействовать, должны возможно индивидуализироваться для своей целесообразности, а потому и не могут допускать определения наперед... Меры репрессии, направленные на исправление, должны определяться не наугад, а по точным данным наблюдения и опыта» (Дриль 2010a: 177).

тюрем и тюрем времен Д.А. Дриля – это отдельный вопрос. Но очевидно, что сегодня тюрьмы часто продолжают выполнять роль школ, если не университетов, для новой генерации криминалитета. Об этом можно судить на основании журналистских расследований об условиях содержания заключенных и еще больше на основе статистических данных о рецидивной преступности (особенно с учетом того, что более подготовленные и квалифицированные преступники, как известно, гораздо хитрее, изощреннее, они лучше умеют скрываться от карающей длани закона и, как следствие, в эту статистику не попадают).

Негативное воздействие на заключенных, особенно на молодых и тем более несовершеннолетних, оказывают и *люди, которые надзирают за ними*. Д.А. Дриль отмечал: «К сожалению, в отношении подбора служебного персонала (как высшего, так и низшего) и его подготовки всего более грешат наши тюрьмы». И, показывая на примерах, что представляют собой, в частности, тюремные надзиратели на Сахалине, заключал: «Какое влияние можно ожидать от таких “перевоспитателей” – понятно само собой» (Дриль 2010b: 446)²⁵. Насколько отличаются (или не отличаются) нынешние надзиратели – тоже отдельная тема, но трудно поставить под сомнение тезис о том, что чем ниже моральный и культурный уровень тюремного персонала, тем тяжелее как для индивида, так и для общества последствия пребывания человека в тюрьме.

Весьма ценной следует считать идею о том, что *основой всей сложной целостности личности является ее общее психическое самочувствие*: это основной фон, на котором уже и рисуются все последующие узоры психической жизни. Чтобы понять и улучшить человека, нужно понять и правильно истолковать этот фон, его состав и структуру (Дриль 2010b: 584-585). Это фон носит бессознательный характер и потому зачастую скрыт от самого человека, но именно он во многом определяет и отдельные поступки, в том числе криминального характера, и саму судьбу человека. Те многообразные исследования сферы *бессознательного*, которые в полном объеме развернулись в Европе после появления работ З. Фрейда, имели предшественников в лице более ранних авторов, в том числе российского криминолога.

Д.А. Дриля (как и тех, на кого он ссылается²⁶) можно считать провозвестником идеи о том, что *нравственно-психические качества личности закладываются в детском и даже младенческом возрасте*: детские впечатления и переживания, ушедшие в подсознание, превратившись в инстинкты,

²⁵ Этой негативной оценке предшествует вполне ясное и рациональное требование: «...Для достижения успеха перевоспитывающих воздействий необходимо тщательно выбирать и готовить служебный персонал пенитенциариев, необходимо знакомить его теоретически и практически с тем делом, которому он посвящает свои силы. Без такого подготовленного и достаточно развитого персонала всякое дело, а это, конечно, в особенности, успешно идти не может» (Дриль 2010b: 445).

²⁶ Дж.Б. Томсон, П. Люка, Г. Модсли, П. Деспин, Р. Крафт-Эбинг, Б.-О. Морель, Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало и др.

навсегда остаются с человеком и сопровождают его на протяжении всей жизни, будучи либо добрыми, либо злыми и опасными спутниками. Поэтому правильное воспитание должно исходить из этой органической основы и строиться на ней. Здесь нет абсолютного предопределения: человек вполне может бороться с «вредными чувственными тонациями» и преодолевать их, но ему нужна помощь в лице просвещенных и гуманных воспитателей и наставников (Щеглов 2010: 764-765).

Последующая история, в том числе отечественная, подтвердила еще один тезис Д.А. Дриля: именно *дурно уравновешенные натуры* (порочные, экзальтированные, эксцентричные) *задают социальный тон в период общественных потрясений* и выносятся революционной волной на самый верх политической иерархии (Дриль 2010а: 110-115). Эта мысль ценна, во-первых, в теоретическом отношении: если мы видим на высших государственных постах людей откровенно порочных и тем более с явными признаками психической неадекватности (иногда именуемой «харизмой»), это означает, что с данным государством, мягко говоря, не все в порядке, что оно само находится в кризисном состоянии и будет оставаться в таком виде, как минимум, до того времени, пока во главе не встанут более вменяемые люди. Во-вторых, в практическом отношении: если общество не хочет потрясений, не хочет турбулентности и непредсказуемости, оно должно внимательно относиться к таким субъектам, вовремя их останавливать (выявлять, изолировать, лечить, перенаправлять по возможности их энергию в социально приемлемое русло) и ни в коем случае не допускать до рычагов власти.

Итак, развиваемые Д.А. Дрилем идеи и выводы, к которым он приходит, не ограничиваются ни пространственно-временными (хронотоп царской России), ни научно-дисциплинарными (криминология), ни социально-культурными (преступность и борьба с ней) параметрами. Поднимаемые им вопросы касаются вещей, так или иначе волнующих все цивилизованное человечество. Знакомство с творческим наследием Д.А. Дриля желательны для любого нашего соотечественника и тем более для юристов-криминологов. В свете его идей более глубоко, объемно, целостно и даже выразительно вырисовывается кризисное состояние, в котором находится наша цивилизация, и те пути, которые могут оказаться наиболее оптимальными для выхода из него.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бахарев Д.В. 2021. Принципы криминальной антропологии: Дмитрий Дриль на III-м международном уголовно-антропологическом конгрессе // Личность и общество в российской истории (к 350-летию со дня рождения Петра I) : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Н.Ф. Чипиновой [и др.]. Шадринск : ШГПУ. С. 129-135.

Белова Е.Ю. 2021. Международные тюремные конгрессы и пенитенциарная политика в отношении несовершеннолетних осужденных в дореволюционной России: некоторые аспекты // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. № 2. С. 9-15.

Бехтерев В.М. 2010. Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности: памяти Д.А. Дриля // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 686-730.

Владимиров Л.Е. 1901. Психологическое исследование в уголовном суде. Москва : Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон. 291 с.

Гегель Г.В.Ф. 1970. Кто мыслит абстрактно? // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 387-394.

Голосенко И.А. 2002. «Социально-органическая» теория Д.А. Дриля и ее место в истории российской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 5, № 4. С. 15-31.

Горнов В.А. 2008. Из истории развития общественного призрения в российской социальной мысли второй половины XIX – начала XX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. № 3. С. 31-54.

Дриль Д.А. 1890. Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями. Частная психология преступности. Москва : Типография А.И. Мамонтова. XII, 190 с.

Дриль Д.А. 1898. Ссылка и каторга в России (из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь). Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената. 46 с.

Дриль Д.А. 1899. Ссылка во Франции и России (из личных наблюдений во время поездки в Новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь). Санкт-Петербург : Издание Л.Ф. Пантелеева. 174 с.

Дриль Д.А. 1904. Царствие Божие внутри нас (психолого-социологический этюд) // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. № 2. С. 1-16.

Дриль Д.А. 2010а. Преступность и преступники (уголовно-психологические этюды) // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 3-179.

Дриль Д.А. 2010б. Учение о преступности и мерах борьбы с нею // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 181-614.

Кириков Б.М. 2006. Архитектура Петербурга конца XIX – начала XX века: Эkleктика, Модерн, Неоклассицизм. Санкт-Петербург : Коло. 530 с.

Ковалевский М.М. 2010. Дмитрий Андреевич Дриль // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 678-685.

Козаченко И.Я., Корсаков К.В. 2024. Криминология. Москва : Юрайт. 277 с.

Кони А.Ф. 2010. Памяти Д.А. Дриля // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 674-677.

Корсаков К.В. 2015. Религиозный подход к преступлению и наказанию: от принципа талиона и кровной мести к доктрине покаяния // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 15, № 3. С. 147-159.

Кушнир С.И. 2022. К вопросу об истории пенитенциарной психологии в Европе // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях. Ч. 9 / под ред. С.П. Акутиной. Москва : Перо. С. 15-19.

Лобас Н.С. 1913. Убийцы: некоторые черты психофизики преступников. Москва : Типография товарищества И.Д. Сытина. 168 с.

Люблинский П.И. 2010. Д.А. Дриль как участник международных конгрессов // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 751-755.

Поздняков В.М. 2010. Юридическая психология: генезис и перспективы // Прикладная юридическая психология. № 2. С. 15-37.

Санксаев Е.А. 2022. Влияние криминологии на развитие иных юридических наук криминального цикла // Вектор развития криминологии в XXI веке : материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию Российской криминологической ассоциации / под ред. В.В. Меркурьева [и др.]. Владимир : ВлГУ. С. 142-147.

Семенова О.А. 2020. Дети прислуги в России в середине XIX – начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. Т. 26, № 3. С. 55-62. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-3-55-62

Слобожанин М. 2010. Черты из жизни и деятельности Д.А. Дриля // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 615-673.

Соловьев В.С. 2001. Право и нравственность. Минск : Харвест ; Москва : АСТ. 192 с.

Тарновская П.Н. 1902. Женщины-убийцы: Антропологическое исследование. Санкт-Петербург : Товарищество художественной печати. 512 с.

Чиж В.Ф. 1894. Преступный человек перед судом врачебной науки. Казань : Типо-литография Императорского университета. 41 с.

Чиж В.Ф. 1895. Криминальная антропология. Одесса : Типография Исаковича. 52 с.

Шейнис Л.И. 1903. Биологические и социальные факторы преступности // Мир Божий. № 4. С. 168-187; № 5. С. 243-254.

Щелов А.Л. 2010. Д.А. Дриль как криминалист-антрополог // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 756-769.

References

Bakharev D.V. Principles of Criminal Anthropology: Dmitry Dril at the 3rd International Congress of Criminal Anthropology, *Chipinova N.F. et al. (eds.) Personality and Society in Russian History (to the 350th Anniversary of the Birth of Peter the Great): Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*, Shadrinsk, ShGPU, 2021, pp. 129-135. (In Russ.).

Bekhterev V.M. Objective Psychological Method in Application to the Study of Crime: In Memory of Dmitry Dril, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*, Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 686-730. (In Russ.).

Belova E.Yu. International Prison Congresses and Penitentiary Policy for Juvenile Convicts in Pre-Revolutionary Russia: Some Aspects, *Vestnik Tomskogo instituta pov'sheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii* [Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia], 2021, no. 2, pp. 9-15. (In Russ.).

Cheinisse L. Biological and Social Factors of Crime, *Mir Bozhij* [The Peace of God], 1903, no. 4, pp. 168-187; no. 5, pp. 243-254. (In Russ.).

Chizh V.F. *A Criminal before the Court of Medical Science*, Kazan, Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1894, 41 p. (In Russ.).

Chizh V.F. *Criminal Anthropology*, Odessa, Tipografiya Isakovicha, 1895, 52 p. (In Russ.).

Dril D.A. Crime and Criminals (Criminal and Psychological Studies), *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*. Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 3-179. (In Russ.).

Dril D.A. *Exile and Hard Labor in Russia (From Personal Observations During a Trip to the Amur Region and Siberia)*, Saint Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata, 1898, 46 p. (In Russ.).

Dril D.A. *Exile in France and Russia (From Personal Observations During a Trip to New Caledonia, Sakhalin Island, Amur Region and Siberia)*, Saint Petersburg, Izdanie L.F. Panteleeva, 1899, 174 p. (In Russ.).

Dril D.A. *Psychophysical Types in Correlation with Crime and Its Varieties. Special Psychology of Crime*, Moscow, Tipografiya A.I. Mamontova, 1890, XII, 192 p. (In Russ.).

Dril D.A. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*, Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 181-614. (In Russ.).

Dril D.A. The Kingdom of God Is Within You (A Psychological and Sociological Study), *Vestnik psixologii, kriminal'noj antropologii i gipnotizma* [Annals of Psychology, Criminal Anthropology and Hypnotism], 1904, no. 2, pp. 1-16. (In Russ.).

Golosenko I.A. "Social-Organic" Theory of D. Dril and Its Place in the History of Russian Sociology, *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2002, vol. 5, no. 4, pp. 15-31. (In Russ.).

Gornov V.A. From the History of the Development of Public Charity in Russian Social Thought of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries, *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin], 2008, no. 3, 31-54. (In Russ.).

Hegel G.W.F. Who Thinks Abstractly? *Hegel G.W.F. Works of Different Years in 2 volumes*, Moscow, Mysl', 1970, vol. 1, pp. 387-394. (In Russ.).

Kirikov B.M. *The Architecture of Petersburg in the Late 19th and Early 20th Centuries: Eclecticism, Art Nouveau, and Neoclassicism*, Saint Petersburg, Kolo, 2006, 530 p. (In Russ.).

Koni A.F. In memory of Dmitry Dril, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*. Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 674-677. (In Russ.).

Korsakov K.V. Religious Approach Towards Crime and Punishment: From Principle of Talion and Blood Feud to Doctrine of Repentance, *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 15, no. 3, pp. 147-159. (In Russ.).

Kovalevsky M.M. Dmitry Andreevich Dril, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*, Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 678-685. (In Russ.).

Kozachenko I.Ya., Korsakov K.V. *Criminology*, Moscow, Yurayt, 2024, 277 p. (In Russ.).

Kushnir S.I. 2022. On the History of Penitentiary Psychology in Europe, *Akutina S.P. (ed.), Modern Studies in the Humanities and Natural Sciences. Part 9*, Moscow, Pero, pp. 15-19. In Russ.).

Lobas N.S. *Killers: Some Traits of the Psychophysics of Criminals*, Moscow, Tipografiya tovarishchestva I.D. Sytina, 1913, 168 p. (In Russ.).

Lublinsky P.I. Dmitry Dril as a Participant in International Congresses, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*, Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 751-755. (In Russ.).

Pozdnyakov V.M. Legal Psychology: Genesis and Prospects, *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya* [Applied Legal Psychology], 2010, no. 2, 15-37. (In Russ.).

Sanksaev E.A. The Influence of Criminology on the Development of Other Legal Sciences of the Criminal Cycle, *Merkuryev V.V. et al. (eds.) The Development Vector of Criminology in the 21st Century: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 30th Anniversary of the Russian Criminological Association*, Vladimir, VIGU, 2022, pp. 142-147. (In Russ.).

Semenova O.A. Children of Servants in Russia in the mid-19th – the Early 20th Century, *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2020, vol. 26, no. 3, pp. 55-62. (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-3-55-62

Shcheglov A.L. Dmitry Dril as a Forensic Anthropologist, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*, Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 756-769. (In Russ.).

Slobozhanin M. Features from the Life and Work of Dmitry Dril, *Dril D.A. Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It*, Moscow, INFRA-M, 2010, pp. 615-673. (In Russ.).

Solovyev V.S. *Law and Morality*, Minsk, Harvest, Moscow, AST, 2001, 192 p. (In Russ.).

Tarnovskaya P.N. *Female Murderers: An Anthropological Study*, Saint Petersburg, Tovarishchestvo khudozhestvennoy pechati, 1902, 512 p. (In Russ.).

Vladimirov L.E. *Psychological Examination in Criminal Court*, Moscow, Tovarishchestvo skoropechatni A.A. Levenson, 1901, 291 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Юрьевич Васечко

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;

ORCID: 0000-0002-1808-4404;

ResearcherID: K-2505-2018;

SPIN-код: 3610-5534;

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav Yu. Vasechko

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;

ORCID: 0000-0002-1808-4404;

ResearcherID: K-2505-2018;

SPIN-code: 3610-5534;

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Книжная полка

новые книги сотрудников
Института философии и права УрО РАН

Shared Shelf

new books by staff,
Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the RAS

Фишман Л.Г. Неравенство равных. Концепция и феномен ресентимента. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. 272 с.

Прошло больше столетия с тех пор, как Фридрих Ницше и Макс Шелер заговорили о феномене ресентимента. Но существует ли он на самом деле? Какое отношение к современности имеет реальная и вымышленная классиками «аристократия», с позиций которой оспаривающие ее господство социальные группы обличаются в ресентименте? Может быть, правильнее вести речь не о ресентименте, а о специфической, обусловленной положением социальной позиции – о «взгляде, обнаруживающем ресентимент»? Если же ресентимент все-таки существует, то каким образом его современные многочисленные облики связаны с классическими описаниями? Не стал ли ресентимент неустранимой нормой современных обществ, и с чем это связано? Ответам на эти и другие вопросы посвящена данная монография, адресованная политологам, социологам, философам и всем интересующимся проблемами трансформации современных обществ.

Шавеко Н.А. Принципы справедливой войны. М.: Инфра-М, 2024. 217 с.

Монография посвящена рассмотрению основных положений и проблем теории справедливой войны как особой традиции, сложившейся на Западе в области военной этики. Автором анализируются принципы справедливой войны, высказывается собственная позиция по каждому из таких принципов, предлагаются собственная формулировка и собственная система принципов справедливой войны. Для студентов, аспирантов и преподавателей исторических и политологических вузов и факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами социологии и философии войны.

Рой О.М. Муниципальный менеджмент. СПб.: Лань, 2024. 224 с.

В учебном пособии в систематизированной форме освещаются вопросы функционирования и развития системы муниципального управления и роль муниципального менеджмента в этом процессе. Отличительной особенностью пособия является акцент на разработке компетентностной модели лидеров местных сообществ с акцентом не на законодательство о местном самоуправлении, как представлено в подавляющем числе учебников с данным названием, а на ведущее значение управленческих технологий в реализации функций муниципального менеджмента. Особое внимание обращается на совершенствование системы муниципального управления в связи с модернизацией системы государства и общества. Для студентов, аспирантов, преподавателей, слушателей системы повышения квалификации, руководителей и специалистов органов государственной власти и местного самоуправления.

Правила подачи рукописей

1. Рукописи статей в формате .docx или .doc отправляются в редакцию по электронной почте: admin@instlaw.uran.ru.

2. Статьи, представляемые на русском или английском языке, должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право.

3. Принимаются только рукописи ранее не опубликованных, оригинальных работ. Все статьи проверяются на плагиат, самоплагиат и иные формы нарушения этических норм. В случае их обнаружения на любой стадии работы со статьей авторам направляется уведомление об отказе в публикации.

4. Все поступившие рукописи проходят двойное слепое рецензирование. К рецензированию привлекаются как внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи, так и члены редакционной коллегии. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Процедура рецензирования обычно не занимает больше двух месяцев. Однако в случае рекомендации статьи к доработке и повторному рецензированию общий срок ее рассмотрения может быть увеличен до четырех месяцев.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена на доработку или отклонена. При принятии к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплекзует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение пяти лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

7. Рукопись оформляется в соответствии с принятыми в журнале техническими требованиями. Рекомендуемый объем – от 30 до 60 тысяч знаков с учетом пробелов. Шрифт – 14 Times New Roman, полуторный межстрочный интервал. Текст должен быть отформатирован по ширине без переносов. Абзацный отступ – 1 см (выполняется без использования пробелов или табуляции). Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Основной вид кавычек в текстах на русском языке: « ». Однако, если внутри цитаты есть заковыченный фрагмент, он выделяется с помощью “ ”, а вся цитата – с помощью « ». Основной вид кавычек в текстах на английском языке: “ ”. Подзаголовки основных разделов статьи набираются полужирным шрифтом по центру.

8. В самом начале рукописи, в левом верхнем углу, указывается код УДК. Затем набирается полужирным шрифтом название статьи, под которым указываются имя,

отчество (при наличии), фамилия автора, аффилиация (полное название организации без почтового адреса; возможно указание нескольких организаций), город, страна, адрес электронной почты автора. Далее размещается аннотация объемом от 2000 до 2200 знаков с учетом пробелов. Желательно, чтобы в ней была отражена следующая информация: актуальность, цель, теоретико-методологическая основа, краткое содержание и основные выводы исследования. После аннотации приводится список из 5–10 ключевых слов.

9. В разделе «Благодарности» дается информация о финансировании исследования (финансирующее агентство и номер гранта). Также в этом разделе можно выразить благодарность людям, которые помогли автору в работе над статьей.

10. В конце статьи приводятся сведения об авторе: имя, отчество (при наличии), фамилия, ученая степень, звание, должность и место работы; ORCID; ResearcherID (при наличии); Scopus AuthorID (при наличии); SPIN-код; адрес электронной почты.

11. Информация, указанная в пунктах 8–10 (название статьи, аннотация, ключевые слова, благодарности и информация об авторе), предоставляется также на английском языке.

12. Все таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

13. Библиографический список в конце рукописи включает только научную литературу. Примечания, ссылки на нормативно-правовые акты, статистические данные, интернет-ресурсы, словари, газеты и т.д. оформляются в виде постраничных сносок (12 Times New Roman, одинарный межстрочный интервал, отступ – 1 см). Внутритекстовые ссылки на научную литературу даются в круглых скобках, где указывается фамилия автора или составителя (главного или ответственного редактора), год издания и при необходимости после двоеточия страница(ы). Например: (Луман 1999: 204).

14. В Библиографическом списке сначала идут в алфавитном порядке работы на русском языке, затем на иностранных языках. В книге (монографии, сборнике) указывается год, место издания, издательство, общее число страниц. В статье указывается диапазон страниц. При наличии нескольких работ одного автора, вышедших в одном календарном году, к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c..., что отражается и во внутритекстовых ссылках. Если публикация имеет DOI, следует обязательно указать его.

Все представленные в Библиографическом списке работы оформляются также в виде *References* в алфавитном порядке, где источники на кириллице даются в транслитерации и переводе на английский язык: название журнала, сборника – в транслитерации и переводе; заглавие книги или статьи, место издания – только в переводе; издательство – только в транслитерации. Работы на английском языке приводятся без изменений, источники на иных языках также даются в переводе на английский язык.

15. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно. Гонорар автору не выплачивается.

16. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к рукописям и примерами их оформления можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript Submission Guidelines

1. Manuscripts of articles in .docx or .doc format should be sent to the editorial board's email address: admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscripts submitted in Russian or English have to correspond to the subject areas of the Journal – philosophy, political science, and law.

3. Only manuscripts of previously unpublished and original articles are acceptable. All manuscripts are checked for plagiarism, self-plagiarism and other forms of ethical violations. In case of their detection at any stage of editing, the authors are notified of the refusal to publish.

4. Every submitted manuscript is subjected to a double-blind peer review. Peer reviewers involved are both external experts, specialists in the same subject area as the submitted manuscript, and members of the editorial board. If peer reviews fundamentally differ, the article will either be passed for evaluation to a third reviewer, or the decision will be taken by the editorial board itself. The reviewing procedure usually takes no more than two months. However, if the manuscript is recommended for revision and re-reviewing, the total consideration period can be extended to four months.

5. Based on the results of the review, the manuscript may be accepted for publication, sent back to the author for revision, or rejected. When accepted for publication, the article replenishes the editorial portfolio which materials are used for completing the next issues of the Journal.

6. Peer reviews are retained in the editorial office for five years. The editorial board sends reviews or reasonable rejections to the authors. It is also committed to sending copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in case of being requested.

7. The manuscripts should be designed in accordance with the Journal's technical specifications. The recommended length is between 30,000 and 60,000 characters, including spaces. Font – 14 Times New Roman, line spacing – 1.5. Justified text alignment, no automatic hyphenation. First-line indent (without the use of tabs or space) – 1 cm. Page layout: top margin – 2 cm, bottom – 2 cm, left – 3 cm, right – 1.5 cm. The main type of quotation marks in Russian language manuscripts: « ». However, if there is a quoted extract inside the quote, it is marked with “ ”, and the whole quote is marked with « ». The main type of quotation marks in English language manuscripts: “ ”. The subheadings of the main sections of the article are typed in bold in the center of the page.

8. At the very beginning of the manuscript, in the top-left corner, a universal decimal classification (UDC) code should be indicated if possible. Then the article title is typed in bold, under which the author's personal data should be provided: the name, patronymic (if any), and the surname of the author, affiliation (full name without a postal

address; multiple affiliations are permitted), city, country, e-mail of the author. Next, an abstract comprising 2,000–2,200 characters in length (including spaces) is placed. It is advised to contain the following information: relevance, purpose, theoretical and methodological basis, summary, and main conclusions of the study. After the abstract, a list of 5–10 keywords is to be provided.

9. Acknowledgement section includes information on the financial support (the funding agency and the grant number). Also in this section, it is possible to express gratitude to those who helped the author in working on the article.

10. At the end of the manuscript, information about the author should be placed: first name, patronymic (if any), and the surname, academic degree, title, and position held; ORCID; ResearcherID (if any); Scopus AuthorID (if any); SPIN-code (if any); E-mail.

11. The information specified in paragraphs 8–10 (the article title, abstract, keywords, acknowledgements, and information about the author) is also provided in Russian if possible.

12. All tables and figures should be numbered in order of appearance and have captions. They should be both placed within the text of the manuscript and provided in separate files.

13. The Bibliography at the end of the manuscript includes only scientific literature. Notes, links to regulatory legal acts, statistical data, Internet resources, dictionaries, newspapers, etc. are given in the footnotes (12 Times New Roman, single line spacing, first-line indent – 1 cm). In-text references to scholarly sources are placed in parenthesis with the surname of the author or the compiler (chief or responsible editor), the year of publication, and, if necessary, the page(s) after a colon. For example: (Luhmann 1999: 204).

14. The Bibliography first includes alphabetically ordered works in Russian, then in other languages. A book (monograph, collection) indicates the year, place of publication, publisher, and a total number of pages. An article specifies the range of pages. When there are several works of the same author, published in the same calendar year, lowercase letters of the Latin alphabet (a, b, c, etc.) are added to the numerical year designation; this should also be reflected in the in-text references. If the publication has DOI, it is obligatory to be stated.

All works in the Bibliography are also arranged as References in alphabetical order with Cyrillic sources given in transliteration and translation into English: the name of the journal, collection – in transliteration and translation; the title of the book or the article, place of publication – only in translation; the publisher – only in transliteration. Sources originally written in English are given without changes, sources in other languages are also cited in English translation.

15. Publication of accepted articles is free of charge. No honorarium is paid to the author.

16. In addition to the manuscript, the author provides a written consent to display the published article in the electronic databases, as well as a written consent to make public his/ her personal data.

More detailed information about manuscript submission guidelines and design samples are provided on the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 24

Выпуск 2

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственный за выпуск
В.С. Мартьянов

Редактор *И.И. Арсентьева*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РАА»*

Подписано в печать: 29.07.2024. Дата выхода в свет: 1.08.2024.
Формат 70x100/16. Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 15,4 Уч.-изд. л. 12,4
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.